

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Кан Инань

Кан Инань

**МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ПРЕДМЕТНОЙ
И БЫТОВОЙ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ
В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (УРОВЕНЬ В1 – С1)**

5.8.2 – Теория и методика обучения и воспитания
(русский как иностранный, уровень общего, профессионального,
дополнительного образования, профессионального обучения)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Мамонтов Александр Степанович

Москва – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3–12
ГЛАВА 1. ЛЕКСИКА В ОБУЧЕНИИ РКИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ	
1.1. Лексический материал в содержании обучения русскому языку как иностранному.....	13–32
1.2. Лексика с культурным компонентом как одна из составляющих процесса формирования языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций.....	33–52
1.3. Наименования предметов и явлений традиционного русского быта, их место и роль в обучении РКИ.....	52–73
ГЛАВА 2. НПЯТРБ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	
2.1. Проблема отбора и минимизации соответствующих лексических единиц (уровень В1 – С1).....	74–95
2.2. Анализ трудностей, возникающих при работе над лексикой НПЯТРБ в китайской аудитории уровня В1 – С1: этнокультурный аспект.....	95–106
ГЛАВА 3. ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НПЯТРБ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ УЧАЩИМСЯ-КИТАЙЦАМ	
3.1. Принципы построения и структура лингвострановедческого словника как одного из средств обучения РКИ (уровень В1 – С1) китайских граждан.....	107–132
3.2. Экспериментальная проверка степени эффективности использования национально ориентированной разработки в обучении НПЯТРБ китайской аудитории филологического профиля уровня В1 – С1.....	132–147
3.3. Методические рекомендации к работе по усвоению лексики НПЯТРБ в китайской аудитории.....	147–165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	166–169
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	170–191
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	192–212

*Посвящается светлой памяти
академика Виталия Григорьевича
Костомарова*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию лингвокультурологического аспекта методики работы над наименования предметов и явлений традиционного русского быта в китайской аудитории уровня В1 – С1. Сегодня все большее значение приобретают проблемы межкультурной коммуникации. Для эффективного общения с представителями других государств знания иностранных языков как определенного объема лексики и грамматических правил часто оказывается недостаточным. Язык как хранитель историко-культурной информации выступает средством передачи внеязыкового коллективного опыта, без овладения которым невозможно полноценное общение. Этим объясняются длительность и трудозатратность изучения любого иностранного языка, в том числе русского языка как иностранного (РКИ).

Поскольку основная цель освоения иностранного языка – приобретение коммуникативных навыков, выработка собственно языковой компетенции тесно взаимосвязана с формированием социокультурной компетенции. Она предполагает, что обучающиеся владеют информацией о национально-культурных особенностях общественного и речевого поведения носителей языка. Мы имеем в виду знание фактов истории и культуры, социальных моделей, обычаев, этикета, а также навык применять эти знания в процессе общения. Обретение такой компетенции предполагает особый вектор занятий по иностранному языку. Их следует проводить по принципу диалога культур. Чтобы решать задачу налаживания межкультурной коммуникации и формирования вторичной языковой личности, необходимо учитывать различия в социокультурном чувственном отражении окружающей действительности у инофонов.

Для современного этапа в лингвометодике характерно обращение ученых

и специалистов к явлениям культуры, которые получили развитие в языковых феноменах, и, соответственно, лексемам с культурным компонентом семантики (Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов, Ю.Е. Прохоров, В.Н. Телия, Г.Д. Томахин, С.Г. Тер-Минасова и др.). Язык и культура взаимодействуют на каждом своем уровне. Не случайно гуманитарное знание обогатилось множеством научных дисциплин, которые по-разному отражают это взаимодействие: лингвострановедение, сопоставительное лингвострановедение, лингвокультурология и др. Глобализация мировой экономики, тотальная информатизация и цифровизация с каждым годом все крепче связывают жителей планеты. Столкновение разнородных языков и культур остро ставят проблемы влияния языка на личность и общество, а также проекции личности и социума на язык. На первый план в обучении иностранным языкам выходит национально ориентированная методика. Она опирается на межъязыковые связи, существующие с родным языком обучающихся.

Национально ориентированная методика зародилась еще в 1960-е гг. (В.Н. Вагнер, М.В. Всеволодова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.). С тех пор было проведено много исследований взаимодействия языков – родного и иностранного при его изучении. Ученые обосновали модель организации обучения с опорой на родной язык инофонов на основе параллельного сопоставления (В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, Е.Д. Поливанов, А.А. Реформатский, И.Д. Салистра, Н.С. Трубецкой, Л.В. Щерба и др.). На сегодняшний день вышли в свет труды, в которых представлены конкретные методики подготовки инофонов по РКИ с точки зрения интерференционных проявлений (В.А. Артемов, Р.Ю. Барсук, Е.А. Брызгунова, В.Н. Вагнер, М.В. Всеволодова, Ю.Г. Лебедева, С.П. Розанова и др.).

Национально ориентированной называется методика, которая принимает во внимание специфику картины мира носителей изучаемого языка. «Важной составляющей данной методики является сопоставительный анализ двух языков, для которого свойственно выявление не только различий, но и сходств» [305, с. 14]. Различные аспекты национально ориентированного обучения РКИ в

зависимости от происхождения студентов-инофонов раскрываются в исследованиях Т.М. Балыхиной, И.Е. Бобрышевой, О.П. Быковой, А.С. Мамонтова, Л.П. Мухаммад и др. [14; 23; 30; 120; 248]. Национально ориентированная модель обучения соответствует современным вызовам в сфере преподавания иностранных языков и позволяет обучающимся овладеть одновременно языковыми знаниями, коммуникативными навыками и комплексом культурологических знаний. Как справедливо утверждают исследователи, наиглавнейшей задачей при этом подходе выступает определение принципов отбора и минимизации существенных для ситуаций коммуникации данных на основе родной культуры студента, поскольку содержание обучения с точки зрения формирования необходимой компетенции будет зависеть от родной культуры инофона [121; 126].

Представители китайской лингвокультуры обладают рядом этнопсихологических и этнокультурных особенностей. Специалисты говорят о присущих только китайцам признаках памяти, восприятия, мышления, о своеобразном мировоззрении и мироощущении. Также получили широкое распространение в некоторой степени шаблонное представление о познавательной деятельности китайских студентов. Так, в своей работе Чжао Юйцзян отмечает, что им свойствен «практический, чуждый ненужным сложностям» образ мышления; их логика «отличается высокой предметностью»; «стереотип национального мышления вынуждает китайцев конструировать стандартные ситуации, подчинять бесконечное разнообразие привычному стандарту» [224, с. 66].

Перечисленные ментальные свойства китайских студентов в процессе изучения РКИ накладываются на особенности нового для них языка. Как известно, русский и китайский языки радикально отличаются в части лексики и грамматики. Это объясняет сложности задачи создания специальной методики преподавания РКИ, следование которой не вызывало бы большинства трудностей, с которыми сталкиваются китайцы при освоении РКИ.

Сказанное объясняет, почему существенное место в ходе изучения РКИ

занимает расшифровка семантического наполнения слова и выделение этнокультурной составляющей лексемы. В этом смысле большую важность приобретают русские языковые единицы, которые не имеют эквивалента в китайском, так как обозначают уникальные реалии русской культуры, т. е. русскую предметную и бытовую культурно-специфическую лексику. Этот пласт охватывает наименования предметов и явлений традиционного русского быта (НПЯТРБ)¹. Данный раздел русского языка одновременно своеобразный, оригинальный и довольно непростой для научного осмысления и дидактического представления. В настоящее время часть НПЯТРБ уже стала архаизмами, часть еще актуальна, однако и те и другие лексемы встречаются в текстах различных стилей и сфер общения. Мы развиваем социокультурный подход к обучению РКИ, поэтому НПЯТРБ рассматриваем как ценный дидактический материал.

Определили место НПЯТРБ в лексическом строе русского языка Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. В своем фундаментальном труде «Язык и культура» (1973) они выделили НПЯТРБ как особый пласт безэквивалентной национально-специфической лексики и рассмотрели с точки зрения лингвофилософии, лексикологии и лингвометодики. С этого момента прошло почти полвека, но НПЯТРБ практически не освещаются в ходе преподавания РКИ. Полагаем, было бы правильно посвятить им минимум факультативный спецкурс лингвострановедческого характера для студентов уровня В2 – С2 в том числе китайцев. НПЯТРБ отражают повседневную, обыденную жизнь русскоязычных людей, они заключают практически всю совокупность русского вещественного мира. Через их освоение можно приблизиться к осмыслению мироощущения русского человека, его представления о справедливом мироустройстве и эстетического чувства. Изучение НПЯТРБ вместе с постижением русской исконной повседневной культуры поможет выработке

¹ Мы считаем эквивалентными понятия «русская предметная и бытовая культурно-специфическая лексика», «лексика с культурным компонентом» и «наименования предметов и явлений традиционного русского быта».

межкультурной компетенции у студентов-иностранцев.

Актуальность темы исследования мы связываем с важностью изучения наименований предметов и явлений традиционного русского быта как раздела лексики с ярко выраженными национально-культурными особенностями. Кроме того, мы полагаем, что анализ НПЯТРБ необходимо вести с позиций сопоставительного лингвострановедения. Такой принцип, по нашему мнению, будет способствовать повышению социокультурной компетенции в процессе преподавания РКИ.

Изучение НПЯТРБ в русле сопоставительного лингвострановедения предполагает оценку русских и китайских национально-культурных особенностей и на этой основе определяет структуру и содержание специальных учебников и учебных пособий по лингвострановедению. Включение в содержание обучения НПЯТРБ позволит китайским обучающимся уровня В1 – С1 ознакомиться с особенностями русского мира (традициями, обычаями, укладом); с устным народным творчеством и художественной литературой как элементами русской культуры, что улучшит коммуникативные навыки студентов. Этот подход к обучению русской лексике будет способствовать увеличению интереса и к жизни в России в целом, что имеет большое значение для повышения популярности русского языка и усиления мотивации к его изучению в Китае сегодня.

Степень разработанности научной проблемы представляется недостаточной, хотя за последние годы накоплен существенный практический опыт, опубликованы теоретические исследования, которые позволяют обосновать эффективность лингвострановедческого подхода к обучению русской лексике в практике преподавания РКИ китайским студентам. Тем не менее количество научных трудов не соответствует той важной роли, которую играют лексические единицы с культурным компонентом семантики в формировании коммуникативной компетенции.

Цель исследования – с позиции сопоставительного лингвострановедения раскрыть потенциал НПЯТРБ с точки зрения формирования лексических

навыков и умений у китайской аудитории; в русле национально ориентированного подхода представить лингвометодические принципы организации обучения НПЯТРБ в практике преподавания РКИ китайским студентам уровня В1 – С1.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

1) сделать обзор научных трудов, посвященных лексическому материалу в содержании обучения РКИ;

2) проанализировать лексику с культурным компонентом семантики как одну из составляющих процесса формирования языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций;

3) охарактеризовать наименования предметов и явлений традиционного русского быта, их место и роль в обучении РКИ;

4) представить свое видение решения проблемы отбора и минимизации НПЯТРБ для изучения в китайской аудитории (уровень В1 – С1);

5) выполнить анализ трудностей, возникающих при работе над лексикой НПЯТРБ в китайской аудитории на уровне В1 – С1;

6) сформулировать принципы построения национально ориентированной лингвострановедческой разработки, включающей словник и комплекс упражнений, как одного из средств обучения РКИ китайских граждан;

7) дать методические рекомендации к работе по усвоению НПЯТРБ в китайской аудитории.

Материалом исследования послужили номинативные единицы с культурным компонентом: безэквивалентная, коннотативная и фоновая лексика – конститuentы учебных художественных текстов, предлагаемых в хрестоматиях и книгах для чтения по РКИ в целях развития и совершенствования коммуникативных навыков и умений в китайской аудитории в условиях отсутствия языковой среды (уровень В1 – С1).

Объектом исследования являются наименования предметов и явлений традиционного русского быта, которые отобраны для преподавания РКИ в китайской аудитории (уровень В1 – С1). Основное внимание обращается на

НПЯТРБ, которые вызывают наибольшие затруднения при восприятии и употреблении инофонами и которые являются конститuentами учебных текстов, в частности используются в хрестоматиях и книгах для чтения в КНР.

Предмет исследования – изучение наименований предметов и явлений традиционного русского быта китайскими студентами уровня В1 – С1 и методическая организация подобного обучения.

Теоретической и методологической основой настоящего диссертационного исследования, посвященного научно-методической проблеме преподавания НПЯТРБ в китайской аудитории на основе лингвокультурологического подхода, являются:

– труды по лингвокультурологии и лингвострановедению (А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, С.Г. Воркачева, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, В.В. Колесова, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, А.С. Мамонтова, В.А. Масловой, Г.Г. Слышкина, И.А. Стернина, А.Т. Хроленко, В.М. Шаклеина, А.Д. Шмелева и др.);

– работы в области методики обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному (А.Р. Арутюнова, И.Л. Бим, М.Н. Вятютнева, И.А. Зимней, Д.И. Изаренкова, В.Г. Костомарова, Е.М. Кочневой, А.А. Леонтьева, О.Д. Митрофановой, В.В. Морковкина, Л.П. Мухаммад, Е.И. Пассова, С.Ф. Шатилова, А.Н. Щукина и др.);

– научно-методические исследования, посвященные особенностям преподавания русского языка китайским обучающимся (Т.М. Балыхиной, И.Е. Бобрышевой, И.А. Пугачева и др.).

В работе используются следующие **методы исследования**:

- анализ и обобщение опыта преподавания иностранных языков и РКИ;
- аналитико-описательный метод, который включает анализ лингвистических, психологических, методических данных с последующим обобщением и описанием полученных выводов;
- метод анкетирования;
- метод включенного наблюдения;

- метод компонентного анализа;
- метод опроса;
- метод системного описания методических процессов;
- метод толкования слов;
- наблюдение за процессом обучения речевому общению.

Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждаются непротиворечивостью полученных данных, их соответствием теоретическим положениям и выводам; использованием методов исследования, которые адекватны поставленным целям и задачам.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что впервые наименования предметов и явлений традиционного русского быта были изучены с позиции сопоставительного лингвострановедения, для чего к анализу были привлечены их китайские соответствия; была показана ведущая роль НПЯТРБ как лексики с культурным компонентом в формировании социокультурной компетенции. Был установлен оптимальный диапазон НПЯТРБ для изучения в китайской аудитории (уровень В1 – С1) и проанализированы трудности, которые могут возникнуть при работе над этим разделом лексики; доказано наличие значительного потенциала у НПЯТРБ с точки зрения формирования языковой компетенции. Представлены национально ориентированные методические принципы организации обучения НПЯТРБ в практике преподавания РКИ китайским студентам уровня В1 – С1; приведены базовые основы построения национально ориентированной лингвострановедческой разработки, включающей словник и комплекс упражнений, как одного из средств обучения РКИ китайских граждан в условиях отсутствия языковой среды, а также практические материалы для такой разработки; сформулированы конкретные методические рекомендации к работе по усвоению НПЯТРБ в китайской аудитории.

Теоретическая значимость работы состоит в исследовании национально-культурной специфики НПЯТРБ на основе их описания с целью построения национально ориентированной методики обучения русской лексикологии

китайских обучающихся уровня В1 – С1 с учетом специфики родной культуры адресата. Для этого проводилось эмпирически обусловленное сопоставительное исследование НПЯТРБ и их переводов на китайский язык путем привлечения обширной экстралингвистической информации. Полученные результаты также вносят свой вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологии, лингвострановедения, теории межкультурной коммуникации, а также лексикографии, в частности учебной.

Практическая значимость исследования определяется актуальностью проблемы преподавания РКИ с учетом национальной культуры адресата обучения. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке методических основ лингвострановедения и лингвокультурологии, применительно к обучению РКИ студентов уровня В1 – С1, в курсах по лингвострановедению, лингвокультурологии, теории и практике межкультурной коммуникации, лексикографии, теории и практике перевода.

Результатом исследования являются учебные материалы, призванные обеспечить максимальную оптимизацию процесса развития и совершенствования коммуникативных навыков и умений у китайских обучающихся уровня В1 – С1 в условиях отсутствия языковой среды.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Преподавание РКИ в китайской аудитории в условиях отсутствия языковой среды должно в обязательном порядке включать целенаправленно и специальным образом отобранную лексику с культурным компонентом семантики.

2. Раздел НПЯТРБ обладает значительной лингвокультурной ценностью для инофонов-китайцев, представителей дистантной лингвокультуры, овладевающих РКИ в условиях отсутствия языковой среды.

3. При изучении НПЯТРБ необходимо обращаться к соответствующим китайским реалиям, поскольку незнакомый факт чужеродной культуры проще воспринимается на фоне знакомого, родного.

4. Лингвокультурологический подход к изучению НПЯТРБ позволяет

установить значительное числа семантических лакун, отражающих особенности русской и китайской языковых систем, а также соответствующих культур.

5. Освоение НПЯТРБ должно сопровождаться специально организованной на сопоставительной основе национально ориентированной лингвострановедческой разработкой, которая состоит из словника, включающего отобранные непосредственно для китайской аудитории номинативные единицы, и комплекса упражнений.

6. Методика работы с НПЯТРБ на занятиях по изучению РКИ должна соответствовать дидактическим принципам научности, сознательности, активности, наглядности, систематичности и последовательности.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование в целом обсуждалось на заседании кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Отдельные положения, результаты исследования докладывались на IX Всероссийской научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов» (Томск, 2019), X Всероссийской научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов» (Томск, 2020), I Международной научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов» (Томск, 2021), Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (XXII Кирилло-Мефодиевские чтения; Москва, 26 мая 2021 г.).

Основные положения диссертации изложены в восьми публикациях, из них три сделаны в изданиях, входящих в список, рекомендованный ВАК РФ.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 343 наименования на русском и китайском языках, 8 приложений. Общий объем работы составляет 212 страниц, из которых 169 страниц основного текста.

ГЛАВА 1. ЛЕКСИКА В ОБУЧЕНИИ РКИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

1.1. Лексический материал в содержании обучения русскому языку как иностранному

Изучение любого иностранного языка, в том числе русского как иностранного, предполагает прохождение определенных этапов для достижения главной цели – приобретения устойчивых навыков общения. При освоении нового языка обучающийся должен постичь фонетические, лексические и грамматические пласты, при этом универсальным способом, позволяющим сделать это, остается расширение словарного запаса, поскольку знакомство с новой лексической единицей – словом – дает возможность одновременно знакомиться с содержательной стороной понятия, которое оно обозначает; приобретать правильное произношение; а также погружаться в комплекс грамматических отношений, который складывается вокруг каждой лексемы.

Нельзя выучить новые слова отдельно друг от друга. Человек может знать тысячи слов, но, не умея включать их в высказывание, строить с их помощью фразу, он никогда не заговорит связной речью. Вследствие этого целесообразно всякую лексическую единицу предлагать обучающимся в контексте относящихся к ней потенциальных речевых ситуаций. Только в этом случае происходит развитие коммуникативных навыков.

Опыт изучения и преподавания иностранных языков показывает, что наибольшие трудности и психологические барьеры у обучающихся вызывает грамматика, однако, если человеку, осваивающему новый язык не хватает словарного запаса, его способности понимать чужую речь или ясно выражать свои мысли ограничены. Действительно, без знания основных грамматических форм и категорий сложно выразить свои мысли, однако без значительного словаря выразить что-либо невозможно. Обучающиеся с недостаточным объемом словарного запаса не достигнут успеха и в иных аспектах использования языка, например в чтении.

Возникает замкнутый круг: малый словарный запас затрудняет

коммуникацию и чтение, недостаток которых, в свою очередь, не дает наращивать лексикон.

Несомненно, изучение лексических единиц играет жизненно важную роль в отработке всех языковых навыков (аудирования, говорения, чтения и письма), потому что без обширного словарного запаса изучающий язык не сможет использовать даже известные ему грамматические структуры. Незнание слов является главным и самым большим препятствием для осваивающего иностранный язык, которое необходимо преодолевать. Таким образом, изучение лексики становится центральной проблемой при овладении вторым и последующими языками.

Между тем в сравнении с грамматикой, бесспорно наиболее сложным разделом любого языка, основная трудность лексикологии состоит в том, что ее невозможно объяснить какими-либо правилами. Например, столкнувшись с глаголом *чесать*, изучающий РКИ, зная алгоритм определения спряжения глаголов, способен изменить его по лицам, числам и родам (в прошедшем времени), но не «просчитает» наличие у него дополнительного значения, связанного с каким-либо интенсивным действием (*чесать руку* – ‘скрести, тереть руку для избавления от зуда’ и *чесать до дома* – ‘очень быстро бежать до дома’). Лексемы можно лишь классифицировать, т. е. констатировать языковой факт, но их семантическое наполнение нельзя подчинить каким бы то ни было законам, поэтому основной объем информации здесь приходится заучивать.

Таким образом, важнейшей целью изучения иностранного языка является пополнение коммуникативного ресурса обучающегося за счет различных слоев лексики, так чтобы и его активный словарь, используемый для говорения и письма, и рецептивный словарь, необходимый для слушания и чтения, соответствовали актуальным социальным задачам. Значение интенсивного освоения лексики неоспоримо, как неоспоримо и то, что объем словарного запаса каждого обучающегося – это во многом личное достижение, основанное на ответственности человека за расширение своих знаний, его мотивации и интереса к осваиваемому языку. Овладение лексикой – это значимый навык и

серьезный шаг в приобретении коммуникативной компетенции, который во многом осуществляется на основе собственных интересов и потребностей.

Деление словарного запаса на активный и рецептивный словари происходит абсолютно условно, поскольку собственно барьера между ними не существует. Одни и те же лексические единицы могут войти в любую из этих категорий в зависимости от конкретной речевой ситуации. Более того, лексикон инофона пополняется за счет потенциального словаря, т. е. слов, которые человек не изучал специально, но, встретив их в обращенной речи (письменной или устной), он догадается об их значении самостоятельно – по контексту, исходя из семантики знакомых морфем и т. д. Такой навык постепенно приобретается по мере освоения иностранного языка, как только обучающийся запомнит универсальный лексический минимум, разберется в основах словообразования и грамматики.

Такое явление, как потенциальный словарь, возникает благодаря тому, что основная масса слов, составляющих общий объем языкового словарного запаса, генетически восходит к относительно малому количеству лексических единиц. Предположим, от корневого слова *нос* образованы слова *носик*, *носишко*, *носище*, *носовой*, *носатый*, *носач*, а также *носоглотка*, *носогрейка*, *носорог* и др. Этот пример демонстрирует, что корневое слово и производные от него связаны разного рода отношениями: формальными, логическими, смысловыми. В связи с этим важнейшей методической задачей при работе над лексикой иностранного языка выступает формирование у обучающихся навыка обнаруживать эти отношения и в конечном счете «узнавать» новые слова.

Конечно, на этом пути инофонов встретит немало лингвистических казусов. (Здесь мы имеем в виду ошибки, подобные той, что получила популярность мема: животные сельскохозяйственного назначения в основном имеют отдельные обозначения по полу, например *козел* и *коза*. Однако пару *ослу* составляет не *оса*, а *ослица*, что вызывает недоумение и смех у изучающих русский язык.) Тем не менее способность опознавать лексему из уже знакомого семантического поля существенно расширит словарный запас изучающего РКИ

и позволит ему чувствовать себя увереннее в различных речевых ситуациях.

Чтобы выстроить эффективную стратегию освоения лексики обучающимися в ходе преподавания русского как иностранного, важно помнить, что слово и его семантическое наполнение находятся в центре внимания не только лексикологии, но и других лингвистических дисциплин. Помимо определения слова как основной единицы языка, лексикология выясняет связи значения слова с понятием, типизирует значения слов, устанавливает различные виды системных отношений, существующих внутри различных групп лексики. Если в морфологии и словообразовании слово рассматривается как пример реализации грамматических структур или моделей, то лексикологию интересует слово как комплекс выражаемых им смыслов. С этой точки зрения лексические единицы, формально представляющие собой определенный набор букв и звуков, также выступают своеобразной системой, пронизанной множеством связей и обремененной рядом функций.

Кроме этого, предметом лексикологии выступает соотношение лексики и внеязыковой действительности, например, как лексика сопрягается с культурой.

У истоков русской лексикологии стояли такие видные деятели науки, как М.В. Ломоносов и Ф.И. Буслаев. Значительный вклад в развитие этого раздела лингвистики в разное время внесли О.С. Ахманова, Ю.Д. Апресян, Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, Б.Ю. Городецкий, А.П. Евгеньева, А.В. Калинин, Н.В. Крушевский, Б. А. Ларин, В.В. Морковкин, Л.А. Новиков, С.И. Ожегов, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, А.И. Смирницкий, Ю.С. Сорокин, Ф.П. Филин, Ф.Ф. Фортунатов, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев, Л.В. Щерба и многие другие.

Особенности лексической системы китайского языка изложены в трудах советских и российских синологов В.М. Алексеева, Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа), В.П. Васильева, В.И. Горелова, А.А. Драгунова, И.И. Захарова, Б.С. Исаенко, А.М. Карапетьянца, И.Д. Клемина, Н.Н. Короткова, И.М. Опанина, Е.Д. Поливанова, Ю.В. Рождественского, М.К. Румянцева, А.Л. Семенас, В.М. Солнцева, Н.В. Солнцевой, Ю.А. Сорокина, М.В. Софронова,

О.П. Фроловой, А.А. Хаматовой, В.А. Цыкина, В.Ф. Щичко, С.Б. Янкивер, С.Е. Яхонтова и др.

В центре лексикологии как раздела науки о языке находится понятие слова. Несмотря на кажущуюся очевидность ответа на вопрос, что это такое, вокруг этого термина ведутся многолетние дискуссии. Наука знает десятки дефиниций, однако ни одна из них не признана лингвистическим сообществом исчерпывающей. В результате ученые порой признавали такие попытки тупиковыми (это отмечали, например, Ф. де Соссюр [194, с. 107], Ж. Вандриес [34, с. 89], Л.В. Щерба [232, с. 175], Ш. Балли [13, с. 315]).

Действительно, слова чрезвычайно разнообразны. Они различаются по качеству своего семантического наполнения (одни слова обозначают предметы, другие лишь указывают на них, третьи выражают эмоции, четвертые вообще ничего конкретного не обозначают и т. д.); по структуре (есть слова членимые и нечленимые); по синтаксической роли и пр. Однако какие бы признаки не брались за основу определения, оно получалось либо ограниченным, либо, напротив, пересекало границы классов иных языковых единиц. Так, если основываться на присущей словам номинативности, то словами можно будет назвать лишь те из них, которые обозначают какие-либо понятия. Служебные слова, междометия и местоимения таковыми считаться не будут. В то же время к словам будут приравнены фразеологические обороты, поскольку это словосочетания, характеризующиеся семантической слитностью.

Мы примем за основу определение слова, приведенное в Лингвистическом энциклопедическом словаре (автор словарной статьи В.Г. Гак), поскольку, на наш взгляд, оно учитывает противоречивый характер этого понятия и охватывает весь обширный комплекс его форм и видов в разных языках: «Слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфических для каждого языка» [318, с. 464].

Помимо слова, лексикология оперирует такими терминами, как

лексическая единица и лексема, которые довольно часто выступают синонимами по отношению и друг к другу, и к понятию «слово». Выделение различных единиц языка отражает стремление структурировать язык, представить его как многоуровневую систему. Так, лексическая единица – это номинативная единица языка, объект, который, соединяясь с другими подобными элементами, строит целостные языковые структуры: словосочетания и предложения. В процессе функционирования в речи лексических единиц возрастает роль взаимодействия лексики и грамматики, которые, с одной стороны, поддерживают, а с другой – ограничивают друг друга. Под лексемой часто понимают абстрактную единицу, объединяющую все формы одного слова.

Пристальное внимание лексикологии вызывают отношения между словом и конкретным предметом, которое оно обозначает. Семасиология как раздел лексикологии изучает слово и его значения, которых может быть одно (моносемия, однозначность), два и больше (полисемия, многозначность). Известно, что слово способно как утрачивать какие-либо значения, так и приобретать новые. Причины этих явлений также изучаются лексикологией.

Лексическое значение слова – это содержание слова, отражающее в сознании и фиксирующее в нем представление об объекте, свойстве процесса, явления и т. д. Это соотношение, устанавливаемое нашим мышлением между звуковым комплексом и объектом или явлением реальности, на которое указывает этот комплекс звуков.

Преподавание русской лексикологии в китайской аудитории должно учитывать то, что лексическая система китайского языка обладает рядом специфических признаков. Один из них – особая словообразовательная структура китайского слова. Здесь проявляется слоговая природа китайского языка, односложный характер древних слов, а также агглютинативный способ образования новых слов. Например, слово *корова* на китайском языке 母牛 *муняу*, т. е. 母 *му* ‘самка’ + 牛 *няу* ‘бык, корова’; *кобыла* – 母马 *му ма*, т. е. 母 *му* ‘самка’ + 马 *ма* ‘лошадь’. Таким образом, в довольно обширном ряде случаев словообразовательные компоненты сложного слова совпадают с

семантическими.

Китайская иероглифическая графика отражает этот принцип словообразования: один иероглиф обозначает один слог или одну морфему, несущие в себе часть семантического содержания целого слова.

Автор трехтомного «Очерка грамматики китайского языка» Люй Шу-сян рассуждает о различиях между привычным для европейской традиции пониманием слова и представлением слова в китайском языке и приводит примеры китайского словообразования при помощи элементарных смысловых компонентов: «В китайском языке большинство слов состоит из двух слогов... Значит ли это, что слово является наименьшей смысловой единицей языка? В общем это верно, но не всегда. Например, 院子 *юаньцзы* ‘двор’ представляет собой одно слово, но все его значение, по-видимому, сконцентрировано в одном компоненте: 院 *юань*. Это легко доказать на примере таких слов, как: 剧院 *сиюань* ‘театр’, 法院 *фаюань* ‘суд’... которые свидетельствуют о том, что слог 院 *юань* сам по себе является искомой смысловой единицей, а 子 *-цзы* является зависимым от него компонентом. И все же мы не говорим просто 院 *юань*, а говорим 院子 *юаньцзы* ‘двор’. Вот почему мы вправе провести следующее разграничение: 院子 *юаньцзы* является наименьшей единицей выражения значения; такую единицу мы называем „словом” (词 *цы*); 院 *юань* является наименьшей смысловой единицей, которая называется „корнем” (词根 *цыгэнь*)» [118, с. 29].

В более поздних своих изысканиях Люй Шу-сян назвал эти смысловые элементы юйсу, т. е. морфема, минимальная единица, обладающая звучанием и значением [183]. Здесь морфема понимается несколько иначе, чем в русской традиции, и приближается по своему семантическому наполнению к русскому понятию «корень». Аффиксы в русском языке выражают грамматическое, словообразовательное значение, но не лексическое. Думается, поэтому российский исследователь А.Л. Семенас выдвинула для обозначения морфемы в китайском языке термин «первичная лексема» как исходное понятие базового уровня анализа китайской лексики [181, с. 2]. Также в силу односложности этих частей слова их иногда именуют слогоморфемами [172, с. 11–24].

Отличия в русской и китайской лексикологии, вызванные их глубинной природой (китайский язык агглютинативный, русский язык флективный), объясняют сложности, которые неминуемо возникнут у китайских обучающихся при освоении русского языка: значение русских слов (за исключением сложных) не равно значению составляющих их компонентов, как часто бывает в китайском. Так, слова *мальчик* и *девочка* в русском языке – это самостоятельные лексические единицы, образующие свои семантические поля. Первое восходит к слову *малый*, второе – к слову *дева*. Тогда как в китайском языке слово *мальчик* 男孩 *нанхай* складывается из первичных лексем 男 *нан* ‘мужчина’ и 孩 *хай* ‘ребенок’, *девочка* 女孩 *нихай* – соответственно 女 *ни* ‘женщина’ и 孩 *хай* ‘ребенок’.

В целом китайская лексика в сравнении с русской менее абстрактна и сильнее привязана к предметно-понятийной основе. Из первичных лексем, обозначаемых, как правило, иероглифами, слова складываются как из кирпичиков. Это дало возможность А.Л. Семенас назвать корпус китайских первичных лексем присущим носителям языка и хранящимся в их языковом сознании «исходным лексическим инвентарем языка» [181, с. 12]. Такой строй китайской лексики позволяет говорить об особом типе языка и языкового мышления китайской аудитории.

Следует отметить, что лексика любого языка, будучи связанной с объектами внеязыковой реальности, отражает материальную и духовную культуру народа-носителя, особенности социального устройства сообщества, оперирующего этим языком. Естественно, что словарный запас изменяется под воздействием прежде всего экстралингвистических факторов. В этом ключевое отличие лексической системы любого языка от других систем: фонологической, морфологической и синтаксической.

Анализ лексического строя языка обнаруживает следы каждого события в жизни общества: политического, экономического, социального, культурного, научного и др. Так, близкое взаимодействие русских с тюркскими народами в Средние века обернулось большим количеством тюркизмов (*базар*, *сарай*, *сарфан*). Преобразования всех сторон жизни в эпоху Петра I принесли русскому

языку многочисленные заимствования из романо-германских языков (*ассамблея, боцман, лоцман*). Свержение царского режима и установление власти большевиков в результате революционных событий 1917 г. привели к тому, что значительный массив лексики стал устаревшим, но зато появилось большое количество новых слов (*колхоз, комсомол, субботник*), часть которых так же быстро устарела (*ликбез, рабфак, ревком*).

В дальнейшем на протяжении XX в. новые слова входили в русский язык в связи с научно-технической революцией, перестройкой, изменением социально-экономических реалий и др. (*девелопер, компьютер, офис*). В настоящее время мы наблюдаем бум, связанный с вхождением в русский язык слов, относящихся к сфере коммуникации в Интернете, а также социальных сетей, мессенджеров и т. п. (*имейл, логин, ник*). События последних лет, омраченных пандемией новой коронавирусной инфекции, внесли в русский язык обширный пул новых слов: *антиваксер, дистант, ковид, ковидарий, удалёнка* и др. Специалисты Института лингвистических исследований РАН зафиксировали около 3 500 новых лексических единиц [328].

Таким образом, тесная связь с объективной реальностью определяет особенности лексической системы: она незамкнута, любые трансформации, которые мы можем наблюдать в жизни, способны проникнуть в эту систему и изменить ее. Эти изменения выражаются в постоянном пополнении новыми элементами: новыми лексическими единицами, новыми семантическими значениями у ранее известных лексических единиц (например, разговорно-сниженное слово *голомордый* до 2020 г. имело значение ‘не имеющий бороды’, во время пандемии приобрело значение ‘не надевший медицинскую маску’). Напротив, под влиянием различных обстоятельств некоторые лексические единицы и значения становятся историзмами и архаизмами – отправляются на языковую периферию. В итоге лексическая система представляет собой постоянно изменяющуюся структуру с мощными центробежными и центростремительными потоками, получающими импульс извне. Все это не позволяет изучать системные отношения сразу между всеми элементами

словарного запаса.

Еще одно отличие лексической системы от других языковых систем состоит в том, что большинство слов, существующих в языке, носителями не используются или используются очень редко, чего нельзя сказать, например, о фонемах, которые задействуются в полном составе, одни чаще, другие реже. Распространенная литературная лексика русского языка насчитывает до 300 тыс. слов, а обычный носитель языка использует в повседневной речи лишь 1,5–3,0 тыс. слов. Даже в произведениях крупнейших писателей используется лишь очень небольшая часть словарного запаса языка. Например, словарь А.С. Пушкина включает 21 197 слов, тогда как в словаре В.И. Даля собрано около 200 тыс. слов [175, с. 119–120; 190, с. 163].

Перед изучающими РКИ стоит задача освоить ядро лексики, которое, как правило, сохраняет свою актуальность на протяжении многих лет и с помощью которого можно практически полноценно коммуницировать с социумом. Однако, чтобы иметь возможность читать и слушать художественные и публицистические тексты, а также активно осваивать ту или иную профессию, необходимо знать, кроме этого, как можно больше малоупотребительных слов.

В процессе речевого общения говорящий или пишущий, кодируя значение посредством лексических единиц, генерирует текст. Этот процесс можно объяснить как ответ на вопрос: с помощью какого слова (слов) можно выразить данную мысль? Слушающий или читающий декодирует предлагаемый текст и таким образом воспринимает его, т. е. в свою очередь отвечает на вопрос: что означает данное слово?

Приведенная схема возникновения/распознавания номинативности характеризует взаимосвязь между контекстом (ситуацией) в аспекте человеческой деятельности, личностью говорящего и высказыванием, когда язык предстает не замкнутой на собственных элементах системой, а средством, используемым человеком для достижения своих целей [129, с. 29]. Здесь на первый план выходят социальные и коммуникативные условия, которые определяют речевой процесс: кто является говорящим; с кем он говорит; каковы

отношения между этими субъектами; цель говорящего; его эмоциональное состояние; время и место выступления и т. д.

Одним из явлений, присущих лексическим системам любых языков, выступает полисемия – наличие у единицы языка более чем одного значения. То, что слово реализует одно из нескольких значений, выражаемых им, становится очевидно по его сочетаемости с другими словами, по контексту, по конкретной речевой ситуации. Например: значения глагола *смотреть* будет различным в сочетаниях *смотреть на улицу* и *смотреть за детьми*. В первом случае мы имеем в виду ‘направлять взгляд’, во втором – ‘заботиться о ком-нибудь’. Все значения многозначного слова семантически связаны, и пока эта связь прослеживается или ощущается носителями языка в словарном составе остается одно многозначное слово, а не комплекс слов-омонимов.

Полисемия формируется посредством переноса значения, которое осуществляется исходя из сходства предметов и явлений действительности (метафорический перенос) или смежности (метонимический перенос). Так, языковыми метафорами являются значения слов *носик*, *вить*, *острый* в сочетаниях *носик чайника*, *ветер воет*, *острый кризис*. О метонимических связях говорят, когда перенос значения происходит с некоего вместилища на вмещаемое (*войти в спальню* – *купить спальню*, т. е. спальную гарнитуру); с материала на изделие (*добыть золото* – *красотка в золоте*, т. е. золотых украшениях); с действия на результат, место или связанный с действием предмет (*уделить внимание чтению* – *интересное чтение*); с события на его участников (*съезд народных депутатов* – *съезд постановил*). Частным случаем метонимии выступает синекдоха, когда перенос значения происходит с части на целое и наоборот (*съесть вишню* – *посадить вишню*).

Рассуждая о механизме образования многозначности Ю.Д. Апресян выделял несколько видов полисемии: радиальную, цепочечную и радиально-цепочечную. Как следует из названий, в первом случае производные значения порождаются на основе одного центрального значения, во втором – каждое новое значение порождает следующее, наконец, в последнем – наиболее

распространенном – сочетаются оба первых способа [6, с. 183–183].

Исследователи лексикологии китайского языка говорят о большой распространенности явления полисемии в этом языке. Еще в доциньскую и ханьскую эпоху (начиная с XVI в. до н. э.) в Китае сложилась традиция филологического толкования многозначных иероглифов, которыми были записаны канонические тексты, в целях постижения их сокровенного смысла. В дальнейшем многозначность стала проникать в поэзию и другие жанры литературного творчества, поскольку это явление прекрасно подходит для создания разного рода каламбуров, шуток и т. п. Культура использования многозначности с такой целью распространена в Китае и в настоящее время, сейчас полисемии все чаще становятся интернет-мемами [172]. Такое бытование явления многозначности в китайском языке во многом совпадает с тем, что наблюдается в русском языке.

Все типы полисемии, описанные выше, в китайском языке достаточно продуктивны. Процессы формирования новых значений протекали в течение продолжительного времени в ходе исторического развития семантики. Однако старые и новые значения не всегда сосуществуют. Довольно часты случаи, когда отпочковавшиеся от семантического ядра значения вытесняют старые [181, с. 20].

Проводя параллели между полисемией в русском и китайском языках, можно отметить, что метафорический перенос значения происходит на основании разных признаков. Так, в обоих языках довольно часты случаи использования названий животных для обозначения людей, выделяющихся каким-либо качеством характера. Ван Хайянь приводит примеры различий в употреблении подобных метафор. Например, если русским словом *коза* называют (обзывают) дерзкую, бойкую девушку, то китайским *шаньян* могут назвать мягкого, ласкового человека – и мужчину, и женщину [33, с. 85].

Как уже говорилось выше, лексика русского языка, как и любого другого, – это не неупорядоченный набор слов, а система взаимосвязанных и взаимозависимых языковых единиц одного уровня. Их разного рода отношения

составляют собственно лексическую систему языка, каждый элемент которой (слово) функционирует не в отдельности, а лишь вместе со всей остальной структурой.

На основании различных признаков лексические единицы объединяются в группы. Эти признаки могут быть экстралингвистическими и восходить к понятиям, которые называют слова (наименования предметов одежды, блюд, праздников, качеств характера, способов передвижения и др.). Здесь лексические единицы объединяются на основе близости обозначаемых ими предметов, явлений, действий.

Другим основанием для классификации лексических единиц выступают собственно лингвистические признаки. Таким образом можно распределить слова, например, по частям речи.

Лексические группы, вместе представляющие номинативную систему языка, объединяются многообразными связями. Здесь можно выделить, например:

- группы лексических единиц с общим (синонимы) или противоположным (антонимы) значением;
- группы лексических единиц, одинаковых по звуковой форме, но разных по значению (омонимы), близких по звуковой форме, но разных по значению (паронимы);
- группы лексических единиц, сходных по происхождению (лексика исконная и заимствованная);
- группы лексических единиц, сходных по стилистической принадлежности (лексика общеупотребительная, специальная научная и техническая, разговорная и просторечная, официально-деловая и т. д.);
- группы лексических единиц, сходных по принадлежности к активному или пассивному словарю (термины, профессионализмы, эмоционально-экспрессивная лексика, историзмы, архаизмы и др.).

Подобные системные связи – парадигматические (по терминологии Л. Ельмслева) – также охватывают большие массивы слов, единообразных по

своей категориальной сущности. Такой тип связи лексических единиц образует фундамент лексической системы любого языка, подразделяя ее на бесчисленное множество более мелких систем. Антонимические пары представляют собой элементарные системы – состоящие всего из двух единиц. Синонимические ряды являются более сложными микросистемами, поскольку могут включать свыше двух слов. Крупнейшими парадигматическими объединениями выступают части речи – лексико-грамматические классы.

Каждому языку присущи прочные парадигматические связи. Они довольно редко изменяются, тем не менее контекст способен оказывать воздействие на семантику конкретных слов. В таких случаях образуются, например, окказиональные синонимические или антонимические отношения. Например: *Дни стоят **синеватые**, пасмурные* (Бунин И.А. Антоновские яблоки); *В глазах – как **на небе** светло, В душе ее темно, как **в море!*** (Лермонтов М.Ю. К портрету).

Подобные языковые факты фиксируются тогда, когда слова образуют системные взаимосвязи иного порядка: лексические единицы разных парадигм объединяются друг с другом в связные сочетания на основе предметно-смысловых отношений. В таких случаях появляются синтагматические связи (также по терминологии Л. Ельмслева).

Разумеется, не все слова совместимы: предметно-смысловые отношения должны поддерживаться грамматическими. Например, слово *деревянный* может использоваться в сочетании со словами *постройка, мебель, посуда*. Вероятны словосочетания *деревянная изба, деревянная подпорка, деревянный стол, деревянный шкаф, деревянная чаша, деревянная ложка* и т. п. В то же время сочетания *деревянный дождь, деревянное небо* и пр. невозможны, так как существующая реальность отвергает подобные факты действительности. Иные соединения лексических единиц даже потенциально невозможны, поскольку грамматика русского языка их не предполагает: не объединяются слова *деревянный* и *летать*, *деревянный* и *четко*, так как прилагательное не может сочетаться с глаголом и ограничено сочетается с наречиями. В то же время лексической особенностью слова *деревянный* является его способность к

развитию переносных значений, что позволяет строить словосочетания типа *деревянные руки, деревянный язык*. Обладая таким свойством, слово может использоваться в речи метафорически, т. е. реализовать заложенные в нем семантические возможности совместимости. Например: *А с Марией не поиграешь: она подходит со шприцем, лицо **деревянное*** (Солженицын А.И. Раковый корпус).

В отличие от парадигматических, синтагматические системные связи обнаруживают себя в сочетаниях лексических единиц. С одной стороны, они создают контекст, порождающий новую семантику, с другой – сами раскрываются благодаря контексту. Синтагматические отношения, несомненно определяемые лексической системой языка в целом, в большей степени зависят от языковой ситуации, нежели парадигматические, и чаще изменяются в зависимости от содержания речи. Таким образом, в лексической синтагматике находят отражение изменения, происходящие в окружающей действительности (*скинуть сообщение на почту, скачать фильм, сидеть на дистанте*), образный потенциал языка (*хромающие истины, кинжальные слова, дом ссутулится*).

Системные связи слов – и парадигматические, и синтагматические – реализуются по-разному в различных языках. Так, семантические категории синонимии и антонимии имеют свою специфику в китайском языке.

Если в российской лексикологии преобладает точка зрения на синонимы, выраженная А.П. Евгеньевой, согласно которой это слова, употребляемые «для обозначения одного и того же понятия (следовательно, получившие в толковых словарях совпадающие или очень близкие толкования)» [329, с. 10–11], то в китайской лингвистике под синонимами чаще понимают слова с идентичным понятийным ядром, тождественные или в основном сходные по смыслу [255; 256]. В русской научной традиции синонимами считаются слова с тождественным или предельно близким денотатом, которые могут различаться нюансами значения, эмоционально-экспрессивной окраской, принадлежностью к разным функциональным стилям и пр. В современной китайской лексикологии вокруг узкого и широкого понимания синонимии ведутся острые дискуссии.

Особенности словообразования китайского языка обусловили наличие видов синонимов, несвойственных русскому языку. Так, в китайском языке существуют синонимы – сложные слова, идентичные по смыслу (дублиеты), которые состоят из одинаковых морфем, но они располагаются в разном порядке: 第宅 *диджай* и 宅第 *джайди*, 宅邸 *джайди* и 邸宅 *диджай*, 第馆 *дигуан* и 馆第 *гуанди* ‘резиденция чиновника’. В русском языке такое явление невозможно, поскольку корни сложных слов не меняются местами. Кроме этого, в китайском языке наблюдаются ряды синонимов, в которых есть общая часть (базовая или атрибутивная) и отличающаяся морфема (соответственно атрибутивная или базовая): 度假村 *дутьясун* – 度假屋 *дутьяву* ‘база отдыха’ (синонимы содержат одинаковую часть 度假 *дутья* и отличаются одной морфемой: 村 *сун* ‘деревня’ и 屋 *ву* ‘дом’); 双拼别墅 *шонпинбишу* и 叠拼别墅 *дипинбишу* ‘твинхауз’ (отличие состоит в морфемах 双 *шон* ‘двойной’ и 叠 *ди* ‘складывать’); 红闺 *хонгуэй* – 金闺 *тиньгуэй* – 兰闺 *лангуэй* – 璇闺 *сюаньгуэй* – 玉闺 *югуэй* ‘женские покои’ (общая морфема во всех синонимах 闺 *гуэй* ‘будуар’, различия вносят морфемы 红 *хон* ‘красный’, 金 *тинь* ‘золотой’, 兰 *лан* ‘орхидея’, 璇 *сюань* ‘яшма’, 玉 *ю* ‘нефрит’) [180; 181, с. 16–17].

Специфика словообразования объясняет и различия в реализации антонимических связей в китайском языке в сравнении с русским. В китайском языке можно обнаружить антонимы как на уровне слов (как уже упоминалось выше, слово – довольно абстрактное понятие для китайского языка), так и на уровне морфем (первичных лексем). Например: 左 *зуо* ‘левый’ + 右 *ё* ‘правый’ = 左右 *зуоё* ‘около, примерно’; 开 *кай* ‘включить’ + 关 *гуан* ‘выключить’ = 开关 *кайгуан* ‘выключатель’; 买 *май* ‘покупать’ + 卖 *май* ‘продавать’ = 买卖 *маймай* ‘торговля’ (это, пожалуй, один из крайне малого числа примеров, имеющих прямое соответствие в русском языке: *купля-продажа, купи-продай*) [150; 153]. По словам А.Л. Семенас: «как специфическую особенность китайской лексики следует отметить широкое распространение антонимических процессов в словообразовании, в котором развит семантический механизм соединения антонимов для выражения нового понятия» [181, с. 18].

Словообразовательная оригинальность китайского языка проявляется и в

омонимии. Омонимы – одинаково звучащие слова, у которых нет общих семантических признаков, дающих возможность считать соответствующие значения значениями одного слова, – составляют значительную группу лексических единиц в русском языке и еще более крупную в китайском (следует отметить, что омонимия – это универсальное явление, свойственное всем современным языкам). Китайский является языком с одним из самых больших объемов омонимов. Их количество достигает до 16 % лексического состава [33, с. 85].

Несмотря на довольно длительную историю освоения этой проблемы в русской и китайской лексикологии, у ученых нет единства в вопросах отнесения различных значений к отдельным словам-омонимам или их объединения в составе многозначного слова. Существуют разночтения в трактовке омонимии/полисемии в отношении некоторых слов/морфем в русских и китайских толковых словарях.

В китайском языке в числе омонимов преимущественно слогоморфемы. Их относительно небольшое количество объясняет высокую повторяемость, которая, в свою очередь, приводит к омонимии, особенно в разговорном стиле. Двусложных омонимов меньше, и встречаются они преимущественно в лексике книжного стиля, терминологии [33, с. 86].

Системные связи слов, взаимодействие разных значений одного слова и его связь с другими словами очень разнообразны, что свидетельствует о большой выразительной силе словарного запаса. В то же время нельзя забывать, что лексическая система является составной частью более крупной языковой системы, в которой сложились определенные отношения семантической структуры слова и его формально-грамматических особенностей и фонетических особенностей, зависимости значений слова от невербальных и экстралингвистических факторов: мимики, жестов, интонации, условий функционирования, времени фиксации в языке и т. д.

Язык и лексическая система как его неотъемлемая часть реализуются в речевой практике, которая, в свою очередь, влияет на изменения в языке,

способствуя его развитию и обогащению. Все слова русского языка входят в его лексическую систему, и нет слов, которые были бы вне ее, воспринимались бы отдельно, изолированно. Это вносит четкую установку в методику преподавания РКИ: лексические единицы следует изучать только в их системных связях – как номинативные единицы, так или иначе относящиеся друг к другу (они могут принадлежать к единому смысловому полю, обладать родовой общностью, смысловой близостью или, напротив, противоположностью и т. п.). Характеристика слова может быть более или менее полной только в том случае, если установлены его различные системные связи с другими словами, входящими с ним в определенные лексико-семантические группы.

Комбинирование слов может быть основано на денотативных, поскольку все слова обозначают определенное понятие. Сами понятия, объекты (или обозначения) предполагают их группировку. В этом случае неязыковые характеристики служат основой для выделения лексических групп. Например: слова, обозначающие движение (*бежать, прыгать, ходить*), вкусовые ощущения (*горький, кислый, соленый*), музыкальные инструменты (*арфа, гусли, пианино*) и т. д.

Еще одним основанием для выявления системных связей слов являются их коннотативные значения, т. е. те дополнительные ассоциации, которые возникают в языковом сознании говорящего или слушающего и отражают оценку соответствующих понятий – положительную, отрицательную, комическую, ироническую и др. Исходя из этих устойчивых ассоциаций, можно сочетать, например, слова *священный* и *война, трепет, писание*, создавая контекст торжественный, высокий; слова *голенький* и *животик, ножки, ручки* – уменьшительно-ласкательный; *чушь* и *болтать, нести, пороть* – сниженный и т. д. Это разделение основано на лингвистических и стилистических особенностях.

Кроме того, дополнительные ассоциации возникают в случае, если в лексике, помимо смысловой, также заключена культурная составляющая. Как известно, национальное видение мира обнаруживается на всех уровнях языка.

Однако именно лексический уровень несет самую большую нагрузку с точки зрения выражения ментальности (под ментальностью мы понимаем совокупность общественных навыков и культурных особенностей народа, социальной группы или отдельного человека, проявляющихся в поведении, мировосприятии, умонастроении). Именно он заключает весь этот комплекс мыслей, чувств, настроений, ощущений, свойственный каждому человеку и народу в целом.

Люди на уровне подсознания воспринимают некоторые нюансы лексического значения, которые могут быть не отражены в словарях. Например, слова *старик* и *старуха* – лексически нейтральны, они означают соответственно ‘мужчина, достигший старости’ и ‘женщина, достигшая старости’. Тем не менее слово *старуха* всеми носителями русского языка однозначно воспринимается как наименование старой женщины, которую годы превратили в неприятную особу – либо с точки зрения внешности, либо с точки зрения характера. Нулевую коннотативность это слово имеет, пожалуй, только в сочетании со словом *старик*. В подобном словоупотреблении оно действительно лишь указывает на возраст упоминаемых лиц: *Жили-были старик и старуха* (обычный зачин русских сказок); *Жил старик со своею старухой у самого синего моря* (Пушкин А.С. Сказка о рыбаке и рыбке); *Уходил старик от старухи* (название пьесы Злотникова С.И.). В остальных случаях слово *старуха* несет подспудную негативную коннотацию. Героиня сказки Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья» *старушка* Шапокляк стала именоваться *старухой* Шапокляк сразу, как заявила, что собирает «злы», поскольку добрыми делами прославиться нельзя.

Очевидно, что для человека, осваивающего РКИ, такие смысловые нюансы в основном недоступны, поскольку они почти не отображены в словарях (и это действительно сложно – попытаться отобразить подобные оттенки значений в рамках словарной статьи [87; 231]). Чтобы разобраться в таких хитросплетениях смыслов, необходимо погрузиться в языковую среду, культуру народа изучаемого языка. Здесь окажет помощь лингвокультурология – научная дисциплина, которая занимается исследованием национального характера

речевого поведения, культурной информации, заключенной в языке.

Взгляд на лексикологию с точки зрения культурно-исторических традиций народа – носителя языка, его духовных и материальных ценностей пополняет культурной информацией все, что известно о той или иной лексической единице. Как русский язык становится ближе инофону через знание особенностей становления русского мира, так и русская ментальность, во всем объеме своей специфики отображенная в языке, открывается иностранцу, перестает быть terra incognita.

Итак, многоуровневость лексической системы русского языка раскрывает многомерность и разнообразие окружающей действительности. В системных связях обнаруживается история языка и народа – его носителя, а также находит свое отражение многовековое культурное наследие, материальное и духовное. Несмотря на серьезные различия, существующие в лексических системах русского и китайского языков, их сближает характер системных отношений, которыми они пронизаны. Это может стать отправной точкой для преподавания русской лексики в китайской аудитории.

1.2. Лексика с культурным компонентом как одна из составляющих процесса формирования языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций

Культурно-исторические традиции русского народа нашли свое отражение прежде всего в лексике – уровне языка, представленном лексическими единицами, которые являются основными носителями и выразителями смыслов. Чтобы глубже постичь русский язык, иностранцу важно погрузиться в мир русской культуры. Однако и освоение языка, в свою очередь, способно раскрыть обучающемуся новые грани того, что принято называть русским национальным характером, «загадочной русской душой» и т. п.

Владение иностранным языком – это не только знание семантики определенного количества слов и умение составлять из них связные предложения. Это также способность слышать несколько больше, чем сказано, и прочесть то, что скрыто между строк, например понимать юмор, построенный на игре слов, иронию, которой пронизан контекст. В подобных речевых ситуациях, отяжеленных комплексом коннотативных значений, и проявляются различия, существующие в мышлении разных народов в целом и в языковом мышлении в частности, а также в мироощущении, мировоззрении – словом, в менталитете.

Очевидно, что в целях успешного овладения РКИ, крайне важно включать в программу изучения лексики культурологическую информацию. Под успешным овладением РКИ мы понимаем достижение иностранцем способности непринужденного общения с носителями языка по широкому кругу тем, касающихся бытовых, социальных, профессиональных и других интересующих его вопросов с учетом жизненных ценностей русских, понимания мотивов их поведения.

О важности лингвострановедческой и лингвокультурной информации для изучения иностранного языка одними из первых заявили Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в докладе, сделанном на Международном симпозиуме «Страноведение и преподавание русского языка как иностранного» (Ленинград,

22–26 июня 1971 г.), позже он был опубликован в виде отдельной работы [40]. В дальнейшем ученые развили идеи, высказанные здесь, в многочисленных трудах [42; 43; 44; 45].

В настоящее время лингвокультурология является активно развивающейся отраслью языкознания как в России, так и за рубежом, в частности в Китае. В российской науке проблемы лингвокультурологии представлены в трудах таких ученых, как Т.М. Балыхина, И.Е. Бобрышева, О.П. Быкова, В.В. Воробьев, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.В. Красных, А.С. Мамонтов, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Г.Д. Томахин, А.Т. Хроленко, В.М. Шаклеин, А.Д. Шмелев и др.

Еще раньше, чем в СССР, в 1950-х гг., идеи о тесной взаимосвязи языка и культуры народа – носителя этого языка были высказаны китайским языковедом Луо Чанпеем в его книге «Язык и культура». В дальнейшем китайские ученые активно развивали эти идеи, отмечая, что языковые явления нельзя рассматривать в отрыве от сознания человека и от особенностей менталитета нации. Так, еще в 1980-х гг. Ю Чжуанцзе и Чжоу Чжэньхэ обосновали необходимость выделения научной дисциплины «лингвистика культуры», и в 1990 г. были опубликованы монографии «Лингвистика культуры» (автор Син Фуйи) и «Китайская лингвистика культуры» (автор Шэнь Сяолун), которые стали манифестом не только новой лингвистической отрасли, но и двух научных школ. Одна из них представляет язык формой выражения национальной культуры, поскольку языковые феномены проявляются в культуре, а культурные феномены – в языке (представители Ю Чжуанцзе, Чэнь Цзяньминь, Син Фуйи). Другая (во главе с Шэнь Сяолуном) исходит из того, что язык формирует человеческое мышление и психологию культуры, определяет специфику последней и, в свою очередь, несет отпечаток культурной деятельности человека, что позволяет изучать язык с точки зрения культуры [200].

Среди китайских исследователей вопросов лингвокультурологии (лингвистики культуры) следует отметить следующих ученых: Би Цзивань, Ван

Янчжэн, Ли Сяндун, Линь Баосюань, Лю Хун, Лю Цзюань, Ма Жуньюй, У Гохуа, Ху Юнкан, Цзи Юаньлун, Чжао Айго, Чжань Дэхуа, Чжао Юеяо, Чжэн Лэй, Шан Цзиньюй, Юй Юэфа, Ян Сичан, Ян Чунью, Ян Шичжан.

Как отрасль языкознания, лингвокультурология оперирует собственным понятийным аппаратом, и одним из основных понятий является «лексика с культурным компонентом». Обозначение «культурный компонент» принято для совокупности экстралингвистической информации, которую слово добавило к своей семантике в процессе бытования в языке. Это то, что, согласно терминологии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, составляет лексический фон: та часть семемы – всей семантики, полного плана содержания слова, – которая останется, если «вычесть» из нее понятийные семантические доли [45, с. 72–73].

Например, в русском языке есть слова *каравай* и *коврига*, которые имеют значение ‘большой круглый хлеб’ и одинаково переводятся на китайский язык – 大圓面包 *да юань мианбао* (буквально ‘большой круглый хлеб’). Однако если в своих понятийных семантических долях эти слова совпадают, то непонятийные семантические доли – лексический фон, культурный компонент – у них разные. Коврига – это хлеб в сугубо утилитарном назначении и одна из семантических долей подчеркивает отличие данного изделия от других по форме (коврига и каравай – это именно круглый хлеб, не формовой, не буханка). Каравай же выполняет сакральную функцию хлеба. Именно караваем, а не ковригой называют круглый хлеб при его использовании в различных обрядах: при встрече дорогих гостей, молодоженов после венчания (регистрации брака). Каравай в руках – это свидетельство добрых намерений, знак уважения и радушия, пожелание мира, богатства, плодородия. Круглая форма каравая свидетельствует о связи хлеба с культом солнца.

Такой культурный компонент семантики слова *каравай* никак не отражен в переводе на китайский язык, хотя наличие подобной экстралингвистической информации, несомненно, расширит кругозор обучающегося русскому языку, дополнив его представления о ценностях и мировоззрении русских людей. Чем

большим количеством фоновой информации (порой не имеющей формального выражения в речи) удастся овладеть изучающему РКИ, тем проще ему будет интерпретировать реалии русской культуры.

Следует отметить, что в условии столкновения с проявлениями самобытной чужеродной культуры дает о себе знать собственная культурная идентичность: изучая иностранный язык, человек острее осознает свою национальную принадлежность [137, с. 187].

Культурный компонент семантики содержится преимущественно в безэквивалентных лексических единицах. Так именуются слова, план содержания которых не имеет эквивалента в другом языке. Эти слова невозможно перевести абсолютно адекватно, как, например, лексемы *мать* – 母亲 *мутинь*, *отец* – 父亲 *футинь*, *земля* – 地球 *дитью*, *вода* – 水 *шуэй*, *трава* – 草 *цао*. Безэквивалентные слова передаются на другом языке либо с помощью многословного описания (наиболее частый вариант перевода с русского на китайский), либо с сохранением своего фонетического облика [45, с. 77]. Так, слово *изба* можно перевести на китайский язык как (俄国) 农村木房 (*эгуо*) *нонсун муфан*, т. е. '(в России) деревянный крестьянский дом'. Одно из немногих безэквивалентных русских слов, которое было заимствовано китайским языком (видимо, в силу своей односложности), – это слово *квас* – 克瓦斯 *кэвасы*.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделили следующие группы безэквивалентной русской лексики, имеющей в своей семантике национально-культурный компонент: 1) демократизмы – лексика, которая вошла в обиход с началом политических и социально-экономических реформ 1990-х гг. (*братки*, *крыша*, *совок*); 2) советизмы – лексика, которая вошла в обиход после Октябрьской революции 1917 г. (*декрет*, *колхоз*, *партсобрание*); 3) наименования предметов и явлений традиционного русского быта (*брага*, *кадушка*, *трактор*); 4) историзмы – наименования предметов и явлений, ушедших эпох (*мещане*, *оброк*, *урядник*); 5) лексика фразеологических единиц (*ад кромешний*, *бить баклуши*, *ни зги не видно*); 6) слова из фольклора и диалекта (*добрый молодец*, *красна девица*, *робяты*); 7) слова нерусского происхождения –

тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т. д. (*бурак, ишак, тюбетейка*) [45, с. 80–94].

Также к лексике с культурным компонентом нужно отнести имена собственные – тоже безэквивалентные лексические единицы (*Волга, Третьяковка, Курская дуга*). Еще одна группа безэквивалентной лексики объединяет культурно маркированные слова с абстрактным значением (*воля, простор, раздолье, соборность, скрепы*). Это лексические единицы, появление которых в языке обусловлено всей совокупностью исторических и культурных событий, а также сугубо языковых феноменов.

Безэквивалентная лексика представляет собой довольно разнородную массу лексических единиц, культурный компонент которых обнаруживается по-разному. У части слов он содержится в обозначаемом понятии, это так называемые реалии – обозначения уникальных предметов и понятий, не существующих в другой культуре (*Петрушка* ‘персонаж русского народного кукольного театра’, *стахановец* ‘в 1930–70-е гг. в СССР: передовик производства (по имени донецкого шахтера А. Стаханова)’, *шестидесятник* ‘в СССР в 1960-е гг.: представитель интеллигенции, сторонник демократизации страны’). Другие слова могут иметь сходный денотат, но отличаться коннотативным значением (*злато* – то же, что *золото*, употребляется в лирике, а также для создания иронического контекста; *кулич* – ‘сдобный высокий хлеб вроде бабы, выпекаемый на Пасху’; *мед-пиво* – то же, что медовуха, пиво, употребляется в фольклорных текстах).

Помимо безэквивалентной лексики культурную семантику выражают лексические единицы с фоновым значением, т. е. нуждающимся в лингвострановедческом комментарии (неполноэквивалентные).

Знакомство с экстралингвистической информацией, составляющей часть семантики русской лексики с культурным компонентом, раскрывает изучающим РКИ картину мира с точки зрения носителей языка. Это возможность, постигнув новые культурные смыслы, общаться с русскими людьми с более близких позиций и, значит, быстрее достигать взаимопонимания и реализации целей

коммуникации.

Наличие лингвокультурологической семантики в дискурсе заставляет нас говорить о том, что слово, словосочетание и текст – это не только единицы языка, но и единицы смысла. Вербальное выражение лингвистического и экстралингвистического содержания получило в науке название лингвокультуремы (термин В.В. Воробьева). В отличие от лексемы лингвокультурема – это межуровневая комплексная единица, включающая в себя элементы как понятийного значения (лексическая семантика), так и предметного (внеязыковой культурный смысл) [54, с. 45].

При освоении любого иностранного языка, в частности РКИ, основной задачей является формирование языковой компетенции. Под ней мы в общем смысле понимаем знание языковых средств (лексики, фонетики, грамматики) и навык их применения в устной и письменной речи.

В научно-методической литературе широко используются два близких понятия – языковая компетенция и лингвистическая компетенция. Характерно, что в методике преподавания русского (родного) языка они, как правило, разграничиваются, тогда как в методике преподавания иностранных языков заменяют друг друга, являются синонимами [92]. Разграничение языковой и лингвистической компетенций обусловлено неизбежными различиями в подходах к преподаванию языка как иностранного и как родного. В первом случае человеку важно овладеть единицами языка всех уровней и грамматическими правилами построения высказывания. Во втором случае человек не только постигает все богатство языковых средств, но и получает научные знания о языке как системе.

Поскольку область нашего исследования – преподавание РКИ, мы не будем разграничивать языковую и лингвистическую компетенции, основываясь на позиции, представленной в Новом словаре методических терминов и понятий (М., 2009), авторы которого, Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин, заявляют, что языковая компетенция – то же, что и лингвистическая.

Рассмотрим наиболее распространенные теории, связанные с данными

понятиями.

О лингвистической компетенции впервые заговорил американский лингвист и философ Н. Хомский. В своих работах «Аспекты теории синтаксиса» (1965) и «Язык и мышление» (1968) ученый противопоставил понятию «компетенция» (competence), которым обозначил «систему интеллектуальных способностей, систему знаний и убеждений» человека, понятие «употребление» (performance) [219, с. 15]. Итак, языковая компетенция – это совокупность умений, которые необходимы человеку для коммуникации и реализуются в ходе нее.

В дальнейшем теория языковой компетенции Н. Хомского, дополненная и расширенная другими учеными (Д. Хаймсом, Д. Слобином, Л.Ф. Бахманом, Я. Ван Эком и др. [185; 244; 246; 249]), легла в основу действующей в настоящее время в Европейском союзе и ряде других стран системы оценки уровня освоения иностранного языка (Common European Framework of Reference; CEFR), которая опирается на документ «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» [245]. Согласно этой системе, выделяют шесть оценочных уровней: A1, A2, B1, B2, C1, C2. Методическая ценность CEFR заключается в возможности, исходя из начальных умений соискателей, определять цели обучения, создавать и корректировать учебные программы, разрабатывать дидактические и контрольно-оценочные материалы. Кроме того, CEFR предоставляет универсальные критерии для признания языковой квалификации, тем самым способствуя образовательной и профессиональной мобильности.

В указанном документе приводится следующая дефиниция понятия «компетенция»: это сумма знаний, умений и личностных качеств, которые позволяют человеку совершать различные действия». Все компетенции, приобретаемые в процессе изучения иностранного языка, делятся на общие (не являются языковыми, обеспечивают любую деятельность, включая коммуникативную) и коммуникативные языковые (позволяют осуществлять деятельность с использованием собственно языковых средств) [245].

Коммуникативная языковая компетенция включает лингвистический, социолингвистический и прагматический компоненты, каждый из которых подразумевает особый комплекс знаний, умений и навыков. Лингвистическая компетенция – это знание лексики, фонетики, грамматики и других характеристик языка как системы, а также соответствующие навыки и умения. Социолингвистическая компетенция связана с социокультурными условиями использования языка. Прагматическая компетенция предполагает применение языковых средств в определенных функциональных (коммуникативных) целях в соответствии со схемами взаимодействия [245].

Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин определяют языковую компетенцию как владение системой сведений об изучаемом языке на фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом уровнях и умение пользоваться этой системой на практике [305, с. 362], т. е. принимают утвердившееся благодаря Д. Хаймсу представление о языковой компетенции как о способностях одновременно потенциальных и реализуемых. Это знания не строго изолированные в памяти носителя, а посредством специальных навыков и умений демонстрируемые с различными коммуникативными целями.

Как уже говорилось выше, лексический компонент – один из самых выраженных в структуре языковой компетенции (без знания грамматики мысль выразить сложно, без знания лексики – невозможно). Лексический компонент распространяется на владение словарным составом языка (знание отдельных слов, фразеологизмов), которое проявляется в говорении (навык грамотно передавать информацию), письме (навык записывать высказывания), чтении (навык произношения слов и фраз), аудировании (навык понимания обращенной речи).

В целях обеспечения продуктивного общения, особенно в условиях, когда коммуниканты представляют различные культуры, демонстрируют разные модели поведения (это в целом характерно для ситуаций общения китайцев и русских), одной из целей в преподавании РКИ становится формирование лексической компетенции – способности решать средствами иностранного (в

нашем случае русского) языка задачи общения в различных сферах жизни, а также пользоваться фактами русского языка и культуры для достижения коммуникативной цели в условиях непосредственного контакта с носителями языка в соответствии с нормами и традициями их культуры.

В формировании лексической компетенции значительное место составляет лексика с культурным компонентом семантики. Так, авторы документа «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» в реестре лексических элементов, подлежащих к использованию в речи в целях подтверждения квалификации, указывают в числе прочего фразеологические единицы, речевые штампы, несущие определенную функциональную нагрузку (например, приветствия), пословицы и поговорки, устаревшие устойчивые сочетания, устойчивые сочетания (например, идиомы, утратившие мотивировку значения) [245], т. е. лексику, обладающую национально-культурным колоритом, семантика которой осложнена многочисленными коннотациями. Изучение такой лексики развивает не только лексическую компетенцию, но и семантическую, заключающуюся «в знании возможных способов выражения определенного значения и в умении их использовать» [245].

Мы считаем справедливым мнение, что изучение лексики с культурным компонентом способствует формированию таких сторон лексической компетенции, как расширение лексического запаса, совершенствование навыков произношения, активизация навыков применения грамматических конструкций, стимулирование образного мышления, в целом развитие речемыслительной деятельности [11, с. 23].

Что касается расширения лексического запаса, то введение в обиход новых слов, во-первых, даст возможность обучающемуся РКИ адекватно передавать события, называть предметы и явления так, как это принято в русскоязычной среде, если речь идет о реалиях. Во-вторых, это увеличит лексикон с точки зрения синонимии и антонимии. Примеры синонимов: *аршин* – *метр* в значении ‘измерительная линейка’, *бадья* – *ведро* в значении ‘сужающийся книзу или

цилиндрический сосуд с двумя ушками и дугообразной ручкой для ношения и хранения жидкостей, сыпучих веществ’, *колхоз* – *толпа* ‘неорганизованное скопление людей, сборище’; примеры антонимов: *ближнее зарубежье* ‘государства – бывшие республики СССР, граничащие с Россией’ – *дальнее зарубежье* ‘страны, не входившие в состав СССР в момент его распада’, *дудочки* ‘узкие брюки’ – *клеши* ‘брюки с расширением книзу’, *кулак* ‘богатый крестьянин-собственник, использующий труд батраков’ – *батрак* ‘наемный сельскохозяйственный рабочий в частном хозяйстве’ (жирным шрифтом выделены слова с культурным компонентом семантики).

Изучающим РКИ обязательно придется обратить внимание на произношение культурно маркированной лексики, особенно на случаи, когда это малоупотребительные лексические единицы (*дюже*, *подноготная*, *социал-революционер*) или если национально-культурные коннотации меняют фонетический и графический облик слова: *добрый молодец* (не *молодѐц*), *красна девица* (не *красная деви́ца*), *наскрозь* (просторечный вариант слова *насквозь*).

Примеры использования лексики с национально-культурным компонентом семантики (а такие лексические единицы часто встречаются в фольклоре, художественных и публицистических текстах) дадут возможность обучающимся РКИ познакомиться с синтаксисом поэтического, разговорного стилей и расширить свои знания в области русской грамматики. Культурно маркированная лексика, составляющая значительную часть словарного запаса русского языка, таким образом, формируя языковую компетенцию, способна раздвинуть рамки языкового мышления инофона.

Рассмотрим то, как влияет лексика с национально-культурной семантикой на другой компонент коммуникативной языковой компетенции – коммуникативную компетенцию, которая подразумевает развитие коммуникативных умений в четырех основных видах речевой деятельности: говорении, письме, аудировании, чтении.

Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин дают следующее определение коммуникативной компетенции: это «способность решать средствами

иностранного языка актуальные для учащихся задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения. Способность реализовывать лингвистическую компетенцию в различных условиях речевого общения» [305, с. 98].

Из приведенных трактовок следует, что языковая компетенция выступает по отношению к коммуникативной фундаментом: совершенно очевидно, что для построения фразы, предложения, связного текста необходимо обладать достаточным словарным запасом и знаниями грамматики. Структура коммуникативной компетенции складывается из единиц языка и речи, которыми оперируют коммуниканты в соответствии с конкретными задачами, выполняемыми в ситуациях общения. Коммуникативная компетенция подразумевает обобщение теоретических знаний и практических навыков в области иностранного языка с целью их реализации в речевой деятельности.

Коммуникативная компетенция тем выраженнее у обучающегося РКИ, чем лучше он достигает взаимопонимания при прямом или опосредованном контакте, чем успешнее взаимодействует с русскоязычными людьми. Организовать свою речевую деятельность (продуктивную или рецептивную) максимально адекватно ситуации общения можно, следуя нормам и традициям культуры народа – носителя языка, которые часто выражены непосредственно в языке (например, в речевых формулах этикета).

С точки зрения коммуникативной компетенции основной единицей языка выступает текст, или, учитывая реализацию компетенции в речи, дискурс. В зависимости от ситуации общение, а значит дискурс, может быть бытовым, деловым, учебным, научным, профессиональным, социально-культурным, социально-политическим и др. Языковой компонент коммуникативной компетенции (нас интересует в первую очередь лексическая компетенция) обеспечивает нормативность собственных речевых актов обучающихся РКИ, а также их способность адекватно воспринимать и оценивать обращенную речь.

Уровень сформированности коммуникативной компетенции можно

оценить по тому, в какой степени высказываниям обучающихся РКИ присущи такие коммуникативные качества речи, как правильность (нормативность), точность, логичность, чистота, богатство, выразительность и уместность. В аспекте изучения влияния лексики с культурным компонентом на коммуникативную компетентность инофонов нам представляются актуальными такие характеристики их речи, как точность (предметная и понятийная), богатство (разнообразие), выразительность и уместность.

Что касается точности, то владение культурно маркированной лексикой дает возможность вести беседу по широкому кругу вопросов, касающихся истории России и современной ситуации в стране, рассуждая о фактах и событиях в терминах и понятиях, принятых в русскоязычной среде (здесь важно знание широкого круга русских имен собственных – имен и фамилий исторических деятелей, географических названий, наименований исторических событий и др., историзмов, советизмов, демократизмов). Богатой и выразительной можно будет назвать речь обучающихся РКИ, если они обнаружат владение НПЯТРБ, архаизмами, лексикой фразеологизмов и фольклора, а также иностранной лексикой, утвердившейся в русском языке. И разумеется, такую речь можно будет назвать уместной, если перечисленное разнообразие безэквивалентной лексики будет употреблено в соответствии с речевой ситуацией, со вкусом и тактом, если говорящий продемонстрирует тонкую языковую интуицию.

Лексика с культурным компонентом заставляет инофона «настраивать» чувство языка, заставляет его быть более требовательным к выбору языковых средств, более внимательным к контексту, более чутким к невербальным элементам коммуникации: интонации, жестам, мимике, – сопровождающим речь, и таким образом положительно воздействует на развитие коммуникативной компетенции студентов, существенным слагаемым которой выступает комплекс взаимосвязанных знаний, умений, навыков, способов деятельности, позволяющих устанавливать контакты с другими людьми, определять особенности ситуации общения, придерживаться темы, предмета

общения и, наконец, достигать взаимопонимания – конечной цели любой коммуникации.

Эффективность коммуникативной деятельности человека, как в профессиональной, так и личной сфере, во многом определяется его социокультурным наполнением. Под ним мы имеем в виду представления о том, как следует строить коммуникацию с людьми иной социальной среды, культурной или этнической принадлежности. Очевидно, что коммуникативная компетенция тесно связана с социокультурной, поскольку цель коммуникации (зачем мы говорим?) определяется условиями взаимодействия и определяет выбор коммуникативных средств (как мы говорим?).

В Новом словаре методических терминов и понятий Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина дается следующее определение социокультурной компетенции: «совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [305, с. 286–287].

Исследователи подчеркивают комплексную природу социокультурной компетенции и выделяют в ее составе лингвострановедческий, социолингвистический, социально-психологический, культурологический компоненты [57; 179; 305, с. 287]. Такие разнонаправленность и разнородность компонентов социокультурной компетенции демонстрируют ее динамичность и в то же время цельность как единой системы. Скрепляющим началом, как нам представляется, выступает язык – как знаковая система и способ мышления.

В числе составляющих социокультурной компетенции выступает владение способами применения языка, под которым понимается правильное употребление социально маркированных языковых единиц в речи в различных сферах межкультурного общения, восприимчивость к сходству и различиям между родными и иноязычными социокультурными явлениями [305, с. 287].

Уровень социокультурной компетенции зависит от того, насколько

коммуникант владеет навыком отбора языковых средств с учетом контекста ситуации общения. Сложность отбора объясняется тем, что язык не только передает непосредственно информацию (исходя из причины коммуникации), но и сопровождает ее дополнительной семантикой. Эта «сверхинформация» характеризует личность коммуниканта, а также группу, в которой происходит коммуникативная ситуация.

Цель изучения РКИ – это подготовка к настоящему общению в русскоязычной среде, т. е. ситуации, когда определяющим признаком эффективности взаимодействия станет полное взаимопонимание коммуникантов, принадлежащих к разным культурам. Такая цель предполагает формирование в обучающихся РКИ вторичной языковой личности (термин Ю.Н. Караулова), которое не состоится без развития у инофонов восприимчивости к русской культуре (в самом широком смысле и на всех ее уровнях). Под вторичной языковой личностью мы понимаем такого участника межкультурного общения, который с позиции собственного лингвокультурного опыта, а также национально-культурных традиций и привычек адекватно воспринимает обычаи, традиции, нормы социального поведения, присущие чужой культуре. Другая культура при этом ощущается им как неродная, невзирая на степень погружения в нее, т. е. коммуникант не теряет свою культурную идентичность.

Социокультурная компетенция выступает по отношению к коммуникативной как вспомогательная. Она показывает, насколько инофон готов к ситуации общения: знает ли он об условиях, которые определяют выбор тех или иных языковых средств (среда, отношения между коммуникантами, их цели и намерения и пр.); способен ли он использовать известные ему вербальные и невербальные средства для компенсации языковых, культурологических или поведенческих лакун, неизбежно возникающих при общении людей, принадлежащих к разным культурам; сформирована ли у него под воздействием родной культуры матрица восприятия фактов иной культуры, категориально не полностью совпадающей со своей; наконец, испытывает ли он в принципе

желание постигать чужой язык и культуру, насколько выражена его мотивация.

Очевидно, что во многом реализация социокультурной компетенции у обучающихся РКИ зависит от того, в какой степени они владеют лексикой с культурным компонентом, умеют ли использовать культурно маркированные лексические единицы в соответствии с целями и задачами коммуникативного акта. С точки зрения лингвокультурологии и лингвострановедения такая лексика отражает степень знания русских традиций, обычаев, праздников; топонимов (названий российских городов, регионов, рек и озер, гор, курортов и природных заповедников и т. п.); имен известных людей (писателей, композиторов, художников, ученых, героев войны и др.); наименований популярных литературных произведений, фильмов и их персонажей, средств массовой информации и т. д. Подобные русские реалии формируют особый социокультурный контекст, который можно назвать имиджем России.

С точки зрения социолингвистики культурно маркированная лексика отражает особенности речи людей, представляющих разные социальные среды (горожане, сельчане, политики, производственники, офисные служащие и т. д.), различные поколения, гендеры, диалектные группы и др. Осваивающие РКИ должны овладеть языковыми средствами, речевыми и поведенческими клише, не только соответствующими литературной норме, но и отвечающими правилам, принятым в том микросоциуме, в котором происходит ситуация общения.

Как уже говорилось выше, лексика с культурным компонентом отличается от других пластов русского словарного запаса, как планом содержания, так и планом выражения, поэтому, оперируя ею, важно не только знать, что она означает, но и разбираться в особенностях ее употребления.

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих различия в восприятии культурных феноменов, присущих русской и китайской языковым картинам мира.

Так, в китайской и русской мифологии присутствует образ дракона – фантастического существа в виде сочетания частей разных животных: обычно головы (или нескольких голов) и туловища пресмыкающегося (змеи, ящера,

крокодила), крыльев птицы или летучей мыши, когтей льва. Если в Китае образ дракона воспринимается положительно, то для русскоязычных людей это отрицательный персонаж, воплощение зла [323, т. 1, с. 394].

В китайской культуре дракон 龙 лун – символ доброго начала ян и в целом китайской нации (люди считаются потомками драконов, т. е. дракон почитается как тотемное существо). Основное значение слова лун – волшебное животное из древних легенд с чешуей и бородой, способное вызывать облака и дождь (имело божественное начало). В переносном смысле слово трактуется как ‘сильный и великолепный, энергичный’.

Дракон в представлениях китайцев связан со стихией воды и культом плодородия. Начиная с VI в. до н. э. ритуалы вызывания дождя проходили с изображениями драконов. В их честь установлен ежегодный праздник дуанью, центральным событием которого является состязание в гребле на лодках, изображающих дракона.

Почтительное отношение к дракону как нечеловечески сильному существу, способному покорять стихию, объясняет то, что в феодальные времена так стали именовать китайского императора. Кроме того, драконами называли выдающихся людей, героев, а также прекрасных быстроногих, резвых, ретивых коней, благородных скакунов. Хороших лошадей нарекали 龙子 Лунцзы, 龙文 Лунвэнь, 龙孙 Лунсун; красивую лошадь могли назвать 龙姿 Лунцзы.

В китайском языке существует ряд метафор, содержащих слогоморфему 龙 лун: 龙虎 лунху ‘дракон и тигр, выдающийся человек’; 龙蛇 лунше ‘дракон и змея, неординарный человек’ (добавление к этим слогоморфемам двух других со значением ‘взмах пера’ рождает фразеологизм 笔走龙蛇 бизоулунше, означающий свободную манеру скорописи цаошу, подобную полету дракона и движению змеи; легкий, непринужденный, «летающий» стиль письма); 龙逸 луньи ‘дракон в уединении, мудрец, живущий в уединении в дикой природе’; 龙鹏 лунпэн ‘добродетельный герой’, 龙蟠凤逸 лонпанфэньи ‘дракон, обернувшийся, как феникс, скрывшийся из вида’: так говорят о человеке необычайно талантливым,

выдающегося дарования, но держащемся в тени, это метафорическое обозначение джентльмена и мудреца.

Положительность коннотаций, которые содержатся в значении слова *дракон* для китайцев подчеркиваются также метафорическим использованием слогоморфемы *龙 лун* для обозначения прямого и принципиального человека, не заискивающего перед сильными мира сего. Например: *龙亢 лункан* ‘человек твердый, с сильным характером, открытый и непоколебимый’; *龙性 лунсин* ‘человек с упрямым характером, которого трудно приручить’.

Таким образом, дракон в китайской языковой картине мира – это существо (или сущность), вызывающее восхищение – своей силой, энергией, стремительностью, неуловимостью, харизматичностью и т. п. Этого нельзя сказать о «русском драконе» – змее (змии).

В мифологии русских, как и большинства славянских народов, змей – это опасный противник, с которым герой должен вступить в бой. С распространением христианства образ змея стал воплощением Сатаны – врага и антипода Бога, который, искушая Адама и Еву, подтолкнул их к грехопадению. В глазах христиан змей – это олицетворение коварства, лукавства, зла [323, т. 1, с. 468–470]. Известный христианский сюжет, связанный с драконом, – это «Чудо Георгия о змии»: верующий в Иисуса Христа Георгий убивает дракона, который держит в страхе целый город, регулярно забирая на съедение юношу или девушку. Георгий укрощает молитвой чудовище и затем пронзает его копьем. Он спасает обреченную на гибель дочь правителя города и привлекает жителей-язычников на сторону христианства [323, т. 1, с. 273–275]. О популярности святого Георгия Победоносца и приведенного житийного сюжета в России свидетельствует то, что они воплощены в государственной символике страны и российской столицы Москвы.

В русском фольклоре действует персонаж, этимологически близкий к дракону и змею – трехголовый Змей Горыныч, тоже похищающий женщин. В сказках он часто выступает сподвижником другого злого и жестокого

персонажа – Кощея Бессмертного. Змей Горыныч, как и китайский дракон, связан со стихией воды (обычно в сказках герои его стерегут около моста), в то же время это огнедышащее существо. По одной из версий прозвище *Горыныч* произошло от праславянского глагола *гърнь* ‘гореть’ (ср. *горн*). Другая версия связывает прозвище со словом *гора*. В словаре В.И. Даля Змей Горыныч – ‘русский сказочный змей, житель горы, пещеры’.

Змей и дракон для русских людей – это воплощение всего самого ужасного, самых страшных злодеяний. *Злой как змей* или *злой как дракон* означает, что человек не просто эмоционально взвинчен до крайней степени, сильно заряжен отрицательными эмоциями, это значит, что он одновременно жесток, расчетлив и коварен. *Змей подколодный* (*змея подколодная*) – такой фразеологический оборот используется в русском языке для характеристики человека с подобным набором качеств. Если метафорическое использование слова *дракон* в китайском обществе будет выступать изысканным комплиментом, среди русских оно прозвучит нелепо или даже оскорбительно. Русская народная этимология даже выражение *драконовские меры* (т. е. крайне жестокие, беспощадные) связывает с образом именно дракона, а не греческого политика Драконта, печально прославившегося своими законодательными инициативами.

Сопоставительный анализ русских и китайских лингвокультурем довольно часто выявляет расхождения в коннотативном компоненте плана содержания. Семантические доли, передающие экстралингвистическую информацию, отражают культурологические особенности, присущие разным языковым картинам мира, специфику менталитетов. Также бывают случаи, когда лингвокультурные семы сближают лингвокультуремы с различным денотатом. Так можно сказать о китайской лингвокультуре *рис* 稻米 *даоми*, 大米 *дами* и русской лингвокультуре *хлеб*. Значение этих продуктов – риса для китайского и хлеба для русского народов – столь велико, что они стали обозначением пищи в целом, а также средств к существованию: *зарабатывать на хлеб* (зарабатывать на пропитание), *трудный хлеб* (об изнурительной работе); 等米下锅 *дэн ми сягуо* (голодать, дойти до крайности; ждать помощи, просить денег), 柴米油盐 *чай ми ё*

йэн (буквально ‘дрова, рис, масло и соль’; предметы повседневного пользования; повседневные нужды; будничн^{ый}, повседневн^{ый}).

Очевидно, что развитие социокультурной компетенции у китайских обучающихся РКИ подразумевает постижение культурных ценностей, выражаемых с помощью русского языка. Чтобы эффективно осуществлять межкультурную коммуникацию, т. е. достигать взаимопонимания, важно обладать фоновыми знаниями и уметь их реализовывать в коммуникативном акте.

Для правильного понимания и верной трактовки лексики с культурным компонентом, лингвокультурем, важен контекст. Уровень сформированности социокультурной и коммуникативной компетенций во многом определяется тем, как быстро и насколько верно инофон способен установить семантику лексем, значение которых ему неизвестно, по языковому окружению или ситуации общения. Что касается культурно маркированной лексики, то, как следует из примеров, которые мы уже приводили, этот пласт объединяет очень разнородные лексические единицы – от тех, которые входят в распространенные этикетные фразы, до архаизмов, историзмов, жаргонизмов и диалектизмов, имеющих весьма ограниченное хождение, толкование которых не всегда можно найти в доступных словарях.

Так, при чтении произведений В.М. Шукшина мы обнаружили лексемы, значение которых восстанавливается лишь по контексту. Приведем примеры из рассказа «Сельские жители».

Первое затруднение вызвало слово *хмелина*, толкования которого нет в распространенных толковых словарях. В тексте *хмелина* упоминается, когда героиня делится секретом своего домашнего пива: *Сахару побольше кладите в хмелину-то, вот и будет пиво*. Отсюда следует, что *хмелина* здесь выступает диалектным синонимом слова *сусло* 麦芽汁 *маяджи* (В.М. Шукшин – уроженец Алтайского края, и в своих произведениях он воспроизводил речевые особенности земляков).

Второе затруднение представляет слово *солонинка*, которое имеет

словарное толкование, но, по нашему мнению, в тексте означает иное: это не соленое мясо, а разного рода соленья из грибов и овощей, поскольку героиня произносит это слово в таком контексте: *Поближе туда к осени поедем. Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить...* В России традиционно скотину резали в холодное время года, ближе к Рождеству, иначе большое количество мяса могло испортиться. Во второй половине лета можно было успеть засолить огурцы и грибы, о которых героиня и упоминает. В связи с этим слово *солонинка* нужно переводить не как 腌肉 *йэн роу*, 咸肉 *синь роу* ‘засоленное мясо, соленое мясо’, а как 咸腌食品 *синьян щипинь* ‘соленые огурцы и другие овощи и плоды, которые солят на зиму’.

Таким образом, изучение лексики с культурным компонентом, вовлекая китайских обучающихся в контекст русской культуры, ее традиций и реалий в рамках тех сфер, в которых происходит общение, и обращаясь при этом к собственному, родному культурному опыту, способствует формированию языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций.

1.3. Наименования предметов и явлений традиционного русского быта, их место и роль в обучении РКИ

Наименования предметов и явлений традиционного русского быта – это один из разрядов безэквивалентной и неполноэквивалентной лексики с национально-культурной семантикой, который объединяет слова, отражающие особенности повседневной жизни русских людей в самом широком смысле: их кухню, одежду, устройство дома, труд, развлечения и т. д., – т. е. обозначают неизвестные за пределами России реалии. Как уже упоминалось выше, впервые эту группу слов выделили и описали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [45, с. 87–88].

Русская и китайская культура глубоко различны. Существующие различия объясняются кардинальными цивилизационными несовпадениями. Русских и китайцев разделяют географическое положение и климатические условия, мировоззрение и духовно-религиозные искания, исторический путь, культура,

образовательные модели. Все это нашло отражение в комплексе материальных предметов, составляющих их вещественный мир.

НПЯТРБ называют каждый элемент того, что именуется обиходом, т. е. условий существования, жизненного уклада социума, повседневной жизнедеятельности человека в ее привычных проявлениях, установившегося порядка, домашней обстановки, ведения хозяйства, – всесторонне характеризуют все, что связано с бытом. Его постижение играет важную роль в освоении РКИ и совершенствовании коммуникативных навыков, поскольку позволяет погрузиться в культуру изучаемого языка и выстроить китайско-русское межъязыковое взаимодействие.

Включение НПЯТРБ в программу освоения РКИ позволяет создавать лексикографическую классификацию данного раздела лексики на основе анализа семантического пространства традиционного русского и китайского вещественного мира. Методическая ценность работы над НПЯТРБ заключается в том, что она позволяет сделать изучение РКИ национально ориентированным. С помощью сопоставления фактов двух национальных культур можно обнаружить особенности и явления, дополняющие толкования лексических единиц, делающие их более доступными для иноязычной аудитории. Такая работа нацелена на межкультурное сближение, на более четкое понимание китайскими обучающимися русских реалий, выраженных в языке, и постижение того, что в конечном счете в своей совокупности называется культурным кодом народа.

Следует отметить, что НПЯТРБ встречаются в текстах различных стилей и сфер общения, что заставляет преподавателей РКИ обращать на них пристальное внимание. Однако этот аспект лексикологии в целом недостаточно освоен лингвистами и включен в практику преподавания РКИ.

Как уже говорилось, НПЯТРБ объединяют названия, связанные со всеми сторонами того, что в русском языке связано со словами *быт*, *обиход*. Эти слова обозначают довольно разнородные предметы и явления – от кушаний до транспортных средств, что совершенно естественно: вещный мир невероятно

многообразен и велик.

Рассмотрим тематические группы НПЯТРБ.

I. Названия еды и напитков.

Следует отметить, что в сравнении с остальными группами НПЯТРБ кулинарный раздел наиболее сохранен в современном русском языке. Это объясняется тем, что, несмотря на глобализацию и взаимопроникновение разных культур, которые мы можем сейчас наблюдать, русская национальная кухня сохраняет свои позиции в быту россиян. Более того, она укрепляет свои позиции на международной арене в связи с тем, что значительное количество русских в настоящее время проживает по всему миру.

1. Хлеб, хлебобулочные и мучные кондитерские изделия. Это одна из самых больших и важных групп в данном разделе, поскольку объединяет наименования разновидностей главного для русских людей продукта питания. На протяжении многих веков мучные изделия, преимущественно пшеничный и ржаной хлеб, составляли основу рациона. Хлеб сопровождал (а в скудные, неурожайные годы заменял) любую трапезу русского человека. Недаром в народе получило распространение выражение «Хлеб всему голова».

Это был продукт, лишить которого не представлялось возможным. Даже в качестве наказания человека сажали на хлеб и воду. Изготовленное только из муки, воды и закваски с добавлением соли, это дешевое, в меру калорийное и довольно сытное кушанье, поэтому, не имея возможности потреблять в желаемом количестве более дорогие продукты (например, мясо и рыбу), люди на протяжении веков возмещали им недостающую часть рациона.

Широкое разнообразие блюд из муки в русской национальной кухне объясняется, во-первых, практически повсеместной распространенностью на территории России различных злаковых культур: пшеницы, ржи, ячменя, проса, овса, гречихи. Страна всегда располагала большими площадями для их выращивания, и они давали здесь значительный урожай. Кроме того, большую роль в национальной кулинарии играла русская печь – прекрасное приспособление для отопления жилых и общественных помещений и

приготовления пищи. Особенности ее устройства и способность поддержания высокой температуры делали возможным выпечку большого количества изделий из теста, отличавшихся хорошим вкусом и высоким качеством. Кроме того, объем горнила русской печи позволял выпекать хлеб с запасом на целую неделю, что облегчало труд хозяйки.

Приведем список хлебных продуктов самого разного назначения. Мы включили в него как мучные изделия утилитарного назначения, предназначенные для повседневного употребления в целях поддержания жизненных сил («хлеб насущный»), так и праздничную, обрядовую выпечку, выступающую в роли лакомства. Список составлен на основе Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля и кулинарного справочника историка мировой кухни В.В. Похлебкина [158; 311].

Родовым понятием по отношению ко всем НПЯТРБ со значением ‘хлеб, хлебобулочные и мучные кондитерские изделия’ выступает языковая единица *хлеб* – слово, означающее ‘пищевой продукт, выпекаемый из пшеничной и ржаной муки’. В китайском языке таким общим наименованием для всех пищевых продуктов, выпекаемых из муки, выступает 面包 (统称) *минбао (тон чен)*.

Более гастрономически изысканным вариантом хлеба является *булка* – белый пшеничный хлеб, обычно круглой или овальной формы. В китайском языке используется обозначение (圓形或橢圓形的) 小白面包 (*яньсинь хуо туюаньсинь дэ*) *сяобай минбао* ‘маленький белый хлеб, обычно круглой или овальной формы’. Булки изготавливаются из муки более высокого сорта, чем обычный хлеб, и используются для приготовления бутербродов, подаются к чаю и кофе, т. е. в некотором смысле выступают в качестве вкусового дополнения к трапезе.

В собранных нами названиях есть те, которые повсеместно распространены, а также преимущественно используемые жителями какого-либо региона. Следует отметить, что некоторые слова приобретают несколько иное значение на определенной территории России. Так, слово *булка* в языке жителей Санкт-Петербурга означает любой формовой хлеб, в том числе черный, ржаной, в форме буханки, а в разговорной речи всех жителей страны может

означать в целом пшеничный хлеб. Кроме того, ряд наименований, представленных в приложении 1, в настоящее время принадлежит к пассивному словарю в связи с вытеснением из обихода обозначаемого предмета.

1) Хлеб и хлебобулочные изделия: *баранка, бублик, витушка, колобок, калач, каравай, коврига, рогалик, сайка, ситник/ситный, сухарь, сушка* и др. (более подробный список названий еды и напитков по всем разрядам представлен в приложении 1);

2) мучные кондитерские изделия (это группа НПЯТРБ, называющих выпечку из сдобного теста, отличающуюся лучшими вкусовыми качествами по сравнению с хлебобулочными изделиями, хлеб-лакомство): *баба, бабка, крендель, кулич, плюшка, пышка* и др.;

3) пироги, пирожки – 大馅饼 *дасиан бин* ‘печеное изделие из раскатанного теста с начинкой’ (здесь объединены НПЯТРБ, называющие разнообразные фаршированные открытые и закрытые мучные изделия): *ватрушка, калитка, капустник, курник, кулебяка, расстегай, сочник/сочень, шаньга* и др.;

4) печенье – 用烤面团做成且具有一定的形状的甜食制品 *ён као миньтуан зуочен те тийёу йидин дэ синьжуан дэ тианьци джитин* ‘кондитерское изделие из испеченного теста, имеющее определенную форму и рельеф’; пряники – 用蜜糖, 糖或饴糖做的面粉类甜食, 多为厚饼状或矩形 *ён митан, тан хуо йитан зуо дэ минфенлей тианци, дуо вэй хоубинджуан хуо тисинь* ‘мучное кондитерское изделие на меду, сахаре или патоке в виде толстой лепешки или прямоугольника’ (в этой группе представлены НПЯТРБ, называющие кондитерские изделия из недрожевого теста, имеющие определенную форму, рельеф): *коврижка* и *медовик/медовник, коржик, хворост* и др.;

5) блин – 发面煎饼 (特指俄罗斯式的) *фамин тинь пинь (тэджи элуосици дэ)* ‘тонкая лепешка из жидкого теста, испеченная на сковороде’: *олады* и др.

2. Первые блюда, супы. Так как основную возможность тепловой обработки продуктов питания давала русская печь, блюда готовились преимущественно способом томления, выпекания, запекания. Это объясняет,

большую популярность в России различных заправочных супов. Их было довольно просто готовить в печке, из утвари требовались только горшок, нож и половник. Продукты: мясо, птицу или рыбу, а также овощи – достаточно было лишь порезать, сложить в горшок, залить водой и посолить. Горшок ставился в растопленную печь на несколько часов, его не нужно было доставать, чтобы проверить готовность, перемешать. С гастрономической точки зрения супы хорошо сочетаются с хлебобулочными изделиями: ржаным и пшеничным хлебом, несладкими пирогами. В условиях суровой зимы такая еда хорошо согревала и, будучи очень сытной, давала силы людям, занимающимся преимущественно физическим трудом. В жаркое время года, сопряженное с интенсивным трудом (меньше чем за полгода нужно было вырастить и убрать урожай, заготовить корм животным на весь год), очень популярны были холодные супы, которые и насыщали, и освежали.

Все названия русских супов – безэквивалентные лексические единицы, за исключением слова *уха*, которое можно отнести к неполноэквивалентным, так как в китайской кухне тоже есть рыбный суп 鱼汤 *ю тан*, близкий по способу приготовления к ухе.

1) Горячие заправочные супы – 热调味汤 *рэ дьяовэй тан*: борщ, кулеш, похлёбка, рассольник, солянка/селянка, уха, щи и др.;

2) холодные супы – 冷杂拌汤 *ленза бан тан*: баланда и ботвинья, окрошка, свекольник, тюря и др.

3. Вторые блюда, закуски. Эта группа объединяет НПЯТРБ, называющиеся разного рода горячие и холодные блюда, приготовленные из традиционных для территории России продуктов: растительных (зерновых, бобовых, овощей, грибов) и животных (молока и молочных продуктов, яиц, мяса, рыбы). Самые распространенные здесь типы блюд – это *каши* – (煮熟的谷类食品) 饭; 粥 (*джуцу дэ гулей щипинь*) *фан*; *джоу*; *запеканки* – 烤菜肴 (用马铃薯泥或通心粉等加肉、菜、奶油等烤成, 有一层脆皮) *као цайао* (*ён малиншу ни хуо тонсиньфен дэн тя роу, цай, найоу дэн каочен, ёе йи цен цуи пи*), а также пюре- или желеобразные смеси на основе

зерновых и молочных продуктов типа *киселя – 羹 гэн*. Традиционный кисель представлял собой кисловатый заквашенный мучной студень.

1) Блюда из молока, молочных продуктов и яиц: *пасха, сырники и творожники* и др.;

2) блюда из муки, круп и бобовых: *вареники, кулеши, кутья, лапшевник* и др.;

3) блюда из овощей: *дрочёна, капустаник* и др.;

4) блюда из мяса и субпродуктов: *битки/биточки, буженина, голубцы, жаркое, няня, пельмени, солонина, студень, холодец* и др.;

5) блюда из рыбы: *заливное, тельное* и др.

4. Десертные блюда. В эту группу мы включили НПЯТРБ, обозначающие так называемые *заедки* – этим исконно русским словом назывались лакомства, сладости, которые подавались после основных блюд (в целом десерт в старину именовали *насверхсытка*). Для их приготовления использовались фрукты и ягоды, мед, в более поздние времена сахар: *варенье, кисель, леденец, пастила* и др.

5. Напитки. В эту группу НПЯТРБ входят названия традиционных русских напитков, которые, как и еда, изготавливались из доступного растительного и животного сырья. В ходу были напитки алкогольные (крепкие и слабые) и безалкогольные. Слабые алкогольные напитки представляли собой разного рода *пиво* (啤酒 *питью*) – продукт спиртового брожения солодового суслу с помощью специальных дрожжей и хмеля. Крепкие напитки, в целом называвшиеся *вином* (任意一种酒精饮品 *рени йи джон тьютинь инь пинь*), – *наливки* (果子酒、甜酒 *гуозы тью, тьяньтью* ‘спиртной напиток, сладкая настойка на фруктах или ягодах’) и *настойки* (浸酒, 露酒 *тиньтью, лютю* ‘алкогольный напиток, изготавливаемый путем настаивания спирта на различных плодах, косточках, пряностях, душистых и целебных травах’), – как правило, изготавливались на основе *водки*, хлебного вина, спирта, полученного на основе ржи или пшеницы и затем разведенного водой до 40 градусов, – 伏特加酒 *футэ тья тью*.

1) Алкогольные напитки: *брага, ерофеич, жжёнка*; настойки и наливки на

основе соответствующих ягод и фруктов: *абрикосовка, брусниковка, вишнёвка, ежевиковка, земляниковка, калиновка, крыжовниковка, малиновка, морошевка, рябиновка, сливняк/сливянка/сливяновка, смородиновка/смородовка, черниковка* и др.;

2) безалкогольные: *варенец* (заквашенное топленое молоко), *взвар/взварец/узвар, квас, морс, простокваша, сбитень* и др.

6. Вспомогательные продукты. В отдельную группу мы объединили НПЯТРБ, называющие то, что не является самостоятельным кушаньем, но необходимо для приготовления чего-либо, выступает в качестве заготовки, промежуточного или сопровождающего подачу блюда продукта: *визига/вязига, горчица, закваска, опара, сусло* и др.

Следует отметить, что ряд наименований еды и напитков называют блюда и изделия, которые до сих пор сохраняют ритуальное значение. К ним относятся блины, которые сопровождают празднование языческого праздника Масленицы (проводы зимы), когда их едят с различными немясными добавками (маслом, сметаной, икрой, вареньем, медом и др.), поскольку масленичная неделя предваряет Великий пост и существует запрет на употребления мяса. Также блины готовят к поминальному столу, которым завершается обряд похорон. Блины с медом вместе с кутьей обязательно подают к началу печального застолья.

Как уже упоминалось выше, ритуальное значение для русских имеет каравай, которым встречают дорогих гостей (хлебом-солью). Празднование Пасхи сопровождается изготовлением творожной пасхи и выпеканием куличей. Жаворонки выпекают ко дню памяти сорока мучеников 22 марта. Этот день считается началом весны: уравнивается продолжительность дня и ночи, начинают прилетать из теплых стран птицы.

Анализ приведенных НПЯТРБ со значением еды и напитков показывает, что среди них обнаруживаются синонимы (внутри каждой подгруппы есть слова, семантически близкие: *булка – сайка, уха – калья, холодец – студень*). Также в этом разделе можно найти многозначные слова: *брага* (пиво и полуфабрикат для

изготовления спирта), *запеканка* (запеченное блюдо и настойка), *капустник* (пирог и запеканка).

Значительная часть приведенных слов в настоящее время входит в пассивный словарь в качестве историзмов и архаизмов. Вместе со старинными блюдами, вытесненными из обихода, ушли из речи и их названия (например, суп *юрма*, зерновой хлеб *збожие*). Довольно много лексем сохранилось в диалектах или как слова, обозначающие явления, распространенные в конкретном регионе (*калитки*, *сулой*, *шаньги*). Некоторые лексические единицы используются в современном русском языке с несколько иным значением (кисель в представлении русских людей сегодня – это сладкий, слегка крахмалистый напиток на основе фруктово-ягодного отвара, а не кушанье, разрезаемое ножом, пресное или кисловатое) и имеют сниженную стилистическую окраску (*баланда* – это разговорное название жидкой, невкусной похлебки, а не *ботвиньи*).

В целом, несмотря на пересечения с другими евразийскими кухнями, русская кухня отличается яркой самобытностью. Это, несомненно, проявилось в безэквивалентной и фоновой лексике, составляющей группу НПЯТРБ со значением еды и напитков.

II. Названия предметов одежды и обуви.

Традиционный русский национальный костюм складывался на протяжении многих веков и под влиянием многочисленных народностей, с которыми взаимодействовали русские: финно-угров, татар, кавказцев, поляков, народов Севера и др. Реформы Петра I внесли коренные изменения во все стороны жизни России, включая бытовую сферу. Страна стремительно европеизировалась, что отразилось в том числе на одежде богатых людей. «Служивые люди»: дворяне, военные и чиновники – были обязаны надевать «немецкое платье». Вместе с предметами европейской одежды в русский язык вошли их обозначения – в основном немецкие, голландские и французские слова. Постепенно такая мода проникла во все слои населения, за исключением крестьянства, духовенства и части купечества, близкой к старообрядчеству.

Дольше всего национальные черты сохранял женский костюм, поскольку мужчины-крестьяне, занимаясь отхожим промыслом, подолгу жили в городах и часто перенимали городскую манеру одеваться.

В XX в. русский национальный костюм оказался окончательно вытеснен одеждой массового фабричного производства. Даже носители языка сейчас не всегда разбираются в тонкостях и деталях традиционных нарядов. Вместе с национальной одеждой из обихода были вытеснены ее названия, и в активном словаре остались лишь слова *варежки* (теплые вязаные рукавицы) – (只分出大拇指的) 手套, 手闷子 (*джи фэнчу дамуджи дэ*) *щоутао*, *щоу мэнзы*; *косынка* (платок треугольной формы) – (妇女用的) 三角头巾 (*фуню ён дэ*) *сан тяо тоутинь*; *передник* (фартук) – 围裙 *вэй чинь*; *платок* (головной убор в виде квадратного куска ткани или вязаного изделия); *рубаша/рубашка* (нижняя или верхняя блуза, у мужчин короткая, у женщин длинная) – 衬衫, 衬衣, 小褂, (女) 内衣 *ченшан*, *чени*, *сяогуа*, (*ню*) *нэйи*; *рукавицы* (род перчаток с одним пальцем для большого пальца руки) – (拇指分开的) 手套, 连指手套 (*муджи фенкай дэ*) *щоутао*, *лян джи щоутао*; *сорочка* (нижняя или верхняя блуза, у мужчин короткая, у женщин длинная) – (男式) 衬衫; (女士) 衬衣, 绣花女衫 (*наници*) *ченицан*; (*нюци*) *чени*, *сьюхуаню щань*; *шапка* (головной убор) – 帽子 (多指棉帽、皮帽) *маозы* (*дуо джи мьянмао*, *пимао*); *штаны* (одежда типа брюк, могут быть нижними и верхними) – <口语> 裤子 *кузы*; *шуба* (верхняя меховая одежда) – 毛皮大衣; 皮袄 *маопи даи*; *пьяо*. Эти слова означают предметы туалета, которые до сих пор используются в качестве одежды. Они несколько иначе выглядят, чем в старину, изготавливаются другими способами, однако в целом выполняют ту же функцию.

Приведенные лексические единицы являются фоновыми, поскольку означают распространенные во всем мире элементы костюма, имеющие в русской национальной среде свои яркие особенности. Ниже, в списках мужской и женской одежды и головных уборов, будет представлена преимущественно безэквивалентная лексика.

Следует отметить, что если до XX в. среди перечисленных слов два –

косынка и *платок* – относились исключительно к женскому костюму, а одно – *штаны* – означало деталь только мужского костюма, то в XX в. в связи с эмансипацией женщин брюки стали частью и женского наряда. Слово *штаны* приобрело разговорный оттенок, но широко используется в быту. Остальные слова всегда обозначали предметы как женского, так и мужского туалета. Их крой и убранство отличались в зависимости от пола владельца. Только о самых простых варежках и рукавицах можно было сказать, что это одежда унисекс.

При составлении списка НПЯТРБ со значением одежды и обуви мы опирались на Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля в 4 т., альбом «Русская народная одежда» (автор и художник В.И. Гордеева; М., 1974), «Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной» в 4 т. (автор В.А. Прохоров; СПб., 1881–1885) и др. [69; 160; 311].

1. Мужской костюм.

1) Мужская нижняя и верхняя одежда (включая детали одежды): *армяк, балахон, бекеша, епанча, зипун, кафтан, косоворотка, кушак, порты, тулуп* и др. (более подробный список названий предметов одежды и обуви по всем разрядам представлен в приложении 2);

2) мужские головные уборы: *башлык, картуз, треух, ушанка* и др.;

2. Женский костюм. В традиционном русском женском костюме встречаются детали, известные по мужскому костюму, но отличающиеся кроем и убранством: *однорядка, опашень, ферязь/ферезея, шуба*.

1) Женская нижняя и верхняя одежда: *душегрея, запон/запона, кацавейка, муфта, передник, понёва, сарафан, телогрея/телогрейка* и др.;

2) женские головные уборы. Голова девушки или женщины на Руси должна была быть обязательно покрытой. Головные уборы были очень разнообразны по форме и убранству: *банты, венец, венок, кика/кичка, кокошник, колпак, косынка, лента, наколка, платок/плат, повойник/повой, фата* и др.

3. Обувь. В старину обувь изготавливалась из кожи, шерсти, лыка. Мужская и женская обувь была конструктивно схожа и отличалась в основном размером: *баишаки, валенки, коты/котики, лапти, сапоги* и др.

В современном русском обиходе сохранились такие предметы обуви, как башмаки, валенки и сапоги. Соответственно, в активном словаре находятся и их названия.

III. Названия, связанные со строительством и архитектурой.

Возведение жилых и общественных зданий на Руси первоначально велось с использованием дерева. В основе любой постройки был *сруб* – деревянное сооружение из бревен, скрепленных в форме четырехугольника. Жилой дом такого типа назывался *избой* (俄国) 农村木房 (эгуо) *нонсун муфан*. Крестьянские избы были небольшие, с низкими потолками – такие легче отапливать в холодные зимы, их часто называли *избушками*, *избёнками*. На юге России крестьянские домики именовались *хатами*. Их нередко возводили из кирпичасырца с добавлением соломы – *самана*, поскольку в степной и лесостепной местности не доставало подходящего для строительства дерева. Большие, просторные деревянные постройки именовались *хоромами*, а возведенные из камня – *палатами*. Крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками назывался *двор*.

Чем богаче были хозяева, тем больше была их изба и тем сложнее она была устроена. Там могли быть отдельные жилые и хозяйственные помещения. У бедных людей изба была фактически однокомнатной, там размещались все члены семьи, а также в холодное время года находился молодняк скота.

Ниже мы приведем список НПЯТРБ, относящихся к теме строительства. Здесь и далее слова взяты из Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля в 4 т. и Малого энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в 4 т. [311; 320].

1. Жилые помещения и постройки: *божница*, *горница*, *закут*, *кут*, *полати*, *светёлка/светлица*, *терем*, *шесток* и др. (более подробный список названий, связанных со строительством и архитектурой, по всем разрядам представлен в приложении 3).

2. Хозяйственные помещения и постройки: *амбар/анбар*, *баня*, *гумно/гуменник*, *девичья*, *житница/житня*, *закром* и *сусек*, *калитка*, *клеть*,

конюшня/конюшник, людская, мишаник/амшаник/омшаник, овин, подклет/подклеть, подпол/подполье, сарай, парильня/парная, плетень, предбанник, хлев, чулан и др.

3. Внешнее и внутреннее устройство и убранство помещений: *баляса/балясина, завалина/завалинка, конёк, крыльцо, лемех, матица/матица/матка, наличник, печь, пятистенка, сени, ставень, стропила, фортка/форточка, чердак, шатёр* и др.

Приведенная лексика, относящаяся к сфере традиционного строительства и архитектуры, как и НПЯТРБ иных разрядов, неоднородна с точки зрения отношения к активному и пассивному словарю. Часть лексических единиц в настоящее время воспринимается как архаическая, ее вытеснили другие исконно русские или иноязычные слова (*ложница, мыльня, поварня*). Некоторые лексемы являются историзмами, так как исчезли из обихода предметы, которые они обозначают (*гридница, полати, трактир*). Довольно большая часть лексики здесь является профессиональной (*конёк, свес, стропила*). Ее используют специалисты по древнерусскому зодчеству, строители, специализирующиеся на возведении бревенчатых бань, домов из срубов в духе старинных хором, которые до сих пор пользуются популярностью в России. Среди названий общественных сооружений значительная часть слов активно используется и в наши дни (*колокольня, мельница, церковь*).

IV. Названия утвари.

Слово *утварь* означает созданные руками человека предметы домашнего обихода: мебель, посуду, хозяйственный текстиль и пр. Эти необходимые для жизни вещи создавались либо самими хозяевами, либо ремесленниками. На протяжении многих веков они изготовлялись вручную, с помощью примитивных орудий труда и чаще всего из материалов, которые можно было добыть в данной местности. Мебель сколачивали, вырезали, гнули из дерева, посуду – также из дерева и, кроме того, из глины, гораздо реже из металла. Для текстильных изделий использовали лен, коноплю, шерсть, позже хлопок.

1. Мебель. Первоначально убранство крестьянской избы составляли лишь

стол (широкая деревянная пластина, укрепленная на ножках) – 桌 *дэжуо*, *лавки* – (靠墙固定坐卧用的) 长凳 (*као тян гудин зуо воён дэ*) *чан дэн* – или *скамьи* – 长椅 *чан йи* (приспособление для сидения или лежания из досок, прикрепленных к стойкам или к стене), *колыбель* (качающаяся кроватка для младенца) – 摇篮 *яаолан* и *сундук* (ящик с крышкой и замком для хранения вещей) – (大) 箱子 (*да*) *сянзы*. Более изысканная и сложная мебель появилась в русских домах – сначала богатых, позже бедных – в эпоху реформ Петра I. Эти предметы интерьера носили названия заимствованные. В целом набор традиционной мебели довольно скуден и в основном представляет собой различные варианты приведенных предметов: *зыбка* и *люлька*, *кровать/коровать*, *ларь/ларец*, *рукомойник*, *ходики* и др. (более подробный список названий утвари по всем разрядам представлен в приложении 4).

2. Посуда. Кухонная утварь изготавливалась из всех видов материалов, более дешевая – из дерева и глины, подороже – из металла, позже из стекла и фарфора. В данной группе мы объединили НПЯТРБ, обозначающие предметы, непосредственно соприкасающиеся с продуктами – едой и напитками, а также орудия, необходимые в кухонных процессах.

Все традиционные предметы посуды можно разделить на следующие типы:

1) сосуды для накладывания еды типа *чаши/чашки* (невысокая посуда округлой формы, широкая сверху, узкая снизу) – 碗 *ван*: *блюдо/блюдец*, *миса/миска*, *плошка* и др.;

2) большие сосуды для наливания напитков типа *чаши*, *горшка* (округлый керамический сосуд без ручки для приготовления пищи, хранения жидких и сыпучих продуктов) – 瓦罐, 瓦盆; 沙锅 *вагуан*, *вапен*; *щагуо* или *кувшина* (высокий, суживающийся кверху сосуд с ручкой и носиком) – (带把、细颈的) 高水罐 (*дай ба*, *ситинь дэ*) *гаошуйгуан*: *баклага/баклажка*, *жбан*, *квасник*, *кови*, *кринка/крынка* и др.;

3) сосуды для питья типа *стакана* (сосуд для питья цилиндрической формы, без ручки) – 玻璃杯 *боли бей*, *кружки* (сосуд для питья с ручкой) – 带把的杯

子 *дай ба дэ бейзы* или *рюмки* (сосуд для питья спиртных напитков на ножке) – 高脚玻璃酒杯 *гаотяо боли тюбей*: *кубок, лафитник, стопка, чара/чарка* и др.;

4) сосуды и приспособления для приготовления пищи на огне типа *горшка* или *сковороды* (круглая плоская посуда для жарки) – 煎锅, 平底锅 *тяньгуо; пинь ди гуо*: *гусятница, жаровня, котёл/котелок, чугунок/чугунок* и др.;

5) прочая кухонная утварь: *воронка, корчага, кочерга, ложка, маслобойка, опарница, подойник, решето и сито, самовар, ступа, ухват* и др.

3. Банные принадлежности, приспособления для хранения и транспортировки. Такие необходимые в быту предметы на протяжении многих веков изготавливались в основном из дерева и представляли собой бондарные изделия, подобия *бочек* (большой деревянный сосуд с двумя плоскими днищами и выпуклыми, стянутыми обручами стенками) – 木桶制品 *мутон джипинь*; *короба* (изделие из луба или бересты, служащее для хранения и транспортировки чего-либо) – (用树皮等编成或用薄板弯成圆形或椭圆形的) 筐, 篮, 箱 (*ён шупи дэн бьянчен хуо ён бобан ванчен юаньсинь хуо туоюаньсинь дэ*) *куан, лян, сян*; *корзины* (плетенное из прутьев изделие, служащее для хранения и транспортировки чего-либо) – 篮, 篓, 筐 *лан, лоу, куан*. Со временем дерево было вытеснено металлом, но названия предметов сохранились: *бадья, ведро, кадка/кадь, коромысло, корыто, кошель, лохань, лукошко, туес/туесок, ушат, чан* и др.

4. Хозяйственный текстиль. В эту группу мы объединили НПЯТРБ, обозначающие совокупность постельных принадлежностей – 床上用品 *чуан шан ёнпинь*, а также предметов, представляющих собой отрез какой-либо ткани, холста, используемый в различных бытовых целях: *наволочка, перина, пододеяльник, подзор, простынь, торба, утирка/утиральник, ширинка* и др.

Приведенные НПЯТРБ (преимущественно безэквивалентная и фоновая лексика) в настоящее время представляет в основном историзмы и архаизмы. Из обихода практически вытеснены старинные предметы мебели и посуды, поэтому эти разряды лексики в современном русском языке пополнились иными словами. Исключение здесь составляет только группа НПЯТРБ, обозначающих

постельные принадлежности, которая дошла до наших дней без изменений.

V. Названия предметов труда.

В этом разделе мы представим лексические единицы, обозначающие различные предметы труда. Основными традиционными видами деятельности в России были земледелие и животноводство, охота и рыболовство, а также ремесленное производство. Древнейшие ремесла были связаны с обработкой дерева, глины, металла, выделкой шкур, тканей, шитьем и т. д. На протяжении многих веков русские крестьяне вели преимущественно натуральное хозяйство, т. е. обеспечивали свои материальные потребности собственными силами: самостоятельно строили избы, изготавливали мебель и примитивную утварь, пряли пряжу, ткали полотно, шили и вязали одежду, вышивали и плели кружева. Обычно крестьяне посвящали ремеслам холодное время года, когда основные сельскохозяйственные работы были выполнены. Тем не менее существовали виды деятельности, которыми занимались профессиональные мастера: кузнецы, гончары, бондари и др. Такие кустарные производства требовали отдельных площадей под мастерскую и специального оборудования, их нельзя было развернуть в простой избе.

1. Сельскохозяйственные орудия, предметы и результаты труда. Выращивание зерновых и овощей, возделывание садов предполагает обработку земли с помощью специальных приспособлений – ручных и на конной тяге: *борона, вилы, грабли, коса, пугало, серп, сноп, стог, цеп* и др. (более подробный список названий предметов труда по всем разрядам представлен в приложении 5).

2. Наименования, связанные с обработкой дерева. Дерево на протяжении многих веков (и до сих пор) остается излюбленным материалом русских людей. С деревом связано плотничество (строительство деревянных зданий и производство примитивной мебели), столярное дело (изготовление более изысканных предметов), бондарное ремесло (изготовление бочек): *баклуша, долото, коловорот, колун, линейка, ножовка и пила, обух, рубанок, тиски, топор, топорщице, шило* и др.

3. Наименования, связанные преимущественно с обработкой металла, – это названия орудий и результатов труда в кузнечном деле: *гвоздь, горн, зубило, клещи, кувалда, молот/молоток, наковальня* и др.

4. Наименования, связанные с обработкой тканей, кожи, изготовлением одежды, обуви и т. п. НПЯТРБ, составляющие данную группу, относятся к целому ряду ремесел и видов рукоделия: прядению, ткачеству, вязанию, шитью, выделке меха и кожи, изготовлению обуви: *веретено, гребень, игла/иголка, канва, канитель, коклюшка, колодка, кочедык, кудель, прялка, пальцы* и др.

5. Наименования, связанные с ловлей рыбы и охотой. Рыболовство и охота – это наиболее древние занятия людей на территории России, располагающей большими водными и лесными ресурсами. Эти промыслы давали возможность разнообразить рацион, сделать одежду теплее, а обувь – крепче и удобнее. Кроме того, добыча меха позволяла вести торговлю сначала с соседними племенами, а позже и с другими странами. Шкурки меха выступали и дорогим товаром, и своеобразной валютой. Основными орудиями охоты и рыбной ловли были разного рода *ловушки* (приспособление для ловли зверей и птиц) – *陷阱 сианьтинь, сети* (приспособление из нитей для ловли зверей и птиц) – (各种用途的) 网 (*ге джон ёнту дэ*) *ван*, колющее или метательное оружие типа *копья* (древко с насаженным на него острием) – 矛 *мао*: *лук, невод, острога, рогатина, тенёта, удочка* и др.

Перечисленные НПЯТРБ – преимущественно неполноэквивалентная лексика, поскольку у большинства известных народов был во многом схожий путь развития: кочевые племена по мере становления переходили от собирательства и охоты к земледелию и животноводству, а также занятиям кустарными ремеслами. Изготовление деревянных, керамических и металлических изделий, одежды и обуви, охота и рыбалка происходили по примерно одинаковой технологии. В настоящее время соответствующая лексика в большой мере сохранилась в языке: частично эти слова стали называть схожие по функции предметы или остались в профессиональном языке специалистов. Так, лексические единицы, называющие предметы, относящиеся к женским

рукоделиям, сохранились в активном словаре.

VI. Названия, связанные с транспортными средствами.

Основными способами передвижения на дальние расстояния и транспортировки грузов в России вплоть до XX в. были конная тяга и речные (морские) суда. Водный транспорт использовался для доставки товаров и рыболовного промысла. Жившие на берегах Белого и Баренцева морей крестьяне-поморы еще в Средние века строили небольшие парусные суда – лодьи, на которых добывали рыбу в северных морях. Даже строительство железных дорог не повлияло на популярность гужевого и водного транспорта, поскольку на большей части территории России пустить поезда было невозможно в силу особенностей ландшафта. В бассейнах больших рек использование плавсредств сохраняет свою актуальность до сих пор, лошади же остаются в обиходе как развлечение.

1. Наименования, связанные с гужевым транспортом. В этой группе мы объединили слова, называющие в основном разного рода *повозки* (колесный экипаж) – (无弹簧板的) 板车; 马车; 车 (一般车的总称) (*ву данхуанбан дэ*) *банче*; *маче*; *че* (*ибан чё дэ зончен*) и части конской *упряжи* (совокупность предметов для запряжки лошади) – (全套的) 马具 (*чен тао дэ*) *ма чу*: *вожжи*, *гуж*, *дуга*, *колокольчик*, *оглобля*, *подвода*, *попона*, *розвальни*, *салазки*, *сани*, *сбруя*, *седло*, *телега*, *тройка*, *удила*, *узда/узdechка*, *хомут*, *шоры* и др. (более подробный список названий, связанных с транспортными средствами, по всем разрядам представлен в приложении б).

2. Наименования, связанные с речным и морским транспортом. Здесь мы объединили НПЯТРБ, называющие распространенные в России небольшие *суда* (плавучее сооружение) – 舰艇 *тиньтинь* – и предметы, необходимые для их использования: *багор*, *весло*, *байдара*, *ладья/лодья*, *лодка*, *плот*, *уключина*, *чёлн* и др.

Данный раздел безэквивалентной и фоновой лексики частично сохранился в активном словаре, поскольку означает предметы, которые до сих пор используются в обиходе (конская упряжь, лодки).

VII. Названия, связанные с играми и развлечениями.

В данном разделе НПЯТРБ собраны названия песен, танцев (плясок), игр, которые являются древнейшими формами человеческой деятельности. Они связаны с ритуально-обрядовой и трудовой сторонами жизни и в старину сопровождали весь жизненный цикл человека – от рождения до смерти. Детские песенки и игры способствовали установлению контакта между младенцем и старшими родственниками, прежде всего с матерью, развитию ловкости и силы у ребенка; трудовые песни помогали выполнять тяжелую, однообразную работу; обрядовые песни и действия одухотворяли, эстетизировали и поэтизировали определенные жизненные моменты, обозначали связь человека с Богом, с высшими силами.

Также в отдельные группы мы собрали наименования народных музыкальных инструментов и лексические единицы, связанные с привычками.

1. Наименования, относящиеся к *песням* (словесно-музыкальное произведение) – 歌 *гэ* и *пляскам* (народный танец) – 舞蹈多指民间舞 *вудао* (дуо джи минтин ву): *барыня, величальная, закличка, каравай, колыбельная, трепак, плач, причитания/причет, хоровод, частушка* и др. (более подробный список названий, связанных с играми и развлечениями, по всем разрядам представлен в приложении 7).

2. Наименования, относящиеся к *играм* (развлечение, основанное на определенных правилах) – 游戏 *ёуси* – и *игрушкам* (вещь для игры) – 玩具 *ваньтю*: *бабка, бирюльки, ванька-встанька, горелки, городки, догонялки, жмурки, кошки-мышки, лапта, матрёшка, молчанка, неваляшка, потешка, прятки, пятнашки, салки, снеговик, снежки, считалка, чучело, шашки* и др.

3. Музыкальные инструменты: *балалайка, баян, гармонь/гармошка/гармоника, гусли, дуда/дудка, рожок, свирель, трещотка* и др.

4. Привычки: *папироса, самокрутка* и др.

С точки зрения употребительности приведенные безэквивалентные и фоновые лексические единицы в значительной степени относятся к активному словарю. Они называют предметы и явления, которые не вытеснены полностью

из обихода. Особенно это касается группы НПЯТРБ, обозначающих музыкальные инструменты.

VIII. Традиционные русские меры, деньги.

Последний разряд НПЯТРБ в нашей классификации представляют безэквивалентные лексические единицы, практически полностью вытесненные из активного словаря. До введения метрической системы мер, переход к которой начался в конце XIX в., в России действовала собственная система измерений, которая складывалась на протяжении многих веков. Ее недостатком выступала неопределенность, подвижность, приблизительность, объясняемые отсутствием эталона. Так, линейные меры основывались на пропорциях человеческого тела, что позволяло каждому человеку использовать для измерений свой личный аршин. Введение более четкой и удобной для расчетов десятичной метрической системы довольно быстро закрепилось в практике, и старая система была забыта.

1. Меры веса: *золотник, осьмушка/восьмушка, пуд, фунт* и др. (более подробный список названий традиционных русских мер и денег по всем разрядам представлен в приложении 8).

2. Линейные меры: *аршин, верста, вершок, пядь, сажень* и др.

3. Меры площади: *десятина, четверть/четь* и др.

4. Меры объема сыпучих веществ: *гарнец, мера, стакан, четвёрка, четверть/четь* и др.

5. Меры объема жидких веществ: *бочка, бутылка, ведро, косушка, стакан, чарка, четверть, шкалик, штоф* и др.

6. Монеты и банкноты: *алтын, гривна, грош, деньга, екатеринка/екатериновка, полушка, червонец* и др.

Представленная нами тематическая классификация НПЯТРБ наглядно демонстрирует смысловой охват данной группы лексики: практически все стороны жизни человека отражены в конкретных словах. Называя конкретный предмет или явление, они, кроме того, передают национально-культурную информацию, осмысление которой выступает важнейшей задачей обучающегося РКИ. В НПЯТРБ заключен общенациональный опыт, между тем представителю

другой языковой общности, в частности китайской, подобные лексические единицы не будут понятны без лингвокультурологического комментария.

При переводе НПЯТРБ с русского языка на китайский мы сталкиваемся с важнейшей особенностью безэквивалентной и фоновой лексики – ее непереводимостью или, точнее, невозможностью буквального перевода. Часто НПЯТРБ не переводятся, а описываются на китайском языке с опорой на родовое понятие. Они обозначают уникальные предметы и явления, и даже те из них, что имеют в китайской культуре аналоги, тем не менее выступают специфическими русскими национальными реалиями – следствием своеобразных взаимоотношений с окружающим миром и особенностей национального характера. Слово как результат коллективной мыслительной деятельности сохраняет в себе самобытность называемого понятия.

Национально-культурный фон обнаруживается в процессе сопоставления изучаемого понятия (в нашем случае НПЯТРБ) с аналогами в родном языке. В сравнительно-сопоставительном подходе к освоению лексики с культурным компонентом семантики реализуется национально ориентированное обучение РКИ, которое подразумевает опору на родную культуру инофона.

Выводы по главе 1

На основе проведенного обзора теоретико-прикладных аспектов обучения лексике в ходе преподавания РКИ можно сделать следующие выводы.

1. Лексика – один из самых подвижных разделов языка и наиболее связанный с культурой народа – носителя языка. В многочисленных уровнях лексической системы находит отражение прошлое и настоящее этноса, осмысление им всего разнообразия окружающей действительности, тончайшие нюансы мировосприятия, менталитета.

2. В лексических системах русского и китайского языков существуют фундаментальные различия, однако их сближает характер системных отношений, которыми они пронизаны. Это может стать основой для формирования новой знаковой системы и новой языковой картины мира в сознании инофона.

3. Лексика с культурным компонентом семантики – мощный фактор развития языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций у обучающихся РКИ в силу того, что знакомство с ней вовлекает китайских обучающихся в пространство русского мира с его историей, традициями и реалиями.

4. Наименования предметов и явлений традиционного русского быта – один из пластов культурно маркированной лексики, включающий безэквивалентные и фоновые лексические единицы. Отображая материальную культуру русских людей, они выступают ключом к постижению их духовного мира, их представления о гармоничном мироустройстве и эстетического чувства.

5. В силу непереводимости НПЯТРБ на китайский язык для их освоения в курсе преподавания РКИ необходимо использовать национально ориентированный подход, основанный на обращении к элементам и фактам родной культуры инофонов. Это позволит определить сходство, отличия и специфику, существующие в родном и изучаемом иностранном языках.

ГЛАВА 2. НПЯТРБ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

2.1. Проблема отбора и минимизации соответствующих лексических единиц (уровень В1 – С1)

Наращивание словарного запаса – активного и пассивного – выступает одной из самых важных задач в обучении РКИ. Это особенно касается тех студентов и магистрантов, которые приобретают знания иностранного языка уровней В1 – С1, поскольку на этих этапах владение языком приближается к профессиональному, что подразумевает уверенное и свободное выражение мыслей – беглое, без подготовки [245]. Такие навыки обеспечиваются достаточно обширным запасом лексических единиц, который позволяет почти без усилий подбирать нужные слова в зависимости от ситуации.

Что касается НПЯТРБ, то, как уже говорилось, это раздел безэквивалентной и фоновой лексики значительного объема, однако подавляющая ее часть вытеснена из активного словаря русских людей. В связи с этим встает закономерный вопрос: как определить, какие слова из этой группы будут полезны для изучения осваивающим РКИ?

Характеризуя в п. 1.3 НПЯТРБ, мы привели около 1 тыс. слов, относящихся к этому разряду русской лексики. Можно с уверенностью сказать, что мы перечислили далеко не все лексические единицы с подобным значением. Более того, мы полагаем, что нами были представлены даже не все группы НПЯТРБ, поскольку материальный мир русских людей настолько многообразен, что максимально полная его классификация включала бы гораздо больше разделов и подразделов. Совершенно очевидно, что обучающимся РКИ усвоить целиком весь пласт НПЯТРБ невозможно.

Эффективным способом решения указанной проблемы выступает определение четких принципов отбора лексических единиц из числа НПЯТРБ, исходя из цели формирования языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций. Таким образом, мы сталкиваемся с важнейшей проблемой в

методике преподавания иностранных языков – отбором и минимизацией лексических средств в учебных целях.

Минимизация – это один из базовых методологических принципов организации обучения. В учебной лексикографии отбор языкового материала – важнейший этап работы, который определяет дидактическую направленность и педагогическую эффективность полученного словника. Эти процессы во многом определяются целями преподавания иностранного языка.

Чтобы процесс изучения безэквивалентной и фоновой лексики (а ее ценность в плане приобретения лингвострановедческих знаний несомненна) был максимально плодотворным, следует сосредоточиться на той ее части, которая одновременно с увеличением словаря давала бы возможность выйти на качественно более высокий уровень владения иностранным языком, т. е. была бы эффективной и в количественном, и в качественном аспектах. Если мы преследуем цель расширить лексический запас китайских обучающихся РКИ и вместе с тем углубить их знания о русской культуре, то нам следует сосредоточиться на той части НПЯТРБ, которая будет отвечать следующим требованиям: данные лексические единицы должны, во-первых, служить основой для развития речевых умений и навыков, во-вторых, способствовать решению образовательных и воспитательных задач [109].

Методика преподавания иностранных языков накопила достаточно обширный опыт в области словарного отбора. Здесь в первую очередь важно определить принципы, в соответствии с которыми будет происходить данный процесс. Помимо этого, необходимо очертить круг лексикографических источников для составления словарного минимума.

В большинстве своем авторы (например, А.А. Богатов, И.Н. Дмитрусенко, Т.В. Иванова, К.А. Митрофанова, Д.М. Усманова, Л.Д. Цуканова) вслед за Л.В. Щербой, И.В. Рахмановым, Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез подразделяют все принципы на три взаимосвязанные группы: 1) статистические (частотность и распространенность); 2) лингвистические (семантическая ценность, сочетаемость, словообразовательная ценность и др.); 3) методические

(соответствие лексики теме и ситуации общения, учет важности понятий, которые она отражает, и др.) [65, с. 295].

Следует отметить, что отбор лексических единиц – тема в методике не закрытая, принципы постоянно дополняются и разрабатываются. Рассмотрим их подробнее.

Что касается частотности и распространенности, то известно, что для эффективной коммуникации инофону достаточно владеть относительно небольшим словарным объемом [196]. Это справедливо даже в отношении профессиональной деятельности, если она связана с выполнением рутинных, а не уникальных, специфических операций. Статистические принципы (т. е. количественные показатели) помогут очертить круг лексики, достаточной для достижения студентами поставленных в коммуникации целей и решения задач на каждом этапе обучения.

Чем выше уровень языковой подготовки у инофона, тем большее значение в отборе лексики приобретают лингвистические принципы – качественные, а не количественные. Это объясняется тем, что высокая языковая квалификация сопряжена, как правило, с более сложной коммуникативной деятельностью, которая невозможна без так называемого чувства языка. Здесь на передний план выходит семантическая и словообразовательная ценность лексических единиц. Под последней понимается способность слова выступать продуктивной моделью производства других слов [18; 20; 116].

То же можно отнести и к методическим принципам – их значимость возрастает по мере углубления знаний обучающихся. Они учитывают психологические аспекты освоения иностранного языка: ситуацию общения, профессиональные устремления студентов, их личный настрой и т. п.). Так, Н.Н. Петрушевская говорит о влиянии на отбор лексических единиц мотивированности обучения, которая возникает в ходе ориентации на будущую деятельность инофонов [151]. Вместе с этим методические принципы заставляют принимать во внимание условие доступности. В учебных целях следует останавливаться на текстах, исключая смысловые трудности.

Подводя итог вышесказанного, отметим, что методисты, занимающиеся проблемой отбора и минимизации лексических средств в целом согласны в отношении принципов отбора и вносят корректирующие поправки с учетом этапа обучения, его целей и т. п.

Компетентностный подход к преподаванию иностранных языков объясняет несколько иной путь определения принципов отбора учебной лексики. Если целью изучения РКИ является в том числе формирование коммуникативной и социокультурной компетенций, то для ее достижения студенту недостаточно механически наращивать свой лексический запас. Работа над усвоением русской лексики должна быть сопряжена с развитием вторичной языковой личности, а значит, следует отбирать для изучения такие слова, которые помогут постичь русские обычаи, традиции, нормы социального поведения, другими словами, погрузиться в русскую культуру, не теряя собственной идентичности.

Исходя из принципов национально ориентированного обучения, А.С. Мамонтов приводит следующие критерии отбора лексики в методических целях:

- 1) типичность (учебный материал должен отражать типичные ситуации);
- 2) коммуникативная ценность (отбор и минимизация учебного материала должны подчиняться факту его значимости для межкультурной коммуникации);
- 3) страноведческая ценность (учебный материал должен раскрывать специфику национальной культуры);
- 4) защищенность от стереотипа (учебный материал должен в равной степени отображать разные национально-специфические черты образа жизни представителей русской лингвокультуры) [121, с. 151].

По нашему мнению, отбор НПЯТРБ для изучения в китайской аудитории следует вести как по принципу частотности, так и исходя из целей решения основополагающей методической задачи, которая стоит перед нами, – формирования вторичной языковой личности. Для этого нужно учитывать лингвокультурологический потенциал слова.

Важным вопросом в проблеме отбора лексических единиц для рекомендуемого минимума является количество НПЯТРБ для всех уровней, на которые распространяется наше исследование, т. е. уровней В1, В2 и С1. Согласно Российской системе тестирования, это соответственно первый, второй и третий сертификационные уровни. Каждый из них предусматривает владение определенным лексическим минимумом, который в количественном выражении следующий: первый сертификационный уровень – 2,3 тыс. единиц, второй – около 5 тыс., третий – около 11 тыс. единиц [112].

В подготовленном под эгидой Министерства образования и науки РФ Лексическом минимуме по русскому языку как иностранному (первый сертификационный уровень) в числе лексических единиц, рекомендованных к изучению, мы выявили 25 НПЯТРБ. Они относятся к темам: «Питание, продукты» (*борщ, булочка, водка, закуска, каша, ложка, нож, печенье, пиво, пирог, пирожок, стакан, хлеб, чашка, щи*); «Жилье, мебель» (*дача, двор, кровать, стол, стул*); «Одежда, обувь» (*рубашка, сапоги, шапка, юбка*); «Путешествия, туризм» (*лодка*) [112].

Создатели данного лексического минимума определили четкие критерии, по которым осуществлялся отбор лексических единиц: стилистическая немаркированность; способность слова входить в различные словосочетания; семантическая ценность (т. е. способность слова обозначать часто встречающиеся предметы и явления); высокая словообразовательная способность слова; частотность (авторы замечают, что при этом учитывались показатели частотности по частотным словарям, по использованию в учебниках РКИ, а также «тематическая» частотность) [112]. Очевидно, что эти критерии автоматически исключают попадание значительного количества НПЯТРБ в лексический минимум для уровня В1: данные лексические единицы в массе своей не принадлежат к активному словарю, не обозначают часто встречающиеся предметы и явления (за исключением еды и напитков), относительно нечастотны. Число рекомендованных к изучению НПЯТРБ составляет всего 1,2 % от всего объема лексического минимума для первого

сертификационного уровня.

Еще одним важным источником для отбора НПЯТРБ в учебных целях выступает мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия», разработанный в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина [325] на основе Большого лингвострановедческого словаря «Россия» под общей редакцией Ю.Е. Прохорова (М., 2007). Методическая ценность данного электронного ресурса заключается в том, что словарные статьи в нем имеют пометы об уровне обучения, которому соответствуют понятия.

Так, в этот словарь включено 52 НПЯТРБ. В зависимости от уровня обучения они подразделяются на три группы:

A1 – A2: *баня, блин, борщ, валенки, варежки, варенье, водка, дача, ёлка, каша, квас, пельмени, пирог, сарафан, уха, хлеб, шапка, шуба, щи* (19 слов);

B1 – B2: *балалайка, баранка, бочка, ванька-встанька, гармонь, двор, закуска, изба, кисель, колокольчик, лапша, матрёшка, печь, пряник, рубаха, самовар, топор, тройка, усадьба, хоровод* (20 слов);

C1 – C2: *верста, вершок, гусли, золотник, лапти, лубок, пуд, пядь, сажень, сани, терем, фунт, частушка* (13 слов).

Таким образом, претендующим на первый сертификационный уровень необходимо владеть 19 словами-НПЯТРБ и расширять свои знания в этой области до 39 слов (B2). Уровень C1 предполагает увеличение словарного запаса еще на 13 слов.

Распределение НПЯТРБ по уровням сложности в лингвострановедческом словаре «Россия» обнаруживает следующие тенденции:

– для начального уровня рекомендованы наиболее частотные НПЯТРБ из активного словаря (преимущественно названия распространенных блюд и напитков, это соответствует и Лексическому минимуму по русскому языку как иностранному);

– обучающимся уровня B1 – C1 предлагаются для освоения НПЯТРБ, вышедшие из активного обихода, но использующиеся в фольклоре и литературе (например, архаичные единицы измерения);

– средний уровень сложности составляют НПЯТРБ, в большинстве своем менее употребительные в сравнении с названиями еды и напитков, но в то же время не вытесненные окончательно в пассивный словарь, как старорусские меры.

С точки зрения тематики представленные в лингвострановедческом словаре НПЯТРБ, помимо обозначений еды и напитков, а также старинных русских мер, также называют предметы одежды, жилые помещения и общественные сооружения, утварь, транспортные средства, музыкальные инструменты, песни и танцы, развлечения. Мы считаем, что НПЯТРБ, отобранные для изучения в китайской аудитории в русле описанных тенденций, составят вполне рабочий лексический минимум, который будет эффективным инструментом изучения РКИ. Если взять за обязательное число НПЯТРБ в общем лексическом минимуме 1,0–1,5 %, то минимум НПЯТРБ для уровня В1 составит 23–35 слов, для уровня В2 – 50–75, для уровня С1 – 110–165 слов.

Необходимое число лексических единиц для уровня В1 (35) мы набираем, объединяя два вышеприведенных списка слов, рекомендованных для начального и первого сертификационного уровней. Перечислим эти лексические единицы по темам, согласно классификации, которую мы давали в п. 1.3:

1) названия еды и напитков: *блин, борщ, булка (булочка), варенье, водка, закуска, каша, квас, пельмени, печенье, пиво, пирог, уха, хлеб, щи* (15 слов);

2) названия предметов одежды и обуви: *валенки, варежки, рубаха (рубашка), сапоги, сарафан, шапка, шуба, юбка* (8 слов);

3) названия, связанные со строительством и архитектурой: *баня, дача, двор* (3 слова);

4) названия утвари: *кровать, ложка, нож, стакан, стол, стул, чаша/чашка* (7 слов);

5) названия, связанные с транспортными средствами: *лодка* (1 слово);

6) названия, связанные с играми и развлечениями: *ёлка* (1 слово).

Чтобы составить минимум НПЯТРБ для уровня В2, нам необходимо к этому числу добавить примерно столько же лексических единиц – менее

употребительных, но не вытесненных в пассивный словарь. Для этого мы в первую очередь привлекаем слова, включенные в Лингвострановедческий справочник «Россия» с рекомендацией для уровней В1 – В2. Кроме того, мы отбираем соответствующие этим НПЯТРБ по лексико-семантическим характеристикам слова, опираясь на принцип частотности. В этом нам поможет электронный ресурс «Национальный корпус русского языка» (<https://ruscorpora.ru/>). Также мы применяем в отборе критерии типичности и коммуникативной ценности (по классификации А.С. Мамонтова): НПЯТРБ, которые, по нашему мнению, следует включить в лексический минимум для уровня В2, должны помогать инофонам, изучающим РКИ, в наиболее распространенных жизненных ситуациях.

Предлагаем следующее решение лексического минимума НПЯТРБ для уровня В2:

- 1) названия еды и напитков: *баранка, ватрушка, голубцы, запеканка, кисель, лапша, леденец, плюшка, пряник, сухарь* (10 слов);
- 2) названия предметов одежды и обуви: *косынка, кофта, платок* (3 слова);
- 3) названия, связанные со строительством и архитектурой: *изба, конюшня, крыльцо, печь, подпол, усадьба* (6 слов);
- 4) названия утвари: *бочка, горшок, колыбель, корзина, кружка, кувшин, мешок, рюмка, самовар, скамья, сковорода* (11 слов);
- 5) названия предметов труда: *коса, топор* (2 слова)
- 6) названия, связанные с транспортными средствами: *колокольчик, тройка* (2 слова);
- 7) названия, связанные с играми и развлечениями: *балалайка, ванька-встанька, гармонь, колыбельная, матрёшка, хоровод* (6 слов).

В приведенном перечне 40 слов, которые вместе с лексическим минимумом для уровня В1 дают необходимое суммарное количество – 75 НПЯТРБ.

Освоение иностранного языка на уровне В1 – С1 предполагает особенно интенсивное формирование у обучающихся социокультурной компетенции. По

мере совершенствования уровень владения языком позволяет инофонам читать все больше неадаптированных текстов – публицистических и художественных. Эти функциональные стили речи характеризуются тем, что оказывают на читателя эстетическое воздействие; посредством словесной символики автор выстраивает диалог с воспринимающим его произведение, высказывая собственные мысли, делаясь своими чувствами. Здесь слово не только несет информацию, но и воздействует на эмоциональную сферу. Такие тексты, как правило, включают большое количество тропов (метафор, метонимий, гипербол и пр.), задействуют весь арсенал художественных средств, работающих на создание ярких и выразительных образов.

Чтобы как можно полнее воспринимать мир образов, заключенный в тексте на неродном языке, инофону необходимо изучать, помимо прочего, иностранную безэквивалентную лексику, в которой, как уже не раз подчеркивалось, скрывается огромное количество лингвокультурологических смыслов. Так, значительная часть НПЯТРБ обладает мощным образным потенциалом. Помимо выполнения своей основной функции – номинативной, называния конкретных предметов и явлений, – эти лексические единицы способны выражать символическое значение. Поскольку НПЯТРБ – это преимущественно древние русские слова, они способны доносить содержание, наглядно демонстрируя образ, вызывая представление о называемой реалии. Часто звучание и значение у НПЯТРБ взаимообусловлены [22; 184].

Это доказывает то, что такие лексические единицы нередко входят в состав фразеологических оборотов, пословиц и поговорок, фольклорных произведений, встречаются в поэтическом творчестве, в том числе современном, и пр. Часть НПЯТРБ, перешедших в разряд историзмов и архаизмов, остается в речи благодаря использованию в составе различных устойчивых выражений. Таким образом, владея знаниями о НПЯТРБ, иностранные обучающиеся приближаются к осмыслению русского мира, пониманию особенностей «загадочной русской души». Неслучайно лингвострановедческий справочник «Россия» предлагает для уровней С1 – С2 лексические единицы, которые на первый взгляд нечасто

используются в обиходе, но без которых представить себе русскую речь невозможно. Мы считаем обоснованным такой взгляд на формирование лексического минимума и предлагаем к изучению на уровне С1 НПЯТРБ, которые передают значительную лингвокультурологическую информацию, имеют большой образный потенциал.

В лексический минимум для уровня С1 мы включили следующие слова:

1) названия еды и напитков: *бублик, калач, каравай, кулич, окрошка* (5 слов);

2) названия предметов одежды и обуви: *башмаки, ватник, картуз, кафтан, кокошник, лапти, передник, тулуп, ушанка* (9 слов);

3) названия, связанные со строительством и архитектурой: *амбар, горница, завалинка, конёк, плетень, сарай, сени, сусек, терем, чердак* (10 слов);

4) названия утвари: *коромысло, корыто, кочерга, лавка, ларь/ларец, миска, решето, скатерть, ступа, сундук, ушат, чугунок/чугунок* (12 слов);

5) названия предметов труда: *веретено, вилы, грабли, клещи, наковальня, невод, обух, пила, тиски, удочка, шило* (11 слов);

6) названия, связанные с транспортными средствами: *весло, возжжи, гуж, дышло, оглобля, плот, сани, сбруя, седло, телега, удила, узда, хомут, шоры* (14 слов);

7) названия, связанные с играми и развлечениями: *барыня (танец), баян, бирюльки, гусли, догонялки, дуда/дудка, жмурки, лубок, прятки, рожок, самокрутка, снеговик, снежки, считалка, трещотка, частушка, шашки* (17 слов);

8) традиционные русские меры, деньги: *алтын, аршин, верста, вершок, грош, золотник, полушка, пуд, пядь, сажень, фунт, червонец* (12 слов).

Таким образом, мы отобрали для анализа слова, которые являются конститuentами учебных текстов, которые, в частности, используются в хрестоматиях и книгах для чтения в КНР. Чтобы показать лингвокультурологический потенциал НПЯТРБ, вошедших в сформированный нами лексический минимум, мы предлагаем сведения о том, какую смысловую

нагрузку несут эти лексические единицы. В таблице 1 собраны сведения о фразеологических оборотах, пословицах и поговорках, крылатых выражениях, ассоциативных связях, относящихся к рекомендуемым нами НПЯТРБ.

Таблица 1. Семантический потенциал НПЯТРБ, входящих в рекомендуемый минимум

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Алтын</i>	Ни алтына	Не было ни гроша, да вдруг алтын	
<i>Амбар</i>		Есть в амбаре – будет и в кармане	По амбару помети, по сусекам поскреби (русская народная сказка «Колобок»)
<i>Аршин</i>	Как аршин проглотил	Аршин на кафтан, два на заплаты	
<i>Балалайка</i>	Бесструнная балалайка	Что мне соха, была бы балалайка	
<i>Баня</i>	Задавать баню	Баня парит, баня правит	31 декабря мы с друзьями ходим в баню (т/ф «Ирония судьбы, или С легким паром»)
<i>Баранка</i>			Баранки гну
<i>Барыня (танец)</i>			Ансамбль русского народного танца, основанный в США в 1991 г., был назван «Барыня» (Вагуня)
<i>Башмаки</i>	Держать под башмаком	Жена не башмак, с ноги не скинешь	
<i>Баян</i>	Нужен, как козе баян		
<i>Бирюльки</i>	Играть в бирюльки	Что мне цепь, была бы бирюлька	
<i>Блин</i>	Печь как блины	Блин не клин, брюха не расколет	
<i>Борщ</i>			Одно из самых распространённых первых блюд в России, так что экономисты высчитывают «индекс борща»
<i>Бочка</i>	Бездонная бочка		

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Бублик</i>			Дырка от бублика
<i>Булка (булочка)</i>	Испечь кому булку (дать пощечину)		
<i>Валенки</i>		В валенках молиться грешно	«Валенки» (песня из репертуара Л. Руслановой)
<i>Ванька-встанька</i>			Мы народ Ванек-встанек... (Е. Евтушенко. Сказка о русской игрушке)
<i>Варежки</i>	Разинуть, открыть варежку		
<i>Варенье</i>	День варенья		
<i>Ватник</i>			В 2010-х гг. слово стало презрительным наименованием патриотов России, поддерживающих государственный курс
<i>Ватрушка</i>			...– Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку да ломоть бараньего бока (Н.В. Гоголь. Мертвые души)
<i>Веретено</i>		Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома да точил веретёна	
<i>Верста</i>	Коломенская верста		
<i>Вершок</i>	От горшка два вершка		
<i>Весло</i>		Моря веслом не расплещешь	
<i>Вилы</i>	Вилами по воде писано	На чужой двор вилами не указывай	
<i>Водка</i>			Водку пьянствовать и безобразия нарушать (из армейского юмора)
<i>Вожжи</i>	Вожжа под хвост попала		
<i>Гармонь</i>	Как попу гармонь		
<i>Голубцы</i>			– Окрошка, на второе голубцы, а потом – крем (А. Аверченко. Здание на песке)

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Горница</i>			Без окон, без дверей, полна горница людей (загадка)
<i>Горшок</i>	Под горшок	Мал горшок, да мясо варит	
<i>Грабли</i>	Наступать на грабли		
<i>Грош</i>	Грош цена	Не было ни гроша, да вдруг алтын	
<i>Гуж</i>		Взялся за гуж – не говори, что не дюж	
<i>Гусли</i>		Брюхо не гусли, не евши не уснет	
<i>Дача</i>			Культовое место летнего отдыха в России
<i>Двор</i>	Ни кола ни двора	Муж задурит – половина двора горит, а жена задурит – и весь сгорит	
<i>Догонялки</i>			Раз, два, три, четыре, пять – // Кто пойдет со мной играть? // В прятки, жмурки, догонялки... // Соберитесь-ка, ребята (детские стихи-зазывалки)
<i>Дуда/дудка</i>	В одну дуду дудеть	Иван в дудку играет, а Марья с голоду помирает	
<i>Дышло</i>		Закон что дышло: куда повернул – туда и вышло	
<i>Ёлка</i>	Ёлки зеленые; ёлки-палки; с ёлки рухнуть		
<i>Жмурки</i>	Играть в жмурки		
<i>Завалинка</i>			«Завалинка» (современная эстрадная песня на слова Л. Николаевой)
<i>Закуска</i>	На закуску		
<i>Запеканка</i>			Мама встала спозаранку! // Испекла нам запеканку!.. // Без остатка все съедим! // Маму поблагодарим! (детские стихи)

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Золотник</i>		Мал золотник, да дорог	
<i>Изба</i>		Не красна изба углами, красна пирогами	
<i>Калач</i>	Тёртый калач	Хочешь есть калачи – так не сиди на печи	
<i>Каравай</i>		Заработанный ломоть лучше краденого каравая	«Каравай» – детская хороводная песня, поздравление именинника
<i>Картуз</i>			Думай, думай, картуз куплю
<i>Кафтан</i>	Тришкин кафтан	И кафтан греет, когда шубы нет	
<i>Каша</i>	Каша заваривается	Сам заварил кашу – сам и расхлёбывай	
<i>Квас</i>	Перебиваться с хлеба на квас		И квас есть, да не про вашу честь
<i>Кисель</i>	Седьмая вода на киселе	Мужик простой, что кисель густой	Молочные реки, кисельные берега – чудесный край в русских народных сказках
<i>Клещи</i>	Клещами тащить	Говорит, как клещами на лошадь хомут тащит!	
<i>Кокошник</i>			А ежели бы ее нарядить в сарафан, да косу заплести, да кокошник – лучше не надо (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Братья Гордеевы)
<i>Колокольчик</i>			«Однозвучно гремит колокольчик» (русский романс)
<i>Колыбель</i>	С/от колыбели	Дочь в колыбельку, а приданое в коробейку	
<i>Колыбельная</i>			Я услышу. И приду. // Сон и Дрему приведу. // Сяду в уголочке – // Спи, спокойной ночки. // Колыбельную спою... // Любишь Ёнечку свою? (Н. Пикулева. Ёжка-Ёня-Ёнечка)

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Конёк</i>			На избном коньке пестра подушка лежит (загадка)
<i>Конюшня</i>	Авгиевы конюшни		
<i>Корзина</i>			Дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья (А.П. Гайдар)
<i>Коромысло</i>	Дым коромыслом		
<i>Корыто</i>	У разбитого корыта		
<i>Коса</i> (орудие труда)	Нашла коса на камень		
<i>Косынка</i>			«Я косынку завяжу» (русская армейская песня, автор А. Левашов)
<i>Кочерга</i>		Кочерга в печи хозяйка	
<i>Кровать</i>		Идёт мимо кровати спать на полати	
<i>Кружка</i>			Выпьем с горя; где же кружка? (А.С. Пушкин)
<i>Крыльцо</i>		Чесалась свинья и о барские крыльца	
<i>Кувшин</i>		Повадился кувшин по воду ходить – там ему и голову сломить	
<i>Кулич</i>			В пятницу во всем доме запахло ванилью и миндалем, пекли куличи, готовили пасху, варили луковую кожицу для крашения яиц (М.П. Шишкин. «Всех ожидает одна ночь»)
<i>Лавка</i>	По пьяной лавочке	Наш Тит и под лавкой спит	
<i>Лапти</i>	Лаптем щи хлебать	Жениться не лапоть надеть	
<i>Латша</i>			Быть бычку на веревочке, хлебать латшу на тарелочке
<i>Ларь/ларец</i>			А ларчик просто открывался (И.А. Крылов)

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Леденец</i>			Я ухажу, Мишенька, а ты веди себя хорошо... За это подарю тебе большой красный леденец (Н.Н. Носов. Леденец)
<i>Лодка</i>			Не винца, так пивца; не пивца, так кваску, не кваску, так водки из-под лёгкой лодки
<i>Ложка</i>	В ложке воды утопить		
<i>Лубок</i>			В настоящее время слово приобрело значение безвкусицы, китча
<i>Матрёшка</i>			В марте 2020 г. Консорциум Юникода утвердил матрешку в качестве нового символа восточноевропейской культуры в Емоji 13.0
<i>Мешок</i>	Покупать kota в мешке		
<i>Миска</i>			Ми-ми-миска молока (из м/ф «До-ре-ми»)
<i>Наковальня</i>	Между молотом и наковальней	От молота и наковальня звенит	
<i>Невод</i>			Старик ловил неводом рыбу, // Старуха пряла свою пряжу (А.С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке)
<i>Нож</i>	Без ножа резать		
<i>Обух</i>	На обухе рожь молотить	Плетью обуха не перешибёшь	
<i>Оглобля</i>	Поворачивать оглобли		
<i>Окрошка</i>			В русской народной сказке «Лиса и журавль» Лиса угощала Журавля манной кашей, размазанной по тарелке, а он ее в ответ – окрошкой из кувшина с малым горлышком

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Пельмени</i>			Дошкольник схватил тестяной кружочек, чайной ложкой положил начинки и мигом скрутил залихватский пельмень (Ю.И. Коваль. Недопесок)
<i>Передник</i>			Обеими руками она бережно поддерживала полосатый передник... (А.И. Куприн. Олеся)
<i>Печенье</i>			Дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья (А.П. Гайдар)
<i>Печь</i>	Лежать на печи	Счастье придёт и на печи найдёт	
<i>Пиво</i>	Пива не сварись	Наука не пиво, в рот не вольёшь	
<i>Пила</i>			Пилить пилою – гнутья спиною
<i>Пирог</i>		Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою	
<i>Платок</i>		На чужой роток не накинешь платок	«Синий платочек» (песня из репертуара К. Шульженко)
<i>Плетень</i>	Наводить тень на плетень		«Заплетися, плетень!» (русская хороводная песня)
<i>Плот</i>			«Плот» (песня из репертуара Ю. Лозы)
<i>Плюшка</i>			А мы здесь плюшками балуемся (из м/ф «Малыш и Карлсон»)
<i>Подпол</i>			В тёмном подполье мокрый телёнок лежит (загадка)
<i>Полушка</i>	Ни полушки за душой	За морем телушка – полушка, да рубль перевоз	
<i>Пряник</i>		Жена не пряник, а ржаной ломоть	

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Прятки</i>	Играть в прятки		
<i>Пуд</i>	Пуд соли съесть	Здоровье выходит пудами, а входит золотниками	
<i>Пядь</i>	Семи пядей во лбу	Пяденька за пяденькой, а не стало саженьки	
<i>Решето</i>	Чудеса в решете	Царские милости в боярское решето сеются	
<i>Рожок</i>			Заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка)
<i>Рубашка (рубаха)</i>	Рубаха-парень	У нашей пряжи ни одежды ни рубахи	
<i>Рюмка</i>	Заглядывать в рюмку	Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки	
<i>Сажень</i>	Косая сажень в плечах	Ты от жены на пядень, а она от тебя на сажень	
<i>Самовар</i>	Ехать в Тулу со своим самоваром		
<i>Самокрутка</i>			Он вытащил из кармана мундштук и принялся прилаживать к нему толстую самокрутку (В.А. Каверин Девять десятых судьбы)
<i>Сани</i>	Садиться не в свои сани	Любишь кататься – люби и саночки возить	
<i>Сапоги</i>	Два сапога пара	Чем лаптю кланяться, так уж поклонюсь сапогу	Сапоги-сорокоходы (волшебный предмет в русских народных сказках)
<i>Сарай</i>			Дети идут на ночлег в заброшенный сарай, где прежде ссыпался общественный хлеб (А.П. Чехов. День за городом)
<i>Сарафан</i>		Нет у талану – не пришьёшь к сарафану	

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Сбруя</i>		На худую сбрую плохой и выезд	
<i>Седло</i>	Выбивать из седла		Пристало как к корове седло
<i>Сени</i>			«Ах вы сени, мои сени, сени новые мои» (русская народная песня)
<i>Скамья</i>	Со школьной скамьи		
<i>Скатерть</i>	Скатертью дорога		Скатерть-самобранка (волшебный предмет в русских народных сказках)
<i>Сковорода</i>	Крутиться как уж на сковороде		
<i>Снеговик</i>			Мультфильм «Снеговик-почтовик»
<i>Снежки</i>			Одна из самых популярных зимних игр
<i>Стакан</i>	Буря в стакане воды		Рассыпался стакан по всем городам, никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни нам, дуракам, ни серебряникам (загадка)
<i>Стол</i>	Садиться за один стол	Ель не ел, да за столом просидел	
<i>Стул</i>	Сидеть между двух стульев		
<i>Ступа</i>	Толочь воду в ступе		Ступа – средство передвижения Бабы-яги в русских народных сказках
<i>Сундук</i>		Приданое в сундуке, а урод на руке	
<i>Сусек</i>		Не то хлеб, что в поле, а то хлеб, что в сусеке	По амбару помети, по сусекам поскреби (русская народная сказка «Колобок»)
<i>Сухарь</i>		Свой сухарь лучше чужих пирогов	

Продолжение таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Считалка</i>			Тут сходились к вечеру, решали, какие игры начать... произносили скороговоркой считалки, распределяя, кому в какую команду идти, кому водить, кому начинать (Л. Кассиль. Ранний восход)
<i>Телега</i>	Пятое колесо в телеге	Жил в неге, а ездил в телеге	
<i>Терем</i>		Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит	«Теремок» (русская народная сказка)
<i>Тиски</i>	Держать в тисках	Попался в тиски, так пици не пици	
<i>Топор</i>	Хоть топор вешай	Соха кормит, топор одевает, топор обувает	
<i>Трещотка</i>		С этой трещоткой не сговоришь	
<i>Тройка</i>			«Вот мчится тройка удалая» (русская народная песня)
<i>Тулуп</i>		Держись, вошь, своего тулупа!	
<i>Удила</i>	Закусывать удила		
<i>Удочка</i>	Сматывать удочки		
<i>Узда</i>	Держать в узде	Узда дороже лошади	
<i>Усадьба</i>			Около господской усадьбы, стоявшей к улице задом, происходило, что обыкновенно происходит около господских усадеб... (И.С. Тургенев. Контора)
<i>Уха</i>	Демьянова уха		
<i>Ушанка</i>			На Западе ушанка является составной частью стереотипа о русском человеке

Окончание таблицы 1

НПЯТРБ	Фразеологические обороты	Пословицы и поговорки	Устойчивые и крылатые выражения, фольклорные и художественные образы, ассоциативные связи и т. п.
<i>Ушат</i>	Ушат грязи		
<i>Фунт</i>	Не фунт изюму		
<i>Хлеб</i>	Хлеб да соль!	Хлеб всему голова	
<i>Хомут</i>	Надевать хомут на шею	Была бы шея, а хомут найдётся	
<i>Хоровод</i>		Выбирай жену не в хороводе, а в огороде	
<i>Частушка</i>			Он так и уснул, не успев до конца вспомнить частушку... (В.П. Астафьев. Печальный детектив)
<i>Чаша/чашка</i>	Полная чаша	Не твоя чаша, не тебе и пить	Над двором стоит чаша с молоком (загадка)
<i>Червонец</i>			Я не червонец, чтобы всем нравиться
<i>Чердак</i>		Чердачная мышь подпольной не сестра	
<i>Чугун/чугунок</i>		Горшок чугуну не товарищ	
<i>Шапка</i>	На воре шапка горит	Из спасиба шапки не сошьёшь	Шапка-невидимка (волшебный предмет в русских народных сказках)
<i>Шашки</i>			В последние десятилетия шашками стали называть агрессивную манеру езды с большим количеством опережений и перестроений
<i>Шило</i>		Хватил шилом паточки	
<i>Шоры</i>	Брать в шоры		
<i>Шуба</i>	Не к шубе рукав		Шуба тепла и мохната – жить вам тепло и богато! (пожелание на свадьбе)
<i>Щи</i>	Как кур во щи	Тех же щей, да пожиже влей	
<i>Юбка</i>	Трепать юбки		

Сформированный нами лексический минимум НПЯТРБ можно применять в учебных целях во время аудиторной и самостоятельной работы студентов. Такой словник послужит основой для разработки комплекса упражнений, направленных на изучение русской безэквивалентной и фоновой лексики.

2.2. Анализ трудностей, возникающих при работе над лексикой НПЯТРБ в китайской аудитории уровня В1 – С1: этнокультурный аспект

Как уже говорилось в предыдущих разделах, лексико-грамматические системы русского и китайского языков значительно отличаются друг от друга. В связи с этим изучение лексики русского языка в китайской аудитории вызывает серьезные трудности. Чтобы китайским студентам успешно наращивать русский словарный запас, необходимо преодолевать существенные преграды, вызванные особенностями звукового оформления лексемы (в отличие от китайской лексики большинство русских слов двух- и многосложные; есть различия в произношении звуков и интонировании и т. д.), ее использования в речи с точки зрения грамматики (в китайском языке нет многих грамматических категорий, существующих в русском языке).

Однако едва ли не большие трудности связаны с восприятием китайцами семантики, выражаемой русскими словами. Определенные сложности возникают в связи со способностью внутренней структуры слов образовывать новые значения (явление полисемии), расхождением значений одного слова вплоть до образования омонимов, звуковой и семантической близостью разных слов (явление паронимии) и др.

Преподавателю РКИ важно учитывать национальную принадлежность обучающихся при выборе методических приемов. Процесс обучения будет более успешным, если он будет опираться на родной язык инофонов, т. е. будет национально ориентированным.

Изучение безэквивалентной лексики, к которой принадлежат НПЯТРБ, – это особенно сложный процесс, поскольку здесь возникают трудности, связанные с семантизацией новых слов: китайским обучающимся необходимо не

просто запомнить очередное русское слово, а узнать ранее неизвестное понятие (если речь идет о безэквивалентной лексической единице) или принять во внимание некие дополнительные детали в рамках известного понятия (фондовая лексическая единица). Этот тип трудностей, связанных с изучением иностранного языка, исследователи Е.А. Попова и З.Н. Игнашина назвали культуурообусловленными [156].

Проблему специфики семантизации лексики в практике преподавания РКИ исследовали такие ученые, как Э.Г. Азимов, А.В. Ковалева, Р.В. Миксюк, Л.В. Сычева, А.Н. Щукин и др. [97; 136; 201; 305]. На сегодняшний день накоплено немало работ, в которых отражен практический опыт преподавания русской лексики в иностранной аудитории. Следует отметить, что в настоящее время круг вопросов, связанных с семантизацией лексики, рассматривается в свете компетентностной педагогики, в основе которой лежит идея формирования у обучающихся языковой, коммуникативной и других компетенций; а также национально ориентированной методики, базирующейся на родной лингвокультуре инофона.

Базовые принципы семантизации представлены Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным, которые выделяют переводные и беспереvodные способы семантизации. Первые предполагают объяснение иностранного слова с помощью приемов, связанных с использованием родного языка или языка-посредника. Преимущество таких способов заключается в экономии времени и методических средств, а недостаток – в несовпадении значений слов в родном и чужом языках, а значит, в неадекватности создаваемого образа лексической единицы.

При использовании беспереvodных способов не прибегают к средствам родного языка или языка-посредника. Здесь на первый план выходят такие приемы, как применение наглядных пособий, толкование по контексту, толкование посредством антонимии, синонимии, словообразовательного анализа и др. [305, с. 28, 194].

В отношении семантизации безэквивалентной лексики, к числу которой

принадлежат НПЯТРБ, нужно сделать замечание: семантизация в большинстве случаев оказывается относительной. Далеко не все элементы смысловой структуры лексической единицы возможно передать на другом языке, тем более если речь идет о безэквивалентной лексике. Тем не менее термин «безэквивалентная лексика» не означает, что речь идет о лексических единицах, которые невозможно перевести на другой язык. В любом языке существуют средства, чтобы передать даже такое понятие, которое неизвестно носителям языка. В то же время безэквивалентные слова, даже будучи семантизированы на другом языке, не утратят своеобразного культурного фона, который находит выражение в коннотативных значениях.

Что касается НПЯТРБ, то следует отметить, что эти лексические единицы выполняют номинативную функцию, фиксируя специфическую информацию. Сложность понимания НПЯТРБ состоит в принципиальной разнице между русской и китайской культурами. Возникновение и существование языковых фактов обусловлено историей и традициями русского быта как многомерного культурного феномена. Его уникальность и оригинальность объясняют трудности перевода НПЯТРБ на китайский язык.

Обучающиеся часто сталкиваются с невозможностью установить значение таких слов по контексту и, следовательно, адекватно перевести их, что ведет к семантическим ошибкам. Здесь главной трудностью выступает поиск и восприятие толкования НПЯТРБ не только лингвистического, но и энциклопедического характера. Сложность семантизации НПЯТРБ зависит от того, насколько инофон владеет знаниями из области русской истории и этнографии, насколько обширны его познания в области лингвострановедения и лингвокультурологии, т. е. от степени сформированности его лингвокультурологической компетенции.

Семантизировать НПЯТРБ – это не только понять и запомнить его семантическое значение, чтобы включить лексическую единицу в свой словарь, но и освоить комплекс ее коннотаций – фон. Предмет или явление, называемое НПЯТРБ, должно быть осмыслено инофоном как культурный феномен,

поскольку изучение таких слов дает возможность китайским студентам увидеть материальный мир русского человека. И в этом заключается едва ли не самая большая трудность их изучения: здесь одновременно с РКИ необходимо изучать русскую историю и культуру, чтобы почувствовать социокультурную ценность НПЯТРБ, определяющую его существование в языке (включение в устойчивые выражения, разговорные формулы и т. п.).

Отметим, что в числе НПЯТРБ значительную часть составляют архаизмы и историзмы, т. е. устаревшие лексические единицы (в первом случае из активного обихода вытеснено слово, во втором – обозначаемое им понятие). Чтобы семантизировать то, что практически не встречается в живой речи и в окружающей жизни, необходимо проникнуться культурным и национальным своеобразием народа – носителя языка.

С целью овладения знаниями о культурном фоне НПЯТРБ инофонам целесообразно расширять лингвокультурологические знания (изучать практику использования изучаемой лексической единицы во фразеологизмах, пословицах и поговорках, малых фольклорных формах: скороговорках, загадках, частушках и т. д.; русские традиции, особенности коммуникации и социальной жизни русскоязычных людей).

Следует отметить, что фразеологизмы, пословицы и поговорки, содержащие НПЯТРБ, трудны для семантизации, поскольку значение отдельных слов, входящих в подобные конструкции, «растворяется» в смысловом единстве устойчивого оборота и дословный перевод НПЯТРБ в этом случае некорректен и неуместен. Без специфической лингвокультурологической информации, без знания социокультурного контекста происходят ошибочная семантизация и неправильное употребление НПЯТРБ в речи [204].

Например, в тексте романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» встречается фраза: *Муж называл жену «ведьмою» и «чертом», жена называла мужа – «ветряною мельницей» и «бесструнной балалайкой»*. НПЯТРБ *балалайка* в данном случае не означает народный музыкальный инструмент, а в сочетании с прилагательным *бесструнный* приобретает смысл

‘болтливый человек, пустомеля’. Из контекста следует, что жена считала мужа человеком бестолковым – и в речах, и в своих действиях (она сравнивает мужа к тому же с ветряной мельницей, взмахивающей крыльями от любого дуновения ветра). Без соответствующих лингвокультурологических знаний инофон не догадается, о каких характеристиках героев идет речь.

Очевидно, что в процессе изучения НПЯТРБ невозможно разделить собственно лингвистическое знание от историко-культурного – такое разделение представляется нам искусственным. Здесь важно добиваться интеграции языка и культуры в целях формирования у инофона кросс-культурного сознания. По словам В.И. Карасика, системный речевой акт представляет собой культурно обусловленное явление, для интерпретации которого необходима значительная информация [94, с. 122].

Также отметим, что НПЯТРБ – это лингвистический феномен, обладающий рядом прагматических особенностей. Лексика китайского языка, используемая для их семантизации, не передает стилистическую специфику их словоупотребления. Между тем у части НПЯТРБ несколько ограниченный круг сочетаемости, поскольку они, встречаясь в основном в составе устойчивых выражений, имеют разговорный характер. Например, *не было ни гроша, да вдруг алтын, как аршин проглотил, бешеной собаке семь верст не крюк, от горшка два вершка, за морем телушка полушка, да рубль перевоз, семи пядей во лбу, кося сажень в плечах* – все перечисленные выражения, как правило, используются для создания сниженного контекста. Однако есть примеры, когда те же НПЯТРБ в составе фразеологизмов употребляются в целях придания речи торжественности, приподнятости, т. е. повышения контекста: *Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим* (Б. Ласкин). В связи с этим при семантизации НПЯТРБ важно помнить о прагматическом аспекте, чтобы подобрать максимально близкий эквивалент в китайском языке. Порой контекст определяет значение НПЯТРБ, поэтому их перевод должен опираться на него.

Таким образом, семантизация НПЯТРБ для китайских обучающихся вызывает две основные трудности:

1) отсутствие в китайском языке эквивалента НПЯТРБ, связанное с тем, что в культуре народа – носителя языка нет подобных предметов и явлений;

2) необходимость донести до китайской аудитории одновременно с денотатом НПЯТРБ многообразие коннотативных значений.

Сложности объективного характера, связанные с лингвистическими факторами, влекут за собой субъективные трудности, вызванные помехами в восприятии нового лексического материала, его понимании и запоминании, что в итоге ведет к поверхностному осмыслению информации и в целом к снижению мотивации.

Чтобы преодолеть указанные трудности, целесообразно разработать комплекс лингвометодических принципов организации национально ориентированного обучения, направленный на освоение НПЯТРБ. Сформированная стратегия работы с такой лексикой должна способствовать развитию умений самостоятельной учебной деятельности студентов, связанной с наращиванием словарного запаса за счет безэквивалентных лексических единиц.

Трудности, связанные с семантизацией новых лексем, необходимо преодолевать, развивая с самого начала изучения РКИ навыки работы со словарем. У студентов уровня В1 – С1, как правило, такие навыки уже сформированы. Они способны заниматься словарной работой как во время аудиторных занятий, так и самостоятельно.

Если знакомство с обычными, эквивалентными, лексическими единицами можно проводить во время самостоятельной работы студента (обучающимся вполне по силам с помощью словарей пополнять свой словарный запас), то с безэквивалентной лексикой целесообразно знакомить студентов во время аудиторных занятий. Мы объясняем это тем, что в настоящее время отсутствует соответствующая справочная литература, содержащая не только лингвистическое толкование слова, но и лингвокультурологическую информацию, способную рассказать о понятии, называемом словом.

Особенно остро стоит проблема семантизации НПЯТРБ, если лексическая

единица не освоена в китайской лексикографии, т. е. ее значение невозможно найти в русско-китайских словарях. Между тем семантизация НПЯТРБ невозможна без погружения в лингвокультуру народа – носителя языка. Однако закодированный в безэквивалентной лексике «феномен русскости», «загадочной русской души» не всегда доступен иноязычному читателю из-за различий между культурами и национальными менталитетами, а также отсутствия доступной информации.

Трудности восприятия НПЯТРБ (особенно перешедших в разряд устаревшей лексики) обусловлены тем, что, вербализуя истинно русские концепты и категории, они обозначают незнакомые для китайцев понятия и явлений. Необходимым условием изучения НПЯТРБ выступает сопровождение такой работы лингвокультурологическим комментарием, который позволил бы инофонам создать представление о русских реалиях, историко-культурной ситуации в обществе, в которой существование этих предметов было абсолютно естественным. Изучение русского культурного пространства с помощью НПЯТРБ позволяет китайской аудитории увидеть мир русской культуры через свой родной язык, сопоставить русскую культуру со своей и осознать универсальную природу отражения языком мира и человека, независимо от его национальной принадлежности.

В связи с этим мы считаем, что китайских студентов, приступающих к изучению НПЯТРБ, следует сначала научить это делать правильно в условиях аудиторной работы.

Для того чтобы семантизировать НПЯТРБ максимально точно, можно осуществлять этот процесс двумя способами.

1. Описательный перевод русской реалии. Такой разъяснительный перевод – это попытка истолковать НПЯТРБ посредством развернутого описания (с помощью словосочетаний и даже предложений). Любое НПЯТРБ можно описательно перевести на китайский язык. Если при этом будут упущены некоторые смысловые детали, то общее значение будет отображено. Сложность заключается в определении верного подхода к семантизации, что невозможно

без знания в нашем случае русской и китайской лингвокультуры. Описательный этап требует погружения в суть толкуемого понятия, глубоких лингвострановедческих знаний.

Например, слово *ватрушка* переводится на китайский язык как 中间抹上奶渣或果酱的一种卷边烤饼 *джонтян моцан найджа хуо гуотян дэ и джон тюан биан као бин* ‘толстая лепешка с загнутыми краями и с покрытой творогом серединой’; *медовуха* – 旧时民间醉人的蜂蜜饮品 *тьюци миньтян зуирен дэ фенми иньпин уйпрп* ‘старинный народный хмельной медовый напиток’; *кафтан* – 旧时俄、法、德等国人穿的双排扣宽掩襟的 *тьюци э, фа, дэ ден гуорен чуан дэ шуан пайкоу куан янтинь дэ* ‘двубортное и широкополое пальто русских, французов, немцев’.

Положительная сторона такого толкования – максимально точная передача сути понятия, отрицательная сторона – громоздкость. В китайском языке в целом отсутствует тенденция заимствовать иностранные слова вместе с их фонетическим обликом, т. е. делать переводы-транскрипции (как уже говорилось выше, одно из немногих слов-НПЯТРБ, которое было заимствовано таким образом, – это *квас* 克瓦斯 *кэвасы*). Тем не менее, несмотря на особое словообразование, китайские переводы-интерпретации порой оказываются чрезмерно многосложными.

2. Попытка найти китайский аналог русской реалии. Здесь нужно подобрать для передачи НПЯТРБ на китайском языке понятие из китайской культуры. Оно может не совпадать полностью с русской реалией (и это естественно, поскольку речь идет о без- или неполноэквивалентной лексике), но оно должно иметь максимально возможное семантическое сходство, чтобы суть НПЯТРБ стала ясна инофонам. Положительной стороной такого толкования является доступность для понимания и наглядность. Китайские обучающиеся приближаются к осмыслению НПЯТРБ через привычные и хорошо знакомые им понятия.

Так, слово *армяк* со значением ‘старинная мужская верхняя одежда крестьян из толстого сукна в виде долгополого кафтана без сборок

(изготавливался из грубой шерстяной ткани)’ на первом этапе можно перевести на китайский язык описательно: <旧> (农民的) 厚呢上衣, 组毛料外衣 (*нонмин дэ*) *хоу ни шан и, зу маолиао вайи* ‘в старину крестьянское толстое шерстяное пальто’. На втором этапе можно попытаться найти китайский аналог русской реалии и перевести как 老羊皮袄 *лаоянпиао*, это схожая по своим основным характеристикам одежда китайских крестьян.

Исследователи Р.Х. Хайруллина, В.В. Воробьев и Со Цян, исследуя особенности перевода поэзии С. Есенина на китайский язык, отмечают как несомненное достоинство аналогии, которые переводчики нашли для слова – «наименования реалии русского быта» и слова – «хозяйственной реалии»: *коромысло* – 扁担 *биандан* (китайский аналог коромысла – это предмет, изготовленный из бамбука и используемый для переноски не только емкостей с водой, но и других грузов), *скирда* – 垛 *дуо* (дословно переводится как ‘штабель, куча, стопка’; как считают авторы, китайский аналог подчеркивает «двускатную форму сложенного сена») [217].

Отрицательная сторона семантизации способом подбора аналога заключается в том, что в данном случае есть опасность подмены в сознании инофона исходного понятия, обозначаемого НПЯТРБ, приблизительным аналогом из китайского языка. Например, в китайском языке есть слово, означающее предмет, похожий на русское орудие труда косу – 镰刀 *лиандао*. Отличие состоит в том, что у китайской косы лезвие меньше и оно насаживается на короткий черенок, ею работают согнувшись. В связи с этим, предлагая обучающимся знакомое им слово, важно четко обозначить зоны несовпадения смыслов. Иначе у китайцев возникнет недоумение, например, при чтении стихотворения А. Кольцова «Косарь»: *Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни в лицо, ветер с полудня!*

Исследователь Л.Ш. Рахимбекова приводит примеры подбора китайскими студентами, изучающими РКИ, аналога НПЯТРБ *ставни* (студенты занимались переводом отрывка из романа Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог»). Ими было предложено два варианта: 护窗板 *хучуанбан* (‘доска для прикрытия, защиты

окна’) и 百叶窗 *байечуан* (‘жалюзи’). После обсуждения вопроса о предназначении ставень в традиционном русском жилище аудитория пришла к выводу, что для перевода фразы *Теперь многие боятся по вечерам из дома выйти, и двери со ставнями на ночь запирают...* уместен первый вариант, так как жалюзи – это защита от солнца, а не от злоумышленника, тем более жалюзи неуместно опускать ночью [166].

Целесообразно указать на различные коннотации, которые содержатся помимо денотативного компонента в НПЯТРБ и в предложенном толковании. НПЯТРБ и его перевод не только могут, но и должны вызывать разные ассоциативные значения у русских и китайцев, так как люди разных наций являются носителями разных языков, в культурах которых лексические единицы приобретают различные понятия (например, в русской культуре коса – это один из символов неотвратимой смерти). Полностью интерпретировать культурно-семантические компоненты слова практически невозможно, но важно как можно подробнее передать культурный смысл в целях успешной коммуникации.

Очевидно, что оба способа семантизации НПЯТРБ – и описание, и подбор аналога – сложные процессы, поскольку в их основе лежат комплексные подходы и использование достижений различных гуманитарных дисциплин: лингвокультурологии, истории, этнографии и др., т. е. на семантизацию НПЯТРБ оказывают влияние экстралингвистические факторы.

По нашему мнению, такая семантизация станет особой формой лингвистического способа передачи лингвокультурной информации китаеязычным инофонам, т. е. поможет формировать языковую, коммуникативную и социокультурную компетенции. Однако мы должны отметить, что нужно стремиться к тому, чтобы семантизация проходила вторым способом. Это объясняется тем, что использование разъяснительного перевода формирует в сознании инофона трехкомпонентную логическую цепочку: русская лексема – ее объяснение на китайском языке – образ, близкий к китайскому аналогу, с которым в дальнейшем будет ассоциироваться данное русское слово. Более эффективным с точки зрения скорости коммуникации

является двухкомпонентная цепочка: русская лексема – образ. Минуя стадию перевода на родной язык, звуковой облик НПЯТРБ сразу вызывает у инофона ассоциативный образ и становится частью его активного словаря.

Тем не менее у описательного перевода НПЯТРБ на китайский язык есть свои достоинства. Он оказывается очень полезен в случае, если русская лексическая единица означает совершенно уникальное понятие, редкое явление; если она совершенно не освоена китайской лексикографией и у студентов нет иной возможности семантизировать ее. Хотя и в этом случае инофонам придут на помощь приемы беспереводной семантизации, например наглядность.

Важно помнить, что знание большого количества НПЯТРБ, как и слов, принадлежащих к другим группам лексики, не обеспечивает автоматическое включение этих лексем в речь. В идеале языковые средства должны становиться инструментом речемыслительной деятельности. В связи с этим работа с НПЯТРБ должна включать упражнения, направленные на развитие навыков устной и письменной речи, порождающие ситуации самостоятельной коммуникации обучающихся.

Выводы по главе 2

На основе проведенного анализа особенностей формирования лексических навыков и умений на фоне китайской лингвокультуры можно сделать следующие выводы.

1. Отбор и минимизация НПЯТРБ в учебных целях должны производиться, исходя из принципов частотности, распространенности, семантической ценности, сочетаемости и т. д. Помимо статистических, лингвистических и методических принципов в рамках компетентного подхода к преподаванию РКИ важными критериями отбора лексики являются типичность, коммуникативная ценность, страноведческая ценность и пр.

2. НПЯТРБ должны составлять до 1,5 % лексического минимума. Для уровня В1 – В2, которые соответствуют первому и второму квалификационным уровням, целесообразно включить в минимум НПЯТРБ с утилитарным значением, необходимые для успешной коммуникации в русскоязычной среде.

Для уровня С1 рекомендуются НПЯТРБ с выраженным культурным фоном, обладающие мощным лингвокультурологическим потенциалом.

3. Основные трудности, связанные с изучением НПЯТРБ, относятся к их семантизации, поскольку для китайских инофонов НПЯТРБ представляют не только незнакомое слово, но и неизвестное понятие. В связи с этим семантизация должна опираться на смежные гуманитарные дисциплины: лингвокультурологию и лингвострановедение, историю и этнографию и др.

4. Семантизировать НПЯТРБ целесообразно двумя способами: с помощью описательного перевода русской реалии и с помощью китайского аналога русской реалии. Оба способа не дают абсолютно адекватного перевода и обладают как преимуществами, так и недостатками. Описательная семантизация дает результат близкий к истинному значению, но громоздкий. Китайский аналог русской реалии и НПЯТРБ имеют зоны несовпадения смыслов.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НПЯТРЬ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ УЧАЩИМСЯ-КИТАЙЦАМ

3.1. Принципы построения и структура лингвострановедческого словаря как одного из средств обучения РКИ (уровень В1 – С1) китайских граждан

Если основная цель преподавания РКИ заключается в обучении иностранцев русскому языку как средству общения, то решение связанных с этим задач возможно посредством формирования практических навыков и умений общаться на русском языке в различных сферах. В рамках компетентностного и национально ориентированного подходов процесс обучения подразумевает знакомство инофона с языком как источником одновременно собственно лингвистической и культурологической информации. Рассмотрим, каким образом цели и задачи преподавания РКИ связаны с принципами обучения, диктующими выбор методов и приемов, организующими учебный процесс и определяющими его эффективность.

Как известно, принципы обучения подразделяются на дидактические и методические. Первые объединяют положения, составляющие педагогическую основу обучения и не зависящие от дисциплины. Применительно к высшей школе к ним относятся принципы научности (в основе преподавания лежат достижения современной науки), сознательности (обучение опирается на аналитико-синтетическую деятельность студента), активности (студент должен стать субъектом познавательной деятельности, проявлять инициативность, стремиться к самостоятельному усвоению знаний, формированию умений и навыков), наглядности (обучение опирается на чувственное познание, живое восприятие изучаемых понятий, предметов и явлений), систематичности и последовательности (обучение протекает от простого к сложному, от легкого к трудному, от известного к неизвестному, от близкого к далекому; при этом учитывается взаимосвязь всех знаний о предмете), прочности усвоения (в процессе обучения студенты не только приобретают знания, навыки и умения,

но и закрепляют, совершенствуют их), доступности (учитывается уровень владения предметом, рассчитывается количество изучаемого материала и отбираются оптимальные методы и приемы учебной работы), индивидуализации обучения (целесообразно учитывать национальные образовательные традиции, сложившиеся в странах, откуда прибыли инофоны, их профессиональные интересы, уровень подготовки и степень владения русским языком) [74; 305].

Методические принципы обучения отражают специфику преподавания конкретной учебной дисциплины, например иностранного языка и в частности РКИ. На сегодняшний день не существует четкой классификации методических принципов обучения, однако большинство авторов склоняется к тому, что к ним относятся принципы коммуникативности (предполагает установку на практическое овладение языком как средством общения), функциональности (новые лексические единицы и грамматические структуры предлагаются к изучению в тесной связи с их функциями в речи), синтаксической основы обучения (предусматривает формирование навыка построения предложений как минимальной функционирующей единицей), ситуативно-тематический представленности учебного материала (предполагает организацию учебного материала с учетом специфики жизненных ситуаций и тем), комплексности и дифференцированности (обучение основано на взаимосвязи основных видов речевой деятельности), концентризма (предполагает распределение учебного материала по относительно замкнутым циклам, концентрам, освоение каждого из которых дает возможность коммуницировать в пределах ограниченного круга ситуаций и тем), учета родного языка (учитывается речевой и языковой опыт инофонов в области родного языка), устного опережения (предполагает первоочередное овладение навыками устной речи на иностранном языке), учета специальности (предусматривает построение учебного процесса с учетом профессиональных интересов инофона) [133, с. 22; 134, с. 78–79; 148, с. 80].

Формирование языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций в ходе преподавания РКИ, национально ориентированный подход к обучению обуславливают создание лингвокультурологической модели в

обучении, которая выдвигает на первый план принципы научности, активности, наглядности, систематичности и последовательности, а также коммуникативности и учета родного языка. Коммуникативная компетенция предполагает, что обучение нацелено на общение, которое является одновременно и лингвистическим, и социальным процессом, а значит, строится как по законам языка, так и по законам психологии, социологии, культурологии и т. д. Восприятие обращенной речи будет настолько полным, насколько адресат владеет не только языком адресанта, но и его культурой; насколько собственная культура адресата сопрягается с культурой адресанта, иными словами, какие точки соприкосновения обнаружатся у коммуникантов: «В общении владеющие языком согласуют, соотносят свои замыслы, коммуникативные намерения с тем, что означается и делается посредством языка в данных условиях. Поэтому, отталкиваясь от коммуникативной природы языка, предпочтительнее идти от контекстов культуры, коммуникации и ситуации к системе языка, а не наоборот» [134, с. 79]. Это объясняет, почему принцип учета родного языка исследователи дополняют принципом учета культуры страны изучаемого языка [74, с. 20].

«Контексты культуры», или лингвокультурная парадигма, определяют необходимость формирования такого методического аппарата для преподавания РКИ, который был бы способен, в свою очередь, дать обучающемуся знания не только языка, но и «всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [55, с. 114]. Поскольку увеличение словарного запаса является центральной задачей изучения РКИ, то важно, чтобы методические приемы, связанные с семантизацией лексических единиц, носили характер своеобразного путеводителя в мир русских слов: инофон, знакомящийся с русской лексемой, должен представить ее как вербализованный образ и по возможности усвоить ассоциативные связи, какие сложились вокруг него. Особенно это касается безэквивалентной лексики, в частности НПЯТРБ.

Главную методическую роль в семантизации лексических единиц играют словари. В связи с этим встает проблема лексикографического обеспечения преподавания РКИ с позиции лингвострановедения и лингвокультурологии. На

сегодняшний день российская наука накопила значительный опыт в области создания подобных словарей. Один из первых – «Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР» – увидел свет в 1978 г. Его автор М.А. Денисова, редакция осуществлена Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Под редакцией последних вышли также лингвострановедческие словари «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» (авторы – В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров; М., 1979) и «Русские фразеологизмы» (авторы – В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко; М., 1990). Им удалось собрать самые употребительные и страноведчески ценные выражения, которые не только фиксируют коллективный человеческий опыт, но и отражают условия жизни народа – носителя языка, его историю, культуру.

Среди русских лингвострановедческих словарей немало специализированных справочников, относящихся к какой-либо одной гуманитарной научной дисциплине, одной из сторон многообразной русской культуры. Например: «Художественная культура СССР» (автор Т.Н. Чернявская; М., 1984), «Жесты и мимика в русской речи» (авторы А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина; М., 1991), «По одежке встречают... Секреты русского костюма» (автор Л.И. Харченкова; СПб., 1994), «Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX в.» (автор Р.М. Кирсанова; М., 1995), «Славянская мифология» (под редакцией В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой; М., 1995), «Славянские древности» (в 5 т.; под редакцией Н.И. Толстого; М., 1995–2012), «Константы: Словарь русской культуры» (автор Ю.С. Степанов, М., 1997), «Терминология русской иконописи» (автор Н.А. Замятина; М., 1997), «Доброе слово: словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX–XX вв.» (в 2 т.; автор А.Г. Балакай; Кемерово, 1999), «Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы» (автор Ф.С. Капица; М., 2000).

Интересный опыт русских лингвострановедческих словарей представляют справочники, подготовленные иностранными исследователями. В них факты

русской культуры интерпретируются носителями иного языка и иного лингвокультурного опыта, что позволяет увидеть на практике реализацию идеи учета родного языка и культуры при изучении РКИ. Разумеется, такие словари оказывают большую пользу обучающимся – соотечественникам авторов. Среди таких словарей можно выделить: «Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики» (автор М.Х. Манликова; Фрунзе, 1989), «Русский язык и русская культура» (автор М.Х. Манликова; Бишкек, 1998), «Словарь русских писателей» (составитель В. Ольбрых; Варшава, 1995), «История и культура России» (авторы Ю.Е. Прохоров, В.И. Борисенко, Го Лиай; Пекин, 1996).

С точки зрения изучения НПЯТРБ большой интерес представляет справочник «Российский историко-бытовой словарь» (автор-составитель Л.В. Беловинский; М., 1999). Он включает около 4 тыс. слов и понятий из русской жизни XVIII – начала XX в. Значительную часть словника составляют забытые понятия, слова, полностью или частично изменившие свое значение, о которых современный человек имеет весьма приблизительные знания (например, *азям, шептуны, щерба*).

С развитием лингвокультурологии и с осознанием ее ценности для изучения РКИ стали предприниматься попытки создания универсальных словарей, объединяющих культурно значимые понятия из самых разных областей: истории и географии, литературы и искусства, религии, социологии, традиционного быта и т. д. К таким справочникам относится, например, «Коннотативный словарь-минимум русского языка» (авторы Р.Г. Давлетбаева, З.Д. Батталова; Уфа, 2016).

Ряд современных исследователей считает, что словарю лингвострановедческого и лингвокультурологического типа, прибегающему для толкования слов к разнообразному иллюстративному материалу, наиболее подходит формат мультимедийного электронного ресурса. Более доступная навигация посредством системы гиперссылок, возможности медиаприложений (видео- и аудиозаписи, анимация и т. п.) обуславливают преимущества словарей

в виде компьютерных программ перед традиционными бумажными вариантами [1; 78].

Это подтверждают Большой лингвострановедческий словарь «Россия» под общей редакцией Ю.Е. Прохорова (М., 2007), а также подготовленный на его основе электронный ресурс «Лингвострановедческий словарь РОССИЯ» (научный руководитель Е.Г. Ростова), размещенный на портале Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Несомненным достоинством этих справочников являются довольно большой объем (приведено соответственно 2 тыс. и более 1 тыс. словарных статей, посвященных культурно значимым российским реалиям), богатый иллюстративный материал, доступность изложения.

Мы сравнили словарные статьи, посвященные НПЯТРБ *аршин*, размещенные в этих словарях. В Большом лингвострановедческом словаре «Россия» она выглядит так (рисунок 1).

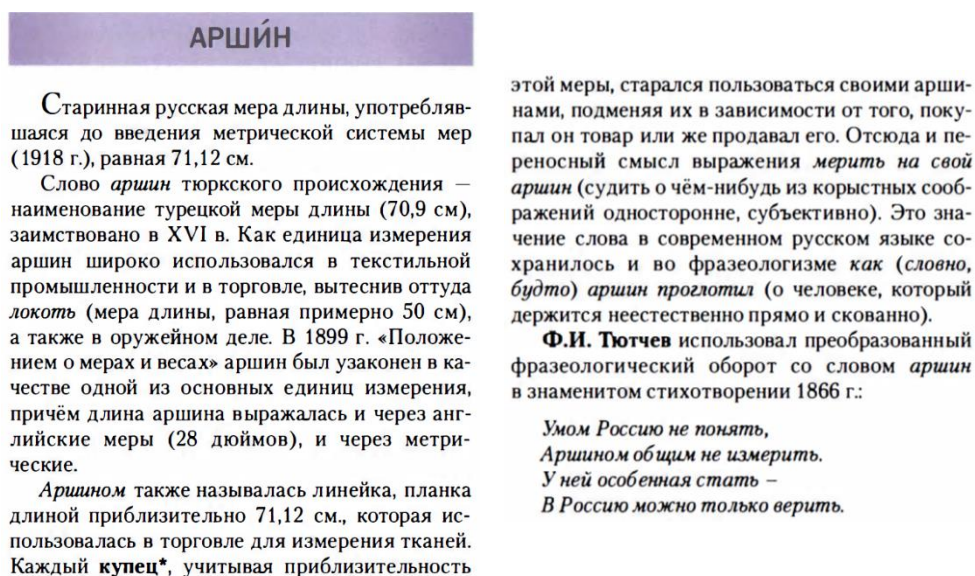

Рисунок 1. Словарная статья *Аршин* в Большом лингвострановедческом словаре «Россия»

Словарная статья содержит вокабулу с указанием нормы ударения, толкование слова, сведения о его происхождении, истории предмета, который слово обозначает; также раскрывается фоновая семантика и приводится иллюстративный материал.

Словарная статья *аршин* в мультимедийном Лингвострановедческом

словаре РОССИЯ повторяет текст, содержащийся в бумажном формате. Однако имеет четкую структуру, поддерживаемую системой гиперссылок (рисунок 2).

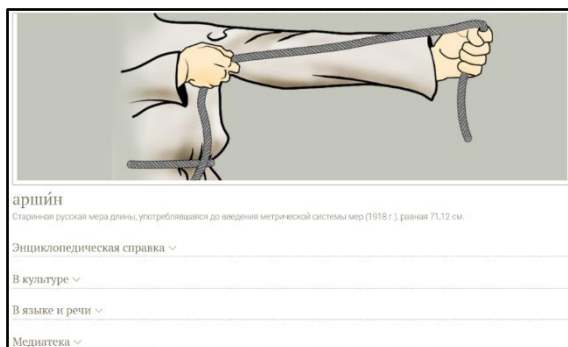

Рисунок 2. Титульный экран страницы *Аршин* в Лингвострановедческом словаре РОССИЯ

В открытом доступе находится вокабула с указанием правильного ударения и краткое толкование. Остальные сведения: энциклопедическую справку, культурологическую информацию, информацию о фоновой семантике – можно получить, активировав ссылки (рисунок 3).

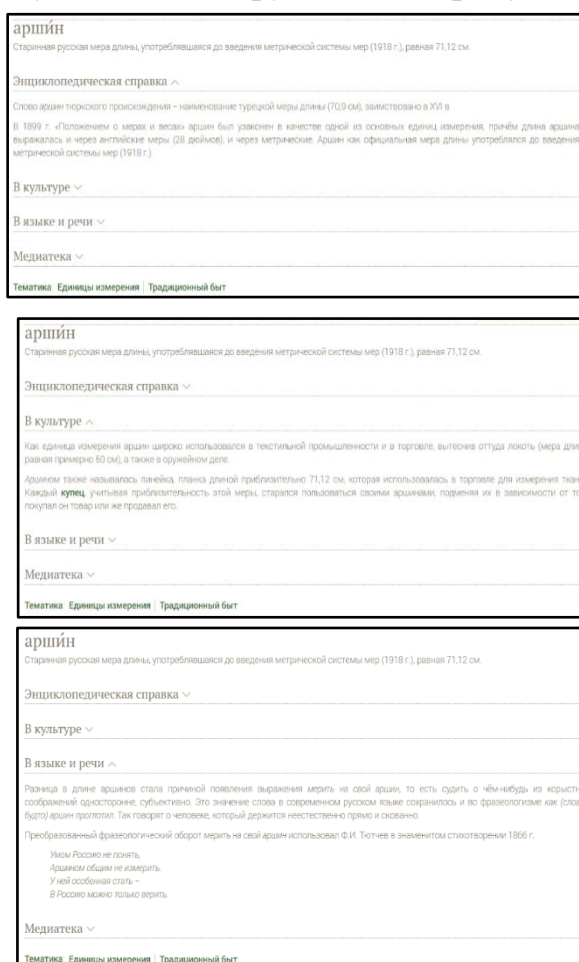

Рисунок 3. Организация представления информации о лексической единице в Лингвострановедческом словаре РОССИЯ

Значительным преимуществом в сравнении со словарем в бумажном варианте является рубрика «Медиатека», которая содержит ссылки на иллюстративный материал. Здесь представлена информация как исторического характера, так и современная, конъюнктурная, которая может утратить актуальность в любой момент, но формат электронного ресурса позволяет такие данные удалять или заменять в случае необходимости (рисунок 4).

Рисунок 4. Иллюстративный материал для слова *аршин* в Лингвострановедческом словаре РОССИЯ

Следует отметить, что лингвострановедческие словари – и те, которые мы выше сравнивали, и те, что мы перечислили, – отличает одно качество: это универсальные словари, рассчитанные на то, что читать их будут как русские люди, так и представители любой национальности, изучающие РКИ. С точки зрения национально ориентированного подхода отсутствие адресности нельзя рассматривать как достоинство лингвокультурного справочника, поскольку учет родного языка и культуры инофона – важное условие успешной реализации

такого подхода. В настоящее время ряд исследователей трудится над созданием лингвокультурологических справочников, предназначенных для национально ограниченной аудитории. Например, концепцию подобного словаря для вьетнамских граждан, которые изучают русский язык, в рамках гранта РФФИ разрабатывает группа под руководством А.С. Мамонтова. Материалы нашего исследования могут лечь в основу национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря для китайских граждан, осваивающих РКИ в ситуации вне языковой среды.

Одна из самых больших трудностей, связанных с семантизацией лексических единиц, касается чтения оригинальной литературы. Освоения РКИ на уровне В1 – С1 подразумевает знакомство с художественными произведениями русских писателей, которые, как правило, изобилуют безэквивалентной лексикой. В частности, в текстах писателей-классиков XIX–XX вв. встречается большое количество НПЯТРБ. Очевидно, что без обращения к словарям обучающиеся смогут уловить лишь общий смысл текста, тогда как детали, которые часто раскрывают самую суть, останутся невоспринятыми.

Мы проанализировали учебный комплекс «Восток» и несколько хрестоматий по русской литературе, подготовленных китайскими учеными. Все они являются достаточно популярными учебными пособиями, используемыми в Китае для обучения русскому языку. Нас интересовал вопрос: насколько часто встречаются в этих хрестоматиях произведения, содержащие НПЯТРБ? Иными словами, насколько остро стоит проблема семантизации НПЯТРБ при знакомстве китайских обучающихся с неадаптированными художественными произведениями?

В первом учебнике из комплекса «Восток» (комплекс под редакцией Ши Тицян и др. издавался в 1990–2000-х гг. в Пекине в Издательстве преподавания и исследования иностранных языков) приводится лишь один неадаптированный художественный текст – стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус», в нем НПЯТРБ нет. В учебнике «Восток-2» художественных текстов нет. В учебнике

«Восток-3» также отсутствуют произведения русских писателей и поэтов, однако рассматриваются темы русской народной культуры, поэтому включен учебный текст «Ярославская Масленица», в котором мы обнаружили несколько НПЯТРБ: *блины, водка, тройка* и др. В теме урока 9 «Ресторан» упоминаются блюда русской кухни *борщ, каша, солянка* и др. Тема урока 12 «Праздники», поэтому встречаются слова *кулич, пасха* и др.

Начиная с четвертой части, в учебном комплексе «Восток» мы можем найти рассказы русских писателей, сначала адаптированные, затем данные в сокращении. В подавляющем большинстве из них встречаются НПЯТРБ. Приведем примеры.

«Восток-4»: рассказ А.Н. Толстого «Русский характер» – *изба, лавка, платок* и др.; сказ П.П. Бажова «Каменный цветок» – *дудочка, рубашка, чаша* и др.; рассказ С.Д. Довлатова «Креповые финские носки» – *косынка*.

«Восток-5»: рассказ А.П. Чехова «Выйгранный билет» – *булочка, корзинка, крошка* и др.; рассказ В.Г. Лидина «Гнездо» – *кашка, кисель, решето* и др.

«Восток-6»: рассказ Б.Л. Васильева «Мир восклицательный знак» – *платок*; стихотворение В. Константинова, Б. Рацера «Русские жены» – *штаны*; рассказ В. Токаревой «Не сотвори» – *башишечок, рюмка, хлеб* и др.

В учебнике «Восток-6» рассматривается тема «Фольклор», приводится сказка «Царевна-лягушка», богатая НПЯТРБ (*баня, блюдо, каравай* и др.), а также загадки, содержащие НПЯТРБ: *Без окон, без дверей, полна горница людей (огурец), Сижу на тереме, мала, как мышь, красна, как кровь, вкусна, как мед (вишня), Старый дед во сто шуб одет; кто его раздевает, тот слезы проливает (лук)*.

«Восток-7»: рассказ В.М. Шукшина «Верую!» – *водка, пряник, стакан* и др.; рассказ В.А. Солоухина «Хлеб» (оригинальное название «*Каравай заварного хлеба*») – *валенки, засов, чугунок* «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского – *папираса, самовар, сени*; рассказ А.И. Куприна «Чудесный доктор» – *блюдец, колыбель, щи* и др. Кроме этого,

приводятся русские пословицы и поговорки с НПЯТРБ: *Не красна изба углами, а красна пирогами, Готовь сани летом, а телегу зимой.*

«Восток-8»: рассказ И.С. Тургенева «Живые мощи» – *кружка, сарайчик, хоровод* и др.; рассказ В.С. Белова «Нищие» – *былина* (в значении ‘песня’), *пирог, хлеб*; отрывки из романа «Зубр» Д.А. Гранина – *рюмка, шуба*; рассказ И.А. Бунина «Легкое дыхание» – *скамья*; а также русская пословица *Пустая бочка пуще гремит.*

Таким образом, в подавляющем большинстве литературных произведений, изучаемых в рамке освоения учебного комплекса «Восток», присутствуют НПЯТРБ, причем в некоторых из них они обозначают основную тему.

Что касается учебных хрестоматий, то результат нашего анализа таков.

1. Хрестоматия «Русская литература» (составитель Чжэн Тиву; Шанхай, 2006). В этом пособии представлены произведения следующих авторов:

– А.С. Пушкин: стихотворения «Зимний вечер» (*веретено, кружка*), «И.И. Пущину» (*двор, колокольчик*), «Зимнее утро» (*печь, санки*), повесть «Станционный смотритель» (*самовар, сени, тройка* и др.);

– М.Ю. Лермонтов: стихотворения «Узник» (*узда*), «Родина» (*гумно, изба, телега* и др.), повесть «Фаталист» из романа «Герой нашего времени» (*ставни, червонец, шубка* и др.);

– Н.В. Гоголь: повести «Нос» (*пирожок, сухарь, хлеб* и др.), «Шинель» (*платок, самовар, щи* и др.);

– Ф.И. Тютчев: стихотворение «Умом Россию не понять» (*аршин*);

– Н.А. Некрасов: стихотворение «Тройка» (*передник, тройка*), поэма «Кому на Руси жить хорошо» (*квашня, коврига, тюря* и др.);

– И.С. Тургенев: повесть «Ася» (*горшок, плошка, пряник* и др.), стихотворения в прозе «Маша» (*армячишко, изба, пятиалтынный* и др.), «Как хороши, как свежи были розы...» (*калачик, самовар*);

– А.Н. Островский: драма «Гроза» (*верста, кибитка, тройка* и др.);

– Ф.М. Достоевский: повесть «Белые ночи» (*вожжи, дача, сени* и др.);

– А.А. Фет: стихотворение «Еще весны душистой нега...» (*телега*);

– М.Е. Салтыков-Щедрин: сказка «Премудрый пискарь» (*верша, невод, палата* и др.);

– Л.Н. Толстой: повесть «Смерть Ивана Ильича» (*горница, крыльцо, образ* в значении ‘икона’ и др.);

– Н.С. Лесков: повесть «Леди Макбет Мценского уезда» (*амбар, коромысло, терем* и др.);

– А.П. Чехов: рассказы «Хамелеон» (*двор, лавка* в значении ‘магазин’, *решето* и др.), «Тоска» (*двугривенный, козлы, плуг* и др.), «Человек в футляре» (*бочка, сарай, чайная* и др.), комедия «Вишневый сад» (*баня, леденец, поддевка* и др.).

Практически все произведения, включенные в данную хрестоматию, содержат НПЯТРБ. Таких слов нет лишь в нескольких стихотворениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. В основном это небольшие лирические произведения, рисующие картины природы, поэтому лексика, называющая предметы утилитарного назначения, в них не встречается. Напротив, стихотворения, включающие бытовые зарисовки, или создающие образ России, невозможно представить без НПЯТРБ. То же можно сказать и о русской художественной прозе и драматургии. Классическая русская литература XIX в., развивающаяся в духе реализма, воспроизводила жизнь такой, какая она была, со всеми ее материальными приметами, поэтому в описаниях персонажей, их действий, а также интерьеров и событий обязательно можно встретить НПЯТРБ.

2. Хрестоматия «Русская литература. XIX век» (составитель Чжэн Тиву; Шанхай, 2018). Это пособие в многом повторяет хрестоматию «Русская литература» 2006 г. выпуска. В ней более узкий набор авторов (не включены произведения А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова; несколько отличается набор произведений тех авторов, которые представлены в обоих пособиях. Что касается НПЯТРБ, то список произведений, в которых они использованы, в хрестоматии 2018 г. меньше, но он включает те же произведения, что и хрестоматия 2006 г., за исключением единственного

рассказа А.П. Чехова – «Невеста» (*двор, самовар, шуба* и др.).

3. Хрестоматия «Русская литература. XX век» (составитель Чжэн Тиву; Шанхай, 2018). Это пособие знакомит китайских читателей с творчеством следующих авторов:

– М. Горький: рассказы «Макар Чудра» (*пуд, торба, хлеб* и др.), «Старуха Изергиль» (*амбар, хлеб*), поэмы в прозе «Двадцать шесть и одна» (*крендель, печь, сушка* и др.), «Песня о Соколе» (*уха*);

– И.А. Бунин: рассказы «Господин из Сан-Франциско» (*баня, картуз, сундук* и др.), «Легкое дыхание» (*передник*), «Темные аллеи» (*армяк, заслонка, тарантас* и др.);

– А.А. Блок: стихотворения «Встану я в утро туманное...» (*ворота, крыльцо*), «Незнакомка» (*дача, крендель, уключина*), «Русь» (*погост, хоровод*), «Россия» (*изба, плат, шлея* и др.), поэма «Двенадцать» (*оглобелка, портянки, хлеб* и др.);

– А.А. Ахматова: стихотворение «Я сошла с ума...» (*веретено*);

– В.В. Маяковский: стихотворения «Утро» (*перина*), «А вы могли бы?» (*блюдо, студень*), поэма «Облако в штанах» (*бочка, чечётка, штаны* и др.);

– С.А. Есенин: стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся...» (*коромысло, скирда*), «Гой ты, Русь, моя родная...» (*образ в значении 'икона', околица*), «Письмо матери» (*избушка, шушун*);

– М.И. Цветаева: стихотворения «Стихи к Блоку» (*бубенец*);

– М.А. Булгаков: повесть «Роковые яйца» (*подштанники, полфунта, самокрутка* и др.);

– Б.Л. Пастернак: стихотворения «Февраль. Достать чернил и плакать!..» (*гривна, пролётка*), «Быть знаменитым некрасиво» (*пядь*);

– М.А. Шолохов: повесть «Судьба человека» (*бричка, постромка, сбруя* и др.);

– А.Т. Твардовский: стихотворения «Весенние строчки» (*ворота, завалина, скворешня*), «Я убит подо Ржевом» (*пядь*);

– А.И. Солженицын: рассказ «Матренин двор» (*горница, кадка, теремок*

и др.);

– Н.М. Рубцов: стихотворение «Тихая моя родина» (*изба, погост, сеновал*);

– В.Г. Распутин: повесть «Пожар» (*конёк, прясло, телогрейка* и др.);

– И.А. Бродский: стихотворения «Ни страны, ни погоста...» (*погост*), «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» (*гумно, хлеб*).

В русской литературе XX в. группа НПЯТРБ представлена менее выразительно, чем в литературе XIX в. Это связано с коренными переменами, которые происходили в реальной действительности. В творчестве писателей рубежа XIX–XX вв.: М. Горького, И.А. Бунина, А.А. Блока, С.А. Есенина и др. – еще сохраняются привычные образы традиционного русского быта, но после 1917 г., когда в короткий срок изменился весь жизненный уклад, стали актуальными иные реалии, отраженные в корпусе советизмов, часть которых так же стремительно превратилась в историзмы. Старый образ жизни консервативно сохраняла советская деревня, несмотря на все попытки ее переустроить. В связи с этим и НПЯТРБ чаще встречаются в произведениях, посвященных провинциальной жизни – жизни сел, поселков, малых городов.

Часто в художественных текстах НПЯТРБ не только выполняют номинативную функцию, называя конкретные предметы и явления, но и несут существенную образно-символическую нагрузку. Например, стихотворение Н.А. Некрасова называется «Тройка». Образ удалой упряжки лошадей, проносящейся мимо крестьянки, – это образ проносящейся мимо нее счастливой и радостной жизни. В сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь» разнообразные рыболовные снасти, называемые НПЯТРБ, гиперболизируют смертельную опасность, которая подстерегает героя на каждом шагу. «И *невода*, и *сети*, и *верши*, и *норота*, и, наконец... *уду!*» – вот что придумал человек, чтобы погубить пискаря.

Семантизируя НПЯТРБ, которые встречаются в художественных произведениях русских литераторов, читатель-инофон помимо общего смысла текста способен глубже понять его богатую образность, связь с символическим рядом русской культуры в целом. В связи с этим мы считаем необходимым

разъяснять культурную специфику НПЯТРБ с помощью национально ориентированных лингвострановедческих словариков. Чтобы предлагаемая нами модель словарика соответствовала заявленной методической задаче, мы считаем, что в нем должны быть приведены: а) толкование НПЯТРБ как языковой единицы; б) объяснение фоновой семантики русской лексемы в сопоставлении с фоновой семантикой китайского соответствия; в) наиболее характерные ситуации, в которых используется данная лексема.

При определении структуры статьи национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря мы опирались на ряд исследований и уже имеющихся справочников [122; 206]. По нашему мнению, словарная статья должна включать следующие разделы: 1) вокабула; 2) тематическая группа, к которой относится НПЯТРБ; 3) перевод НПЯТРБ на китайский язык; 4) культурологический аналог НПЯТРБ в китайском языке; 5) фоновая семантика НПЯТРБ в русском языке и китайского аналога; 6) информация о наиболее известных фактах отражения НПЯТРБ и китайского аналога в литературе, музыке, изобразительном искусстве. В качестве примера приведем словарь, который мы подготовили в ходе анализа рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи», в котором содержатся около двух десятков НПЯТРБ (таблица 2).

Таблица 2. Образец национально ориентированного лингвострановедческого словарика

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Армя'к	Одежда	<旧> (农民的) 厚呢上衣, 粗毛料外衣 – старинная мужская верхняя одежда крестьян из грубой шерстяной ткани в виде долгополого кафтана	老羊皮袄 лаоянпиао – старинная зимняя куртка, сделанная из овечьей кожи для защиты от холода, сильного ветра и летучих песков	Это старинная одежда крестьянина, длинная, теплая, свободная, с широким поясом из материи, без пуговиц и застежек. Носилась зимой, по виду напоминает халат	Это зимняя верхняя одежда, используемая нацией хань, сделанная из овчины. По длине делятся на большие и маленькие. Большие доходят до икры, а маленькие – до бедра. Могут быть только из кожи, покрытыми тканью или с тканевой подкладкой. Застегиваются на пуговицы или подвязываются поясом на манер халата. Есть меховой воротник	На нем был синий армяк, подпоясанный красным кушаком (И.С. Тургенев). Человека, одетого в армяк, можно увидеть в образе главного героя на картине И.Е. Репина «Не ждали». 孙玉厚敞开老羊皮袄, 一把将小外孙搂进怀里, 问: “你妈哩?” (路遥 《平凡的世界》) В известном китайском рассказе «Обыкновенный мир» (平凡的世界) показывается, как герой 孙玉厚 (Сунь Юйхоу), заботясь о своем внуке, надевает на него свое старинное лаоянпиао, чтобы защитить мальчика от сильного мороза

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Голени'-ше	Обувь	< 中 > 皮靴筒 – верхняя часть сапога, прикрывающая голень	靴筒 сюетон – часть сапога в виде трубы	Это верхняя часть обуви, называемой «сапоги», «валенки». Функционально может быть использована для хранения некоторых предметов (ложки, ножа и др.), если человек по какой-то причине не может держать это в привычном месте (находится в тюрьме и т. п.). Может иметь переносное значение: 'хранилище тайных мыслей'	Это верхняя часть сапога или ботинок, выглядящая как труба. Функционально может быть использована для хранения предметов	<i>Голенище с усами</i> – прозвище героя фильма «День выборов» – атамана казаков, предавшего действующего губернатора. (馬二先生) 在靴筒內拿出一把扇子來。《儒林外史》第十四回》 (Господин Ма Эр) достал веер из сюетона своего ботинка (吳敬梓 У Цзинцзы. Неофициальная история конфуцианцев) – показывается, что внутри сюетона можно хранить какой-либо предмет
Горница	Помещение для жилья	(农舍的) 正房, 上房, 里间, 里屋 – отдельная комната в крестьянской избе	上房 шанфан – главная комната	Это чистая, неотапливаемая комната в крестьянском доме, используемая как парадное помещение, для гостей. В переносном смысле слово <i>горница</i> соотносится со словом <i>горний</i> 'небесный, райский'	Это комната, расположенная в передней части (лицом к солнцу) традиционного здания с внутренним двором. Имеет дополнительное значение 'первосортный, высший сорт'	В <i>горнице</i> моей светло. Это от ночной звезды (Н. Рубцов). 谁知王夫人不在上房, 问丫鬟们时, 方知往薛姨妈那边闲话去了。曹雪芹《红楼梦》第七回》 В одном из четырех классических китайских романов (часть «Сон в красном тереме») главная героиня 王夫人госпожа Ван постоянно живет в шанфане. Комнатой первого класса, подчеркивается высокое семейное положение Ван

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Заслón-ка	Сооружение для отопления помещения	炉门, (烟筒) 风挡 – железный лист с ручкой, использующийся для закрывания отверстия печи	炉门 лумэн – топочная дверца зольным желобом	Заслонка закрывает горнило печи, ограждает деревянную избу от потенциальной угрозы – от огня, поэтому заслонка в переносном смысле граница, преграда между стихией и порядком	Обыкновенное сооружение для печи, наблюдательная дверка, чтобы предотвращать опасность пожара и обеспечивать полное сгорание топлива в луцзы – китайской печи	Села Баба-яга на лопату, ноги подогнула, а Иванушка-то не промах! Р-р-р-раз – и засунул ее в печь, а чтобы не выскочила, <i>заслонку</i> запер (русская народная сказка «Баба-яга и Иванушка»). 炉门: 一种带有灰槽的炉门, 包括圆形炉门座、炉门盖, 其特征是圆型炉门座内套放与炉膛直径长的半圆型灰槽。 Лумэн: разновидность лумэна с поддоном для золы, которая включает в себя круглое седло лумэна и крышку лумэна; характеризуется полукруглым поддоном для золы диаметром, равным диаметру печи внутри круглого седла лумэна (из рекламных материалов)

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Изба́	Помещение для жилья	(俄国) 农村木房 – деревянный крестьянский дом	农舍 нунше – крестьянский дом в сельской местности	Это дом сельский, крестьянский. Изба – это значит что-то простое и незатейливое, но в то же время основательное	农 нун означает ‘крестьяне, сельское хозяйство’. Это упрощенный вариант иероглифа 農, у которого имеются также значения: земледелие; размещать войска с целью освоения целинных земель; бог земледелия; сердечность; трудолюбие; чиновник по земледелию в Древнем Китае	На селе еще краснеют кое-где оконца в смутно чернеющих <i>избах</i> ... (И.А. Бунин). 明 徐光启 《农政全书》卷七：凡農居之側，必置糞屋，低爲簷楹，以避風雨飄浸。Из т. 7 Полной книги сельскохозяйственной политики Сюй Гуанци времен династии Мин: Сбоку от любой сельскохозяйственной резиденции должен быть установлен навозный нунше с низкими карнизами, чтобы избежать ветра и дождя
Карту́з	Головной убор	(男士) 大盖帽, 大檐帽 – мужской головной убор с козырьком	大檐帽 даяньмао – шляпа с большим околышем в форме полумесяца и объемным верхом, появившаяся в царской армии, а затем распространившаяся в других странах и регионах	Картуз – это головной убор более простой в сравнении со шляпой, картузы носило простое сословие, военные. Картуз на голове – это знак, что человек зарабатывает на жизнь, выглядит достойно	Даяньмао в основном носят военные, полицейские, сотрудники служб безопасности, проводники поездов и т. п. Даяньмао согревает, защищает от солнца и дождя, либо используется как украшение	Думай, думай, голова, <i>картуз</i> куплю (А. Вайнер). 2017 《小说选刊》精品选·中篇卷 - 大檐帽 , 风纪扣, 板儿带, 所有细节一丝不苟, 镜子里的中年人却无法再现多年前的英武。Шляпы с большой окантовкой, пряжки с ветровым узором, кожаные ремни, все детали тщательно продуманы, мужчина средних лет в зеркале, но не в состоянии воссоздать доблесть многолетней давности (Избр. худ. лит. 2017 г., том «Средний класс»)

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Крыльцо	Устройство помещений	(大门前的) 台阶 – пристройка перед входом в дом, состоящая из площадки и лестницы, иногда под навесом	门廊 мэньлан – коридор со ступенями, соединяющий дверь во двор с дверью в дом	Крыльцо – это место перед входом в какое-либо здание, преддверие, место встреч и проводов	С мэньлан начинается путь в дом	– Здравствуйте пожалуйста, – сказал Иван Петрович, встречая его на <i>крыльце</i> . – Очень, очень рад видеть такого приятного гостя (А.П. Чехов). 王西彦 《古屋》第一部一：“我占有的是一间正屋以外的‘门廊间’……我在房间里坐得发闷的时候，便从门廊走到通大门的院子里去踱步。У меня есть «комната на крыльце» за пределами главного дома ...Когда мне скучно сидеть в своей комнате, я иду с крыльца во двор, ведущий к главным воротам, чтобы пошалить (Ван Сиянь. Старый дом. Т. 1)
Лавка	Мебель	(靠墙固定坐卧两用的) 长凳, 板铺; (公园或街上等处的) 长凳 – скамейки, прикрепленные к стене для сидения или лежания, скамейки (в парках, на улицах и т. д.)	长凳 чандэн – скамья, приспособление для сидения или лежания из досок, прикрепленных к стойкам или к стене	Это примитивная мебель для сидения в крестьянской избе, фактически это доска, прикрепленная либо к стене, либо к ножкам. Сидеть и тем более лежать на ней жестко и неудобно	Это типичное место отдыха в восприятии китайцев	Лесник вошел и сел на <i>лавку</i> (И.С. Тургенев). 老舍 《四世同堂》四四：“他懒得走，懒得动，屁股老象在找 <i>凳子</i> 。Он был слишком ленив, чтобы ходить, слишком ленив, чтобы двигаться, его ягодицы всегда, казалось, искали лавку (Лао Шэ. Четыре поколения под одной крышей). Ч. 4)

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Образ	Объект религиозного культа	圣像 – икона, живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения	佛像 фосян – изображение Будды, являющееся предметом религиозного поклонения в Китае	Это икона, которая хранилась в доме в красном углу, это духовный центр и в народном сознании оберег жилища	Это статуэтка Будды либо статуя Шакья-Муни или бодхисатвы. Есть резные, литые и раскрашенные статуи, которые хранятся в доме либо в храме. Перед статуей Будды загадывают желания, а также зажигают ароматические свечи и благовония	Помолясь перед <i>образами</i> , тотчас же отправился он к старосте (И.С. Тургенев). 沈从文《从文自传·我读一本小书同时又读一本大书》：“为什么雕佛像的会把木头雕成人形，所贴的金那么薄又用什么方法作成？” Почему образ статуи Будды придал дереву форму человека, и какой метод был использован, чтобы сделать золото таким тонким? (Шэнь Цуувэнь. Автобиография Цуувэнь: я читал одновременно и маленькую, и большую книгу)
Палата	Архитектурное сооружение	<旧>富邸, 豪华的多室住宅 – устаревшее слово, богатый дом, великолепная квартира с многими этажами	富邸 фуди – богатый и роскошный дом, где обычно живут сановники, крупные чиновники и знатные люди	Это большое каменное строение на Руси, богатый дом или дворец	В Древнем Китае это богатая резиденция императора, князей или члена правящих кругов. Сейчас так называют богатый частный дом	Но там огромные <i>палаты</i> , там разноцветные ковры, там игры, шумные пиры, уборы дев там так богаты!.. (А.С. Пушкин). 《南史·宋纪二·前废帝》：“甲申,以北邸爲建章宫,南第爲長楊宫”。 А Шэнь, северная палата для дворца Цзяньчжан, южная первая для дворца Чан Ян (Южная история – Сун Цзи II – до упразднения императора)

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Печь	Сооружение для отопления помещения	家庭壁炉 – сооружение для отопления помещения и приготовления пищи	炉子 луцзы – прибор или устройство для поддержания огня для приготовления пищи, плавки, отопления и т. д.	Это «душа» крестьянской избы. Печь согревала, кормила, давала отдых, лечила. Самые слабые и больные члены семьи спали на печи	Это приспособление для поддержания огня, приготовления пищи, обогрева и т. д. На северо-востоке Китая, где суровый климат, существует даже специальная кровать, внутри которой есть печь, для того чтобы люди отдыхали в тепле	Старуха возилась около ярко пылавшей <i>печи</i> , а Олеся пряла лен, сидя на очень высокой скамейке... (А.И. Куприн). 《儒林外史》第二二回：“四個長隨都到後船來辦盤子，爐子上頓酒。” Четверо сопровождающих подошли к задней части лодки, чтобы подать тарелки и вино на печи (У Цзинцзы. Неофициальная история конфуцианцев. Ч. 2)
Пого́ст	Общественное место	乡村墓地 – сельское кладбище при церкви	墓地 муди – Земля, занятая могилами; место, где хоронят мертвых	Это последнее пристанище православных жителей села, место скорби	В китайской культуре муди располагаются в соответствии с законами фэншуй, т. е. это место, соответствующее принципам «богатства и благородства» (так называемый хороший фэншуй)	Но не встрепенутся на глухом <i>погосте</i> нами вековечно сложенные кости (Н.П. Огарев). 郁风 《春江如画》：“原来是这一天许多人家都去扫墓，墓地都在山上，而清明时节正是杜鹃花漫山红遍的时候啊。Оказалось, что в этот день многие люди посещали свои погосты, а эти погосты находились на холмах, и праздник Цинмин был временем, когда азалии были в полном цвету (Юй Фэн. Весенняя река как картина)

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Подко́ва	Транспортное средство	马 (蹄铁) , 马掌 – металлическая, изогнутая по форме конского копыта пластинка, прибиваемая к копыту для предохранения его от повреждений и скольжения	掌蹄 чжанги – подкова, прибитая к копыту лошади	Это железная пластина, скоба, которая защищала копыто лошади от повреждений. С подковами связано суеверие: если найденную подкову прибить над дверью дома, то она принесет удачу, защитит от злых сил	Это железная пластина, прибиваемая к нижней стороне копыта лошади, осла, мула и др. Чжанги может быть также лоскутом кожи, резины и т. п., прибитым или пришитым к передней и задней части подошвы обуви	Счастье не <i>подкова</i> , под ногами не найдешь (русская пословица). 汉桓宽《盐铁论·散不足》：“今富者连车列骑，驂贰輜駟。中者微舆短毂，烦尾掌蹄。В наши дни у богатых людей колесницы выстроены в ряд, а их машины снабжены капитанами. У среднего класса короткая ступица и маленький общественный транспорт, а подкова в беде [т. е. лошадь медленно бежит] (Хуан Куан из династии Хань)
Самова́р	Утварь	俄式茶饮，茶炊 – металлический сосуд для кипячения воды с краном и внутренней топкой	茶炊 чачуй – чайник; металлический чайник с двумя стенками, для кипячения воды, с топкой посередине	Это приспособление для приготовления чая. Символ благополучия, добросердечия, гостеприимства хозяев дома	Это приспособление для приготовления чая. Чайное дао (философско-эстетическая концепция, основанная на практиках заваривания чая) является важнейшей стороной культуры Китая. Если в дом приходят гости, хозяин угощает их чаем. Перед чаепитием происходит церемония приготовления чая	Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил <i>самовар</i> ... (А.И. Куприн). 管桦《烙饼》：“民兵连长已经烧开茶炊，一边泡茶，一边嚷嚷着。” Командир роты ополчения уже вскипятит чачуй, крича, и готовил чай (Гуань Хуа. Готовить лепешки)

Продолжение таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Сапоги'	Обувь	靴子, 长筒靴子 – обувь с высокими голенищами	靴子 сюэцзы – высокая кожаная обувь из мягкой кожи, со слегка цилиндрическим верхом, достигающим голени	Это высокая обувь, закрывающая голень. В России долгое время сапоги были столь же распространенной обувью, как и лапти. Они стали символом дороги, военщины и т. п.	Согласно легенде, изобретателем сапога был знаменитый военный Сунь Бинь в период Воюющих государств. В память о Сунь Бине старые сапожники поклонялись ему как родоначальнику сапожного дела, установив табличку и повесив портрет для поклонения. Сегодня это популярная женская обувь	Окружной ткнул носком <i>сапога</i> в подушку седла, – икнув, перешел к следующему (М.А. Шолохов). 五代马编《中华古今注·靴笏》：“靴者，盖古西胡服也。昔赵武灵王好胡服，常服之。其制，短勒黄皮，闲居之服。” Из «Пяти династий» Ма Гао (китайских древних и современных комментариев о сапогах и ватниках): «Сапоги – это древняя западная одежда Ху. В прошлом король Чжао Вулинван любил одежду Хуфу и всегда носил ее. Одежда Хуфу была короткой и желтой, и ее носили для отдыха»
Сенцы' (от сени)	Устройство помещений	(农舍或古代城市住房与台阶之间的) 穿堂, 门厅 – место между внутренними комнатами и крыльцом крестьянского дома или старинного городского дома, коридор, тамбур	穿堂 чуантан – проход между внутренними домами и входами	Это холодный тамбур перед входом в отапливаемую часть дома. Место ожидания, временного хранения каких-то вещей	Это проход, соединяющий передний и задний дворы, с дверями спереди и сзади, может быть использован для проведения банкета. Также это зал в особняке, соединяющий передний и задний дворы, соединение двух частей зала, т. е. это переход и соединение	Прокофий кинулся в дом, но в <i>сенцах</i> его догнали (М.А. Шолохов). 《红楼梦·第三回》：两边是抄手游廊，当中是穿堂，堂地放著一个紫檀架子的大理石的大插屏。 По обе стороны – обширные коридоры, а в центре – чуантан с большой мраморной вставной ширмой на раме из розового дерева (Сон о Красной палате. Ч. 3)

Окончание таблицы 2

НПЯТРБ	Тематическая группа	Перевод на китайский язык	Культурологический аналог в китайском языке	Фоновая семантика слова		Примеры из речи, художественной культуры и т. п.
				в русском языке	в китайском языке	
Тройка	Транспортное средство	三套马的车, 三驾马车 – три лошади в одной упряжке	三套车 саньтаоче – большая повозка с двумя лошадьми впереди и сзади	Это старинная русская запряжка трех лошадей, которая стала символом России во всем мире. С тройкой ассоциируется скорость и удаль	Двойная запряжка имеет символическое значение, поскольку традиционное понятие «двойной» имеет символическое значение полноты и гармонии, а также подразумевает симметричную композицию и контрастный рисунок в китайской культуре	Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая <i>тройка</i> несешься? (Н.В. Гоголь). 《文明小史·第三一回》:「…忙答应了声:『使得。好好!咱们名士风流,正该洒脱些才是。』当下便叫套车。」...Он согласился: «Да. Я сделаю это! Мы должны быть более либеральными». Он сразу же запряг повозку (Краткая история цивилизации)
Щи	Еда	白菜汤 – суп с капустой	白菜汤 байцайтан – суп с капустой	Это простая и сытная еда из доступных продуктов, символ незатейливого крестьянского стола	Это простая еда из доступных продуктов, символ бедности	<i>Щи</i> да каша – пища наша (русская поговорка). 鹤岗新时期文学作品选·散文卷 作者:许玲主 有时,小米饭、白菜汤,一吃就是四个月。 Иногда просто рис и байцайтан едят в течение четырех месяцев подряд (Избранные литературные произведения новой эпохи Хэган. Прозаический том)

Приведенные материалы национально ориентированного лингвострановедческого словника, как мы полагаем, способны обеспечить высокую лингвистическую и культурологическую эффективность работы над лексикой НПЯТРБ в ходе изучения РКИ. Набор разделов словарных статей, а также организация их заполнения позволяют отойти от формального перечисления лексикографических фактов и создать коммуникативно направленное решение, в котором энциклопедическая информация работает на формирование амбивалентного образа русской реалии в сознании китайского обучающегося.

3.2. Экспериментальная проверка степени эффективности использования национально ориентированной разработки в обучении НПЯТРБ китайской аудитории филологического профиля уровня В1 – С1

Экспериментальная работа – один из методов исследования в педагогике. Отличие педагогического эксперимента от эксперимента в естественно-научных дисциплинах состоит в том, что в педагогике каждый эксперимент абсолютно уникален и неповторим, так как невозможно повторить экспериментальную среду: группы обучающихся не похожи одна на другую по составу, подготовке, личностным качествам. Более того, одна и та же группа в разное время будет представлять собой иной набор характеристик, поскольку сами люди постоянно меняются: приобретают новые знания, реагируют на события в личной и общественной жизни, страдают какими-либо заболеваниями и т. д. То же можно сказать и о преподавателях: не существует двух педагогов, одинаково проводящих занятия, так же как один педагог не способен повторить одно и то же занятие.

Кроме того, в экспериментальной работе, как и в педагогике в целом, не всегда можно гарантировать, что положительные сдвиги вызваны каким-либо одним фактором, за воздействием которого ведется наблюдение. Здесь нельзя ни совершенно исключить влияния иных процессов, ни вернуть экспериментальную среду в первоначальное состояние, чтобы проверить,

какими были бы результаты, если бы экспериментатор пошел иным путем. Однако, несмотря на субъективность, присущую педагогическому эксперименту, нельзя отрицать его пользу. Эксперимент – это всегда прецедент, выступающий поводом для перепроверки результатов на более широкой выборке.

Чтобы доказать эффективность подготовленного нами национально ориентированной лингвострановедческой разработки (что она способна обеспечить высокую лингвистическую и культурологическую эффективность работы над НПЯТРБ в ходе изучения РКИ; что разделы словарных статей словника, характер их заполнения позволяют на основе лексикографических фактов создать коммуникативно направленное решение; что организованная предложенным нами способом собственно лингвистическая и энциклопедическая информация и дидактические решения работают на формирование амбивалентного образа русской реалии в сознании китайского обучающегося), нами был проведен обучающий эксперимент.

Цель обучающего эксперимента – установить степень эффективности использования национально ориентированной лингвострановедческой разработки в преподавании НПЯТРБ в китайской аудитории филологического профиля уровня В1 – С1.

Гипотеза эксперимента: эффективность обучения китайских студентов РКИ повышается, если процесс обучения осуществляется с помощью национально ориентированной лингвострановедческой разработки, построенной на сопоставлении русского и китайского материала.

Методика эксперимента предполагает работу с неадаптированным художественным текстом, включающим значительное число НПЯТРБ. Обучающиеся, участвующие в эксперименте, должны на первом этапе прочесть, перевести и ответить на вопросы для выявления уровня понимания произведения. На втором этапе участникам эксперимента для работы с текстом предоставляется возможность воспользоваться национально ориентированным лингвострановедческим словником. По тому, как обучающиеся ответят на

вопросы по тексту, делается вывод об эффективности разработки в преподавании НПЯТРБ.

Экспериментальная работа, начавшаяся в декабре 2021 г. и завершившаяся в апреле 2022 г., состояла из нескольких частей:

- 1) подготовительная работа;
- 2) первый этап обучающего эксперимента;
- 3) второй этап обучающего эксперимента;
- 4) подведение итогов обучающего эксперимента.

Суть эксперимента заключалась в том, что китайским студентам предлагался для чтения и перевода неадаптированный художественный текст – рассказ И.А. Бунина «Темные аллеи», в котором встречается довольно большое количество НПЯТРБ.

В ходе подготовительной работы мы, во-первых, составили национально ориентированный лингвострановедческий словарь, в котором представили толкование всех слов-НПЯТРБ, содержащихся в рассказе И.А. Бунина «Темные аллеи», в сопоставлении с их китайскими аналогами. Этот словарь представлен в п. 3.1 (см. таблица 2).

Во-вторых, мы подготовили дидактические материалы для обучающего эксперимента. Для удобства участников эксперимента и более детального мониторинга результатов их работы мы проанализировали рассказ и разбили его на 10 фрагментов объемом примерно до 150 слов; подготовили к каждому из них вопросы, по ответам на которые можно было бы судить о степени понимания текста китайскими студентами. Также были установлены правила подсчета баллов: за каждый правильный и полный ответ на вопрос – 2 балла; не вполне правильный или неполный ответ – 1 балл; отсутствие ответа – 0 баллов. В итоге участники эксперимента могли получить: при хорошем уровне понимания текста – 63–90 баллов; среднем – 41–62; недостаточном уровне – 0–40 баллов.

В-третьих, мы подобрали группы испытуемых из числа китайских студентов-филологов, обучающихся в Китае и России, с уровнем знания русского языка не ниже В1. В эксперименте принял участие 61 китайский

студент. Часть из них обучается в китайских вузах: 9 чел. – в Университете Нинся (г. Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район), 29 чел. – в Шанхайском университете политических наук и права (г. Шанхай); часть стажирuется в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина: 13 магистрантов и 10 студентов III курса бакалавриата из числа активных и успевающих обучающихся из различных университетов Китая (из Восточно-Китайского педагогического, Наньчанского, Северо-восточного педагогического, Синьцзянского, Тяньцзиньского педагогического, Харбинского технологического, Хунаньского педагогического, Хэбэйского, Хэйлунцзянского, Циндаоского научно-технического, Южно-Китайского педагогического университетов, а также Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли, Пекинского университета языка и культуры, Сычуаньского университета иностранных языков, Тяньцзиньского университета иностранных языков, Центрального университета национальностей, Шанхайского университета политических наук и права). Все вышеуказанные китайские обучающиеся – студенты филологического факультета.

Таким образом, гипотеза исследования проверялась в условиях естественного эксперимента (т. е. проходящего в привычных условиях обучения целой группы). Со студентами, обучающимися в китайских вузах, экспериментальная работа проводилась в онлайн-формате. Для обучающего эксперимента отбирались учебные группы китайских студентов с разным уровнем подготовки по русскому языку (уровни В1 и В2).

На первом этапе студенты пытались понять рассказ без помощи специализированных лексикографических материалов, посвященных НПЯТРБ. На втором этапе студентам предлагалось перевести рассказ с помощью национально ориентированного лингвострановедческого словника, подготовленного нами. Результаты работы на обоих этапах оценивались в баллах, согласно вышеприведенным критериям.

К первому фрагменту (первый абзац рассказа), в котором встречаются

НПЯТРБ *армяк, горница, изба, картуз, козлы, самовар, тарантас, тройка*, были предложены следующие вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: на почтовую станцию прибыл путник; описываются осенняя ненастная погода, экипаж, в котором приехал путник, извозчик и сам путник.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Новый посетитель».)

3) Как описывается состояние природы? (Предполагаемый ответ: действие происходит в холодную осеннюю погоду, дорога слякотная, размытая дождем.)

4) Куда приехал герой и зачем? (Предполагаемый ответ: герой приехал на почтовую станцию, чтобы отдохнуть, прежде чем отправиться снова в путь.)

5) Как вы понимаете словосочетание *почтовая станция*? (Здесь потребуется лингвострановедческий комментарий, поскольку в конце XIX в. почтой и почтовой станцией называлось учреждение, занимающееся не только доставкой корреспонденции, но и перевозкой людей в конных экипажах.)

6) Как автор описывает кучера, управлявшего тройкой, на которой прибыл путник? (Предполагаемый ответ: одет как крестьянин, похож на разбойника.)

7) Как автор описывает путника? (Предполагаемый ответ: это старик-военный, выглядит старомодно. Здесь потребуется лингвострановедческий комментарий, поскольку прямо упоминается император Александр II и косвенно – в характеристике шинели – император Николай I.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 11–14 баллов; среднем – 7–10; недостаточном уровне – 0–6 баллов.

Во втором фрагменте, включающем следующие три абзаца, вновь встречаются такие НПЯТРБ: *голенище, заслонка, крыльцо, лавка* (предмет мебели), *образ* (икона), *печь, сапог, сенцы, щи*. Были предложены вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: путник входит в постоянную горницу, даются подробности его одежды, описывается горница.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Постоялая

горница», «Горница на почтовой станции».)

3) Как описывается горница? (Предполагаемый ответ: описывается то, как она обставлена, подчеркивается, что там очень аккуратно и чисто, вкусно пахнет щами.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 5–6 баллов; среднем – 3–4; недостаточном уровне – 0–2 балла.

В третьем фрагменте рассказа (следующие три абзаца) новых НПЯТРБ не появляется. Мы предложили участникам такие вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: дается портрет героя, описывается горница.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Усталый путник», «Путник и хозяйка».)

3) Автор продолжает знакомить читателей с героем. Что можно сказать о его возрасте, внешнем виде, переживаемых им чувствах? (Предполагаемый ответ: герой – пожилой человек, но он красив и строен; он устал и раздражен.)

4) В этом отрывке появляется героиня рассказа. Как автор ее описывает? (Предполагаемый ответ: это взрослая женщина, красивая, похожая на цыганку, одетая в яркую одежду. Здесь потребуется лингвострановедческий комментарий: цыгане – кочевой народ, который даже в XXI в. не оставил привычку переезжать с места на место; по сравнению со славянским населением России цыгане смуглые, темноволосые; одеваются в очень яркую одежду.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 6–8 баллов; среднем – 4–5; недостаточном уровне – 0–3 балла.

Четвертый фрагмент – это диалог героев от реплики «– Добро пожаловать, ваше превосходительство...» до реплики «– Я, Николай Алексеевич, – ответила она». Здесь также отсутствуют новые НПЯТРБ. Участники эксперимента должны были ответить на следующие вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: передается разговор путника и хозяйки горницы; выясняется, что когда-то давно они были знакомы; читатели узнают, как зовут героев.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Встреча через годы», «Неожиданная встреча».)

3) Как зовут героев? (Предполагаемый ответ: героя – Николай Алексеевич, героиню – Надежда.)

4) Что читатель узнает о героине из диалога? (Предполагаемый ответ: она хозяйка этой горницы, незамужняя женщина, любит порядок.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 6–8 баллов; среднем – 4–5; недостаточном уровне – 0–3 балла.

Пятый фрагмент – это продолжение диалога героев после того, как выяснилось, что в прошлом у них были отношения (от реплики «– Боже мой, боже мой!..» до реплики «– Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила»). В этом отрывке также лишь повторяются ранее встречавшиеся НПЯТРБ. Студентам были предложены такие вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: продолжается разговор Николая Алексеевича и Надежды; читатели узнают возраст героев, что познакомились они 30 лет назад, тогда между ними был любовный роман.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Былые чувства», «Давний роман».)

3) Как сложилась судьба Надежды после того, как они с Николаем Алексеевичем расстались? (Предполагаемый ответ: она получила вольную от своих господ. Здесь потребуются лингвострановедческий комментарий: Надежда была крепостной крестьянкой, которую хозяева отпустили на волю, т. е. дали ей вольную. После этого она, видимо, пережила немало событий, пока не стала хозяйкой постоялой горницы.)

4) Какие чувства испытывает герой? (Предполагаемый ответ: ему неловко, стыдно.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 6–8 баллов; среднем – 4–5; недостаточном уровне – 0–3 балла.

В шестом фрагменте, оканчивающемся репликой «И все стихи мне

изволили читать про всякие „темные аллеи”, – прибавила она с недоброй улыбкой», не встречаются НПЯТРБ. Участники эксперимента должны были ответить на следующие вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: из диалога Николая Алексеевича и Надежды читатели узнают, что герой не относился всерьез к их отношениям, он бессердечно бросил ее, а Надежда пронесла свою любовь через всю жизнь.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Обыкновенная история», «Пошлая история», «Горькая любовь».)

3) Что думает о том давнем романе Николай Алексеевич? (Предполагаемый ответ: он относится к этому роману как к чему-то неважному, несерьезному; ему странно, что Надежда не забыла его и не вышла замуж.)

4) Как пережила разрыв с Николаем Алексеевичем Надежда? (Предполагаемый ответ: она очень страдала, так как искренне любила Николая и была обижена тем, как он с ней обошелся; Надежда даже хотела покончить жизнь самоубийством.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 6–8 баллов; среднем – 4–5; недостаточном уровне – 0–3 балла.

Седьмой фрагмент, оканчивающийся словами героини «Ну да что вспоминать, мертвых с погоста не носят», включает НПЯТРБ *погост* в составе пословицы *мертвых с погоста не носят*. Участники эксперимента должны были ответить на такие вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: Николай Алексеевич запоздало признает достоинства Надежды, она заявляет, что не простила его даже спустя 30 лет.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Всё проходит, да не всё забывается».)

3) Как вы считаете, почему Николай Алексеевич просит Надежду уйти? (Предполагаемый ответ: Надежда напоминает ему о неблагоприятном поступке, ему неприятно чувствовать себя подлецом.)

4) Почему Надежда не может простить Николая Алексеевича? (Предполагаемый ответ: ее чувство еще живо; она простила бы, если бы любовь прошла.)

5) Как вы понимаете выражение *мертвых с погоста не носят*? (Предполагаемый ответ: это пословица означает, что ничего нельзя возвратить.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 7–10 баллов; среднем – 5–6; недостаточном уровне – 0–4 балла.

Восьмой фрагмент, содержащий окончание диалога героев, не включает новых НПЯТРБ. Студентам нужно было ответить на вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: Николай Алексеевич признается Надежде, что его жизнь сложилась несчастливо.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Несбывшиеся мечты», «Несостоявшееся семейное счастье».)

3) Как сложилась личная жизнь героя? (Предполагаемый ответ: он очень любил свою жену, но она изменила ему и бросила его.)

4) Оправдались ли надежды героя, которые он возлагал на сына? (Предполагаемый ответ: не оправдались, сын вырос недостойным человеком.)

5) Как вы думаете, простила ли Надежда Николая Алексеевича? (Предполагаемый ответ: в финале они поцеловали друг другу руку; видимо, Надежда простила Николая Алексеевича, который признался ей, что не был счастлив в жизни.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 7–10 баллов; среднем – 5–6; недостаточном уровне – 0–4 балла.

Девятый фрагмент включает дорожные размышления героя и его разговор с кучером до слов «Погоняй, пожалуйста, как бы не опоздать нам к поезду...». Здесь встречается НПЯТРБ *палата* в составе фразеологического оборота *ума палата*. Участникам эксперимента было предложено ответить на вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: герой едет дальше и по дороге размышляет о случившемся; он ведет разговор с кучером о Надежде.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Горькие воспоминания».)

3) Почему герой со стыдом вспоминает то, как они прощались с Надеждой? (Предполагаемый ответ: то, что он поцеловал ей руку, было просто порывом; он не любил Надежду и не раскаялся, что бросил ее.)

4) Как кучер отозвался о Надежде? (Предполагаемый ответ: кучер видел, что та долго провожала их; он рассказал, что слышал о ее большом уме, предприимчивости, справедливости.)

5) Как вы понимаете выражение *ума палата*? (Предполагаемый ответ: это фразеологизм, который означает большой ум.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 7–10 баллов; среднем – 5–6; недостаточном уровне – 0–4 балла.

В последнем фрагменте, помимо уже ранее встречавшихся НПЯТРБ, появляется слово *подкова*. Мы предложили такие вопросы:

1) О чем рассказывается в этом отрывке? (Предполагаемый ответ: описывается наступающий вечер; герой размышляет о невозможности счастья с Надеждой.)

2) Как бы вы озаглавили этот текст? (Предполагаемый ответ: «Невозможное счастье».)

3) Как автор описывает вечер? (Предполагаемый ответ: солнце клонится к закату, освещая окружающие поля. Дороги по-прежнему размыты.)

4) Что Николай Алексеевич думает о перспективе отношений с Надеждой по мере того, как удаляется от станции? (Предполагаемый ответ: отношения с Надеждой были очень хороши, но она никак не могла стать его женой.)

По результатам ответов обучающиеся могли набрать: при хорошем уровне – 6–8 баллов; среднем – 4–5; недостаточном уровне – 0–3 балла.

Таким образом, в ходе обучающего эксперимента словарный запас обучающихся был пополнен 20 НПЯТРБ, 2 из которых в составе устойчивых выражений.

Результаты участников эксперименты представлены в таблицах 3–10

(средний уровень итогового результата выделен в таблицах двойной рамкой, хороший уровень – жирной рамкой).

Таблица 3 – Результаты эксперимента в группе китайских студентов Университета Нинся на первом этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Гао Шэн Л.	7	3	5	2	4	5	4	3	4	5	42
2. Тянь Сян С.	8	4	4	3	5	4	5	3	3	4	43
3. Чжан Я.	6	3	5	4	3	4	3	4	3	3	38
4. Чэнь Я С.	6	4	5	3	4	3	4	5	2	4	40
5. Чжоу Х.	5	3	4	4	5	3	5	4	2	3	38
6. Сун Вэнь Б.	6	2	5	3	6	2	2	4	5	3	38
7. Хай Мань Ц.	5	2	6	3	3	2	3	5	3	5	37
8. Фэн Нань Н.	5	4	2	2	5	4	2	3	4	4	35
9. Тянь Т.	6	3	4	3	6	2	3	3	5	5	40

Таблица 4 – Результаты эксперимента в группе китайских студентов Университета Нинся на втором этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Гао Шэн Л.	8	5	5	4	5	3	5	7	6	5	53
2. Тянь Сян С.	10	6	4	4	5	5	7	8	7	4	60
3. Чжан Я.	9	5	5	5	4	3	4	8	4	5	52
4. Чэнь Я С.	10	6	5	4	5	4	7	7	5	8	61
5. Чжоу Х.	9	4	4	5	5	4	8	7	4	6	56
6. Сун Вэнь Б.	9	3	4	3	6	3	6	6	9	5	54
7. Хай Мань Ц.	8	3	3	4	5	4	6	7	5	5	50
8. Фэн Нань Н.	8	2	4	5	4	4	7	8	7	4	53
9. Тянь Т.	9	3	5	3	5	4	7	7	6	3	52

Таблица 5 – Результаты эксперимента в группе китайских студентов Шанхайского университета политических наук и права на первом этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Жэн Сы С.	5	3	2	3	4	2	2	3	2	2	28
2. Ван Пань Х.	4	2	2	3	4	0	2	2	2	1	22
3. Сюй Синь М.	3	2	1	2	5	0	1	3	1	3	21
4. Цу Ци Х.	2	3	2	2	5	1	2	2	3	1	23

Окончание таблицы 5

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
5. Ху Я С.	2	3	3	1	3	2	1	1	2	1	19
6. Куан Л.	1	2	2	2	3	2	2	1	2	2	19
7. Цуй Янь Д.	6	2	2	3	2	3	2	2	1	2	25
8. Ван Чжэнь И	3	3	1	3	2	4	1	2	3	1	23
9. Ма Цянь Н.	4	3	3	2	3	2	2	0	3	3	25
10. Ши Юй Н.	3	2	3	2	2	1	2	2	2	4	23
11. Тянь Цзинь Ю.	2	3	2	1	2	2	3	1	1	2	19
12. Ван Синь И	4	2	2	3	3	1	0	2	1	4	22
13. Чжан Юй Я.	4	3	3	2	3	3	0	3	1	3	25
14. Ху Мэн И	3	3	2	2	1	2	2	2	2	2	21
15. Ван Сы В.	2	3	3	3	1	0	2	3	3	2	22
16. Куан У С.	2	2	2	4	1	2	0	1	3	0	17
17. Дун Цзы Ц.	1	2	2	4	2	4	3	2	2	1	23
18. Цай Н.	1	3	4	2	3	3	0	3	2	2	23
19. Ху Сян В.	2	4	3	4	1	2	1	4	3	4	28
20. Цзяо Юй С.	3	3	2	4	2	2	1	4	3	3	27
21. Ван Юй Х.	4	1	2	3	2	2	1	2	2	1	20
22. Юань Инь Ц.	3	1	1	3	2	3	2	2	1	3	21
23. Чэнь Вань Ц.	2	3	2	2	4	1	2	1	2	2	21
24. Ли Вэнь Д.	2	2	1	2	3	1	3	1	2	2	19
25. Ван И Ф.	3	2	2	3	1	2	4	0	1	2	20
26. Пань Сы Я.	2	1	2	3	4	2	4	2	1	3	24
27. Лю Бин Н.	1	2	2	2	3	4	0	1	2	1	18
28. Гао Ян Ф.	3	2	3	2	4	2	0	2	2	3	23
29. Лю Чжи Я.	3	1	2	2	4	1	4	3	2	3	25

Таблица 6 – Результаты эксперимента в группе китайских студентов Шанхайского университета политических наук и права на втором этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Жэн Сы С.	4	4	6	4	5	8	5	6	8	5	55
2. Ван Пань Х.	6	6	6	5	7	6	7	6	6	7	62
3. Сюй Синь М.	4	2	1	2	4	2	2	4	2	4	27
4. Цу Ци Х.	4	3	3	2	3	3	3	3	2	2	28
5. Ху Я С.	4	3	3	2	3	3	3	3	2	2	28
6. Куан Л.	8	6	5	6	7	7	8	7	8	8	70
7. Цуй Янь Д.	7	5	4	5	6	6	7	6	7	7	60

Окончание таблицы 6

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
8. Ван Чжэнь И	5	4	6	6	7	6	7	8	4	6	59
9. Ма Цянь Н.	4	5	5	5	6	7	6	8	7	6	59
10. Ши Юй Н.	4	6	5	6	6	6	5	7	6	5	56
11. Тянь Цзинь Ю.	7	5	6	5	7	4	5	6	7	5	57
12. Ван Синь И	6	6	6	6	6	6	6	5	5	7	59
13. Чжан Юй Я.	4	3	3	2	3	3	2	5	4	7	36
14. Ху Мэн И	7	4	4	4	5	5	6	6	8	7	56
15. Ван Сы В.	6	5	5	6	6	6	4	6	6	7	57
16. Куан У С.	8	5	6	6	7	4	7	5	5	6	59
17. Дун Цзы Ц.	8	4	7	6	7	6	8	6	7	8	67
18. Цай Н.	7	5	7	4	8	7	8	7	7	8	68
19. Ху Сян В.	7	5	6	6	6	6	7	6	8	7	64
20. Цзяо Юй С.	6	4	6	5	5	5	6	6	7	6	56
21. Ван Юй Х.	5	2	3	4	3	2	4	3	3	2	31
22. Юань Инь Ц.	4	5	4	5	5	8	6	5	6	7	55
23. Чэнь Вань Ц.	7	4	5	6	5	4	7	5	6	8	57
24. Ли Вэнь Д.	7	4	5	4	6	5	7	6	7	8	59
25. Ван И Ф.	7	5	4	4	6	5	6	7	8	7	59
26. Пань Сы Я.	6	5	5	4	7	6	6	8	6	7	60
27. Лю Бин Н.	5	6	4	5	8	5	5	7	6	6	57
28. Гао Ян Ф.	8	6	5	5	6	6	6	6	7	6	61
29. Лю Чжи Я.	9	5	4	3	6	6	7	5	7	4	56

Таблица 7 – Результаты эксперимента в группе китайских стажеров-магистрантов Государственного института им. А.С. Пушкина на первом этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Гао Ц.	6	4	6	6	6	5	5	8	7	6	59
2. Ван Чжэн К.	9	4	6	6	6	5	5	8	7	7	63
3. Чжэн Цин Н.	8	4	6	6	5	6	6	7	9	6	63
4. Чжан Х.	6	5	5	6	5	4	6	8	8	7	60
5. Чэнь Мэй Ц.	6	4	5	4	6	4	5	6	6	4	50
6. Го Сяо Ц.	7	3	6	4	6	5	7	6	8	4	56
7. Ван С.	8	3	5	4	6	3	5	6	5	7	52
8. Ми Чэнь Ц.	9	3	5	5	6	4	4	5	6	5	52
9. Ци Сы И.	7	4	6	4	6	5	5	5	6	6	54
10. Тан Синь Ц.	7	4	6	4	5	4	5	6	8	4	53
11. У Янь Т.	8	3	7	5	6	6	7	7	8	6	63
12. Гао Мэн Л.	6	4	5	4	4	5	4	7	8	6	53
13. Ван Син Х.	6	3	4	4	3	4	4	7	9	7	51

Таблица 8 – Результаты эксперимента в группе китайских стажеров-магистрантов Государственного института им. А.С. Пушкина на втором этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Гао Ц.	12	6	7	6	7	7	8	7	8	6	74
2. Ван Чжэн К.	13	6	7	6	7	8	7	8	7	7	76
3. Чжэн Цин Н.	12	6	8	7	6	7	7	8	6	7	74
4. Чжан Х.	14	6	7	6	7	6	8	7	7	7	75
5. Чэнь Мэй Ц.	13	5	6	8	6	6	9	7	7	8	75
6. Го Сяо Ц.	13	6	7	7	7	7	9	6	10	7	79
7. Ван С.	14	4	7	8	6	6	8	8	9	8	78
8. Ми Чэнь Ц.	13	5	6	6	7	6	7	7	10	6	73
9. Ци Сы И.	12	5	7	6	7	7	8	7	8	6	73
10. Тан Синь Ц.	11	5	7	6	6	6	9	8	8	7	73
11. У Янь Т.	12	5	7	8	6	7	8	7	9	6	75
12. Гао Мэн Л.	10	5	6	6	5	6	7	6	8	6	65
13. Ван Син Х.	10	4	6	5	6	6	7	6	9	7	66

Таблица 9 – Результаты эксперимента в группе китайских студентов, обучающихся по программе бакалавриата в Государственном институте им. А.С. Пушкина, на первом этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. У Хао Т.	7	4	6	3	4	5	5	7	7	6	54
2. Ли Дун Т.	9	4	5	6	5	5	6	7	6	8	61
3. Цзя Ян Я.	7	4	6	2	3	4	2	8	7	7	50
4. Ван Хао Ю.	7	5	4	3	5	3	3	7	8	8	53
5. Дин Ч.	8	3	5	4	4	2	8	8	6	6	54
6. Цзинь М.	6	3	6	3	6	5	4	7	8	6	54
7. Чжао Д.	9	3	6	6	4	1	5	8	7	8	57
8. Хань Тин В.	8	3	6	5	5	4	4	6	8	8	57
9. Ян С.	6	4	5	3	6	1	6	7	7	8	53
10. Ли Шу Ц.	7	3	5	5	5	2	6	7	8	9	57

Таблица 10 – Результаты эксперимента в группе китайских студентов, обучающихся по программе бакалавриата в Государственном институте им. А.С. Пушкина, на втором этапе

Ф. И.	Фрагмент										Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. У Хао Т.	11	5	7	5	6	6	7	8	8	9	72
2. Ли Дун Т.	12	5	6	5	6	7	5	8	9	9	72
3. Цзя Ян Я.	11	5	7	5	5	6	4	8	9	8	68
4. Ван Хао Ю.	14	6	6	6	7	5	4	8	9	9	74
5. Дин Ч.	10	5	5	7	6	4	9	8	9	8	71
6. Цзинь М.	11	4	6	6	7	6	5	7	9	7	68
7. Чжао Д.	13	4	6	8	5	4	5	8	8	9	70
8. Хань Тин В.	13	4	7	6	7	5	6	7	9	9	73
9. Ян С.	12	5	7	4	6	5	7	8	7	8	69
10. Ли Шу Ц.	11	5	6	5	4	5	7	7	8	9	67

Приведенные результаты показывают, что участники эксперимента, независимо от своего уровня знания русского языка и первоначального восприятия неадаптированного текста, значительно продвинулись в его понимании после обращения к национально ориентированной лингвострановедческой разработке. Итоги анализа результатов обучающего эксперимента представлены в таблицах 11 и 12.

Таблица 11 – Количественные и качественные показатели понимания текста китайскими студентами на первом этапе

Показатель	Количество
Хороший уровень понимания текста, чел.	3
Средний уровень понимания текста, чел.	22
Недостаточный уровень понимания текста, чел.	36
Общий показатель: (хороший уровень + средний уровень) / кол-во участников эксперимента × 100 %, %	41
Качественный показатель: хороший уровень / кол-во участников эксперимента × 100 %, %	5

Таблица 11 – Количественные и качественные показатели понимания текста китайскими студентами на втором этапе

Показатель	Количество
Хороший уровень понимания текста, чел.	26
Средний уровень понимания текста, чел.	29
Недостаточный уровень понимания текста, чел.	6
Общий показатель: (хороший уровень + средний уровень) / кол-во участников эксперимента × 100 %, %	90
Качественный показатель: хороший уровень / кол-во участников эксперимента × 100 %, %	43

Таким образом, результаты обучающего эксперимента подтвердили гипотезу исследования: обучение китайских студентов лексике с культурным компонентом семантики, к которой относятся НПЯТРБ, наиболее эффективно, если оно осуществляется с помощью специализированных национально ориентированных лингвострановедческих материалов, лексикографических и дидактических. При такой модели ведущая роль в семантизации лексики переходит от перевода слова, обозначающего русскую реалию, к поиску соответствующего ей аналога в национальной культуре инофонов.

3.3. Методические рекомендации к работе по усвоению лексики НПЯТРБ в китайской аудитории

Как уже было сказано выше, сегодня в методике преподавания РКИ в качестве основной цели выступает формирование коммуникативных умений и навыков. Реализация этой цели требует решения задач, обеспечивающего успешное общение на языке, являющемся неродным, что во многом зависит от того, насколько глубоко инофон освоил лексику изучаемого языка. Методическая работа с новыми лексическими единицами приобретает ключевое значение и становится обязательным этапом, сопровождающим занятия по РКИ.

B1 – C1 – это пороговый, пороговый продвинутой уровни и уровень профессионального владения. Они, безусловно, связаны с высокой интенсивностью пополнения словарного запаса студента. В то же время студенты, преодолевшие начальный этап и имеющие элементарные знания русского языка, способны к более длительной и сложной самостоятельной работе, в частности словарной.

Обучающиеся уровня B1 – C1 движутся к степени свободного владения языком, т. е. от понимания основных моментов, переданных в четких сообщениях на типичные темы, сделанных строго литературным языком, к восприятию сложных текстов большой длины и различной тематики, в том числе научной и профессиональной. Уровень C1 подразумевает, что обучающийся

понимает неадаптированные художественные и нехудожественные тексты, его речь разнообразна с точки зрения использования языковых средств [245].

Навыки активной письменной речи также наращиваются по мере движения к свободному владению языком: для достижения уровня C1 необходимо четко, логично и подробно излагать свои мысли, выбирать тот языковой стиль, который соответствует коммуникативной задаче [245].

Задача обучающихся уровня B1 – C1 – овладеть большим объемом таких языковых средств, которые позволили бы выражать любые свои мысли ясно, свободно и в рамках соответствующего стиля на известные общие, профессиональные, повседневные темы; делать это грамматически правильно; достичь способности к беглой, связной речи, как монологической, так и диалогической [245].

Увеличение словарного запаса за счет НПЯТРБ как лексики с культурным компонентом семантики, во-первых, расширяет коммуникативные возможности обучающихся, во-вторых, способствует формированию социокультурной компетенции благодаря углублению лингвострановедческих и лингвокультурных знаний и выстраиванию соответствующих межъязыковых и межкультурных связей. В связи с этим освоение НПЯТРБ является важной методической проблемой, требующей лингводидактического решения. Основываясь на принципах научности, сознательности, активности, наглядности, систематичности и последовательности, мы сформировали лингводидактический комплекс, призванный помочь овладеть китайским студентам лексикой НПЯТРБ.

В методической литературе, посвященной обучению РКИ, рекомендуется строить работу с новым лексическим материалом в несколько этапов:

- 1) презентация новой лексики;
- 2) дидактические действия, направленные на обеспечение усвоения новых лексических единиц;
- 3) повторение пройденного материала;
- 4) контроль усвоения [97; 132].

Исходя из этого, лингводидактический комплекс должен предусматривать возможность для инофонов не только узнать новое слово, но и научиться его употреблять. С этой целью комплекс должны составлять различного рода речевые упражнения, которые основываются на анализе, синтезе, классификации, обобщении, конкретизации, аналогии и прочих мыслительных операциях.

В лингводидактический комплекс, который направлен на изучение НПЯТРБ, следует включить способы знакомства с новыми лексическими единицами и их семантизации (чтение словарной статьи, использование наглядности, синонимизации, разбор слова по составу); упражнения на запоминание слов и их постепенное включение в речь (задания на замену невербальных компонентов вербальными, на сочетаемость слов, на синонимию, на группировку; задания на построение свободных и связанных словосочетаний и др.). Кроме того, мы приводим упражнения, которые направлены не только на понимание смысла, но и на формирование навыков употребления НПЯТРБ, а также анализ речевой ситуации.

Процесс семантизации при изучении НПЯТРБ должен основываться на четкой схеме, предусматривающей следующие действия:

- рецептивное (восприятие новой лексической единицы);
- репродуктивное (ее воспроизведение – устное и письменное);
- продуктивное (самостоятельное творческое использование нового слова в речи) [222, с. 70].

С целью реализации данной схемы первоначально обучающиеся узнают, как слово произносится и записывается, т. е. представляется как в устной, так и в письменной форме. После этого слово объясняется, т. е. толкуются его форма (фонетические и грамматические особенности) и значение.

Например:

сарафан – в старину женское платье без рукавов, надеваемое поверх рубахи; в настоящее время женское платье с вырезом и без рукавов. Слово произносится и записывается одинаково (пишем, как слышим); это

существительное мужского рода, изменяется по числам и падежам;

оладья – толстая мягкая лепешка из пшеничной муки, испеченная на сковороде. Слово произносится и записывается по-разному (пишем не так, как слышим); это существительное женского рода, изменяется по числам и падежам, но чаще употребляется во множественном числе.

Чтобы активизировать процесс семантизации лексических единиц, существует несколько традиционных способов.

1. Чтение словарной статьи. При изучении НПЯТРБ особенно продуктивно обращаться к Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, в котором толкование слова сопровождается богатым иллюстративным материалом.

2. Использование наглядности. Поскольку группа НПЯТРБ преимущественно включает обозначения конкретных вещей, а не абстрактных понятий, то при изучении этих слов можно использовать предметную и изобразительную наглядность: продемонстрировать предмет или показать рисунок, схему, плакат, карточку-картинку – словом, то, что Г.В. Ейгер и Л. Юхт назвали поликодовым текстом, т. е. «случай сочетания естественного языкового кода с кодом иной семиотической системы (изображения, музыки и т. п.)» [79, с. 107]. Синтез звукового, артикуляторного и зрительного (включающего и графическую запись лексической единицы, и визуальное отображение ее смысла) облика рождает особый психологический эффект, способствующий закреплению нового слова в памяти обучающегося.

3. Использование синонимов: *щи* = суп с капустой; *борщ* = суп с капустой и свеклой = щи со свеклой.

4. Разбор слова по составу. Таким образом можно объяснить значение, например, сложных слов из числа НПЯТРБ: *маслобойка* ← *масло* + *бой* (*бить*) – аппарат для сбивания сливочного масла; *рукомойник* ← *рука* + *мой* (*мыть*) – приспособление для умывания.

Работа с новым лексическим материалом с целью его закрепления и контроля усвоения предусматривает выполнение системы упражнений в

процессе комплексного обучения всем видам речевой деятельности. Первые задания целесообразно выполнять сразу после введения новой лексики, причем важно закреплять и слуховой, и зрительный облик слова, поэтому упражнения должны быть и устными, и письменными. Здесь будут эффективны задания, направленные на узнавание лексической единицы на слух и визуально:

- 1) определить называемые преподавателем предметы;
- 2) вставить пропущенные в слове буквы или буквосочетания (с опорой на картинку или без нее);
- 3) установить семантику слова на основе известных элементов (корня и аффиксов);
- 4) выбрать из ряда слов те, которые относятся к указанной теме, и др.

На этом этапе запоминания новой лексики уместными будут задания, где в текстах вместо НПЯТРБ представлены небольшие изображения, и студентам нужно заменить невербальные компоненты вербальными.

Варианты такой работы:

- 1) установить связь между предложениями и иллюстрациями;
- 2) рассмотреть иллюстрацию, прочесть текст и найти в нем предложение с ошибкой;
- 3) рассмотреть иллюстрации, прочесть предложения и установить, какие неточности допустил художник;
- 4) рассмотреть иллюстрации и ответить на вопросы.

Как правило, при выполнении этого рода упражнений основную сложность составляет необходимость воспроизвести графический образ лексической единицы, а также правильно определить ее форму (род, число, падеж).

Следующая группа заданий может выполняться как с опорой на изобразительный ряд, так и без нее.

1. Упражнения на сочетаемость слов.

Например: прочтите слова, представленные в двух колонках, и составьте все возможные сочетания из них:

калач глиняный сарафан деревянный

долото красный скамейка кожаный
упряжь аппетитный кринка тупой

Здесь также важно не только найти пару к НПЯТРБ, но и правильно построить словосочетание, т. е. определить род существительного и изменить соответствующим образом прилагательное.

2. Упражнения на синонимию.

Например:

- 1) подберите синонимы к слову *булка* (*калач, крендель, рогалик, ситник*);
- 2) объясните слово с помощью синонимов (*уха* – *рыбный суп, ушанка* – *шапка с ушами*);
- 3) замените НПЯТРБ в словосочетании синонимом (*вкусная ватрушка* – *вкусный пирог; косоворотка из холста* – *рубаша из холста*).

3. Упражнения на группировку слов.

Например:

- 1) подберите слова из числа НПЯТРБ на тему «Блюда из рыбы» (*пирог с вязигой, расстегай с рыбой, уха*);
- 2) подберите слова из числа НПЯТРБ на тему «Запрягаем лошадь» (*вожжи, гуж, дуга, оглобля, попона, седло, удила, узда, хомут, чересседельник*).

Задания на синонимию и группировку слов особенно интересно проводить в форме соревнования – в личном или командном зачете.

Поскольку основная цель обучения иностранному языку – подготовить студентов к монологической или диалогической речи, т. е. свободной коммуникации, усложнение заданий на занятиях по РКИ связано с максимальным приближением к условиям реального общения. Здесь будут уместны упражнения, способствующие формированию рецептивно-продуктивных речевых умений обучающихся. Применительно к изучению НПЯТРБ это, например, такие задания:

- 1) образуйте словосочетания, используя приведенные ниже слова: *вышивать, сноп, печь* (глагол), *строгать, блин, пальцы, вязать, рубанок*.
- 2) назовите существительные, которые могут сочетаться с данными

глаголами: *сеять* (*овес, пшеница, рис, рожь*), *прибивать* (*гвоздь, доска, молоток*), *шить* (*платье, рубаха, сарафан*).

3) замените фразеологические сочетания одиночными словами (*калачом не заманишь* – не уговоришь; *каши не сварить* – не сговоришься; *лапти плести* – напутать).

Следует отметить, что многие НПЯТРБ входят в состав фразеологических оборотов, пословиц, поговорок, крылатых выражений. Мы считаем, что работа с этими материалами сделает учебный процесс более занимательным, повысит интерес студентов к изучению русского языка и одновременно расширит их представление об истории и культуре России.

По мере усвоения слов задания будут все более усложняться. Студентам целесообразно предложить следующее.

1. Пересказать прочитанный текст (по плану, вопросам, ключевым словам, картинкам); пересказать диалог в монологической форме, употребив заданные лексические единицы; составить диалог на основе монолога с использованием конкретных выражений; пересказать текст от лица разных героев; сделать краткий пересказ текста; составить план прослушанного рассказа; придумать концовку рассказа, употребляя определенные слова; инсценировать диалоги из текста; написать письмо другу, в котором рассказать о прочитанном произведении.

В качестве учебного текста можно использовать художественные произведения русских писателей-классиков. Читая их, студенты не только достигают учебных целей, но и воспитывают у себя способность чувствовать красоту изучаемого языка, развивают свою лингвострановедческую компетенцию, повышают общий уровень культуры.

Исходя из предмета нашего исследования, мы рекомендуем с этой целью детские рассказы Л.Н. Толстого из его «Новой азбуки» и книг для чтения («Три медведя», «Филипок», «Липунюшка», «Ученый сын», «Мужик и лошадь» и др.). Они небольшого размера, достаточно просты по сюжету и языку, содержат монологическую и диалогическую речь, в них встречается большое количество

НПЯТРБ. По мере того как у обучающихся будет накапливаться опыт чтения неадаптированных художественных текстов, посвященных преимущественно деревенской тематике и насыщенных историзмами, архаизмами, в том числе НПЯТРБ, можно приступать к чтению более крупных рассказов И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, В.М. Шукшина, В.Г. Распутина и др.

Перед началом чтения рассказа преподавателю необходимо кратко представить автора и познакомить аудиторию с социокультурными реалиями, описанными в произведении. Прочитав заглавие, можно предложить студентам подумать, о чем может быть предлагаемый текст. Также до чтения рассказа важно представить новые лексические единицы, которые встретятся в тексте, – те из них, которые несут смысловую нагрузку, без знания которых студенты не смогут понять смысл произведения.

2. Составить рассказ по иллюстрации (с использованием определенных слов или самостоятельно). В качестве иллюстрации могут выступить репродукции картин с изображением народных праздников и обычаев, бытовых сцен, людей в традиционных костюмах, убранства крестьянского жилища и т. п. Как уже говорилось выше, визуализация способствует закреплению знаний студентов, поэтому мы рекомендуем использовать для выполнения таких упражнений репродукции картин А.Г. Венецианова, В.А. Тропинина, К.Е. Маковского, Б.М. Кустодиева, К.А. Коровина, В.Г. Перова и др.

3. Написать сочинение на заданную тему. Выполнению такого упражнения может предшествовать прочтение в аудитории (или самостоятельно) художественного произведения, просмотр художественного, документального или анимационного фильма с субтитрами, учебная экскурсия, т. е. погружение в русскую лингвокультурную среду. Итогом интенсивной предварительной работы должны стать сочинения в жанре рассказа, эссе, репортажа, очерка.

Очевидно, что в преподавании НПЯТРБ большую роль играет лингвокультуроведческий комментарий, и его построению следует уделять особое внимание, так как каждое слово-НПЯТРБ – это прежде всего отражение фактов истории русского народа. При этом подобный комментарий должен быть

построен на сопоставительной основе с учетом специфики вступающих в контакт лингвокультур.

По словам Л.В. Щербы, «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культур, слова разных языков разнятся по своим вторичным ассоциациям» [233, с. 69]. С этим в основном и связаны трудности в освоении лексики с культурным компонентом семантики, в том числе НПЯТРБ. Такие слова представляют собою сложную систему смыслов и ассоциаций. Их чаще всего невозможно объяснить с помощью эквивалента из родного для обучающихся языка, поскольку прямого эквивалента нет. «Поиски эквивалента на родном языке студентов зачастую не только не облегчают понимание, но и уводят их „в сторону“ от истинного смысла, заложенного во внутренней форме слова» [2, с. 45]. В связи с этим для представления НПЯТРБ в качестве приема семантизации подойдет лингвокультурный комментарий, опирающийся на диалог культур, т. е. учитывающий историю и культуру как России, так и той страны, откуда прибыли студенты, изучающие РКИ.

Например, представляя обучающимся слово «самовар», помимо значения слова («металлический сосуд для кипячения воды и приготовления чая») и этимологии (слово сложное, восходит к словам *сам* и *варить*), целесообразно рассказать об устройстве этого предмета и истории его распространения в России. В самоварах старинного образца вода нагревалась внутренней топкой, представляющей собой высокую трубку, наполняемую древесными углями. Позже появились другие виды самоваров – керосиновые, электрические и пр.

Студентам из Китая будет интересно узнать, что прообразом самовара, скорее всего, выступили приборы такого типа, издавна известные на Востоке. Китайские сосуды для кипячения воды и приготовления пищи (хого) имели все основные конструктивные признаки русского самовара: объединенные в одной конструкции сосуд для воды и продуктов, жаровню для углей и трубу, проходящую через сосуд. По всей вероятности, идея самовара зародилась в

России вместе с распространением традиции пить чай, которая тоже пришла в Европу из Китая.

Далее работу над словом «самовар» можно продолжить в кросс-культурном ключе: в разговоре о предмете традиционного русского быта переключить внимание студентов на восточные культурные традиции. Здесь интересно будет сравнить конструкции хого и самовара; проследить, одинаково ли использовались эти приборы; были сугубо утилитарными предметами или служили для украшения интерьера (известно, что самовары с самого начала их бытования в России славились богатой внешней отделкой).

Хорошим дополнением к данному комментарию станет визуальный ряд. Преподаватель может представить изображения русских самоваров – от XVII в. до наших дней, а также их китайских прототипов. Подтверждением того, как тесно самовар вошел в русскую культуру, станут репродукции картин Б. Кустодиева («Купчиха за чаем», «На террасе», «Купчиха на балконе» и др.), а также цитаты из произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, В.А. Гиляровского, А.А. Блока и др.

Таким образом, благодаря развернутому лингвокультурному комментарию иностранные студенты узнают не только о реалиях русского быта, но и об историко-культурных связях, существующих между разными странами.

Разумеется, не к каждому слову из числа НПЯТРБ можно подобрать обширные историко-культурные сведения, особенно это касается кросс-культурных пересечений. Подчас информационное сопровождение ограничивается краткой словарной статьей из энциклопедии. Тем не менее можно расширить иллюстративный материал за счет характеристики семантического потенциала слова (охарактеризовать его способность образовывать переносные значения, привести фразеологические обороты, пословицы и поговорки, крылатые выражения с этим словом и т. п.).

Для контроля усвоения знаний по НПЯТРБ мы предлагаем провести проверочную работу, включающую следующие контрольные задания.

1. Дайте определение наименований предметов и явлений

традиционного русского быта (письменно).

Предполагаемый ответ:

Наименования предметов и явлений традиционного русского быта – это один из разрядов безэквивалентной и неполноэквивалентной лексики с национально-культурной семантикой, который объединяет слова, отражающие особенности повседневной жизни русских людей в самом широком смысле: их кухню, одежду, устройство дома, труд, развлечения и т. д., – т. е. обозначают неизвестные за пределами России реалии.

Критерии оценки:

хороший уровень – дан полный правильный ответ;

средний уровень – дан неполный или ошибочный ответ;

недостаточный уровень – нет ответа.

2. В какой строке приведены только НПЯТРБ?

а) *Вареники, колхоз, крынка, телогрейка;*

б) *варенье, лукошко, сарафан, церковь;*

в) *борщ, вожжи, городки, мещанин;*

г) *ишак, колокольчик, крыльцо, рубль;*

д) *кокошник, светлица, сольфеджио, кладбище.*

Предполагаемый ответ: б).

3. Из предложенного ряда слов выпишите отдельно НПЯТРБ и китаизмы:

блины, вок, горелки, женьшень, конёк, кунфу, лапти, наливка, наличники, сундук, тулуп, улун, уха, ушу, фанза, форточка, фэншуй, цигун, чай, шарпей.

Предполагаемый ответ:

НПЯТРБ: *блины, горелки, конёк, лапти, наливка, наличники, сундук, тулуп, уха, форточка;*

китаизмы: *вок, женьшень, кунфу, улун, ушу, фанза, фэншуй, цигун, чай, шарпей.*

Критерии оценки:

хороший уровень – допущены 2–3 ошибки;

средний уровень – допущены 4–6 ошибок;

недостаточный уровень – допущено более 6 ошибок.

4. Приведите значение следующих НПЯТРБ: балалайка, возжи, колыбельная, корыто, матрёшка, передник, печка, самовар, серп, щи.

Предполагаемый ответ:

балалайка – струнно-щипковый музыкальный инструмент треугольной формы; *возжи* – часть упряжи, состоящая из веревок, ремней, прикрепляемых к удилам, для управления лошастью с телеги, саней, кареты и т. п.; *колыбельная* – песня, которой убаюкивают ребенка; *корыто* – большая продолговатая открытый емкость для стирки белья и др.; *матрёшка* – деревянная кукла, состоящая из нескольких входящих друг в друга полых фигур; *передник* – фартук; *печка* – сооружение для отопления помещения и приготовления пищи; *самовар* – металлический сосуд для кипячения воды с краном и внутренней топкой; *серп* – изогнутый в форме дуги нож для срезания колосьев; *щи* – суп с капустой.

Критерии оценки:

хороший уровень – переведены 6–10 слов без словаря, остальные со словарем;

средний уровень – переведены 1–5 слов без словаря, остальные со словарем;

недостаточный уровень – все слова переведены со словарем.

5. Прочтите слова, представленные в двух колонках, и составьте все возможные сочетания из них:

<i>баранка</i>	<i>вкусный</i>	<i>гармонь</i>	<i>высокий</i>
<i>колокольня</i>	<i>глиняный</i>	<i>кувшин</i>	<i>деревянный</i>
<i>платок</i>	<i>звонкий</i>	<i>подушка</i>	<i>кожаный</i>
<i>сбруя</i>	<i>мягкий</i>	<i>лавка</i>	<i>острый</i>
<i>топор</i>	<i>синий</i>	<i>шуба</i>	<i>тёплый</i>

Предполагаемые ответы: *баранка* вкусная, мягкая, тёплая; *гармонь* звонкая; *колокольня* высокая, деревянная; *кувшин* глиняный, синий; *платок*

мягкий, тёплый синий; подушка мягкая; сбруя кожаная; лавка деревянная, синяя; топор острый; шуба синяя, тёплая.

Критерии оценки:

хороший уровень – приведены 6 и более сочетаний без словаря, остальные со словарем;

средний уровень – приведены 3–5 сочетаний без словаря, остальные со словарем;

недостаточный уровень – приведены без словаря 1–2 сочетания.

6. Подберите синонимы к слову *пирог*.

Предполагаемый ответ: *ватрушка, кулебяка, курник, расстегай, сочник.*

Критерии оценки:

хороший уровень – подобраны 3–5 слов;

средний уровень – подобраны 1–2 слова;

недостаточный уровень – не подобрано ни одного слова.

7. Объясните с помощью синонимов слова: *борщ* (предполагаемый ответ: *суп с капустой и свёклой* или *щи со свёклой*), *варежки* (предполагаемый ответ: *вязанные рукавицы*), *изба* (предполагаемый ответ: *деревянный крестьянский дом*), *каланча* (предполагаемый ответ: *башня*), *кашица* (предполагаемый ответ: *жидкая каша*), *квасник* (предполагаемый ответ: *кувшин для кваса*), *косынка* (предполагаемый ответ: *платок треугольной формы*), *кувалда* (предполагаемый ответ: *большой ручной молот*), *миска* (предполагаемый ответ: *чашка*), *тулуп* (предполагаемый ответ: *шуба из овчины*).

Критерии оценки:

хороший уровень – объяснены 6–10 слов;

средний уровень – объяснены 1–5 слова;

недостаточный уровень – не объяснено ни одного слова.

8. Замените НПЯТРБ в словосочетании синонимом: *светлая горница* (предполагаемый ответ: *светлая комната*), *берестяной кошель* (предполагаемый ответ: *берестяная сумка*), *серебряный кубок* (предполагаемый

ответ: *серебряная рюмка*), *резная люлька* (предполагаемый ответ: *резная колыбель*), *передник из хлопка* (предполагаемый ответ: *фартук из хлопка*), *покосившийся плетень* (предполагаемый ответ: *покосившаяся изгородь*), *пугало огородное* (предполагаемый ответ: *чучело огородное*), *деревянное топорщице* (предполагаемый ответ: *деревянная рукоятка*), *тонкий тюфяк* (предполагаемый ответ: *тонкий матрас*), *закоптившийся чугунок* (предполагаемый ответ: *закоптившийся горшок*).

Критерии оценки:

хороший уровень – заменены 6–10 слов;

средний уровень – заменены 1–5 слова;

недостаточный уровень – не заменено ни одного слова.

9. Подберите слова из числа НПЯТРБ на тему «Блюда из мяса».

Предполагаемый ответ: *битки, буженина, голубцы, жаркое, няня, студень, пельмени, солонина, холодец* и др.

Критерии оценки:

хороший уровень – приведено 5 слов и больше;

средний уровень – приведено меньше 5 слов;

недостаточный уровень – не приведено ни одного слова.

10. Подберите слова из числа НПЯТРБ на тему «Строим дом».

Предполагаемый ответ: *изба, крыльцо, крыша, наличник, подпол, рубанок, сруб, топор, форточка, чердак*.

Критерии оценки:

хороший уровень – приведено 5 слов и больше;

средний уровень – приведено меньше 5 слов;

недостаточный уровень – не приведено ни одного слова.

11. Образуйте словосочетания глагол + существительное (НПЯТРБ), используя приведенные ниже слова:

блин, весло, вышивать, вязать, грести, заплатить, играть, курить, пахать, петь, печь (глагол), пяльцы, рубанок, рубль, самокрутка, свирель, снап, соха, строгать, частушка.

Предполагаемый ответ: *вышивать на пяльцах, вязать снопы, грести веслом, заплатить рубль, играть на свирели, курить самокрутку, пахать сохой, петь частушки, печь блины, строгать рубанком.*

Критерии оценки:

хороший уровень – образовано 5 словосочетаний и больше;

средний уровень – образовано меньше 5 словосочетаний;

недостаточный уровень – не приведено ни одного словосочетания.

12. Назовите существительные из числа НПЯТРБ, которые могут сочетаться с данными глаголами:

жать (предполагаемый ответ: *серпом*), *косить* (предполагаемый ответ: *косой*), *молиться* (предполагаемый ответ: *в соборе, в храме, в церкви*), *молоть* (предполагаемый ответ: *на мельнице*), *надевать* (предполагаемый ответ: *лапти, сарафан, ушанку*), *плавать* (предполагаемый ответ: *на лодке*), *плясать* (предполагаемый ответ: *барыню, трепак*), *похоронить* (предполагаемый ответ: *на кладбище*), *рубить* (предполагаемый ответ: *топором*), *строить* (предполагаемый ответ: *амбар, избу, церковь*).

Критерии оценки:

хороший уровень – приведены варианты для 5 глаголов и больше;

средний уровень – приведены варианты меньше чем для 5 глаголов;

недостаточный уровень – не приведено ни одного верного варианта.

13. Замените фразеологические сочетания, в составе которых есть НПЯТРБ, одним-двумя словами:

бесструнная балалайка (предполагаемый ответ: *пустомеля, болтун*), *бить баклуши* (предполагаемый ответ: *бездельничать*), *водить хлеб-соль* (предполагаемый ответ: *дружить, приятельствовать*), *грести деньги лопатой* (предполагаемый ответ: *наживаться*), *дать берёзовой каши* (предполагаемый ответ: *выпороть*), *держат в ежовых рукавицах* (предполагаемый ответ: *держат в повиновении*), *задавать баню* (предполагаемый ответ: *ругать*), *лить воду на мельницу* (предполагаемый ответ: *помогать*), *от горшка два вершка* (предполагаемый ответ: *очень маленький*), *точить лясы* (предполагаемый ответ:

болтать, пустословить).

Критерии оценки:

хороший уровень – дано 5 правильных ответов и больше;

средний уровень – дано меньше 5 правильных ответов;

недостаточный уровень – не дано ни одного верного ответа.

14. Переведите на китайский язык следующие фразеологизмы, содержащие НПЯТРБ, или подберите соответствующие им китайские:

авгиевы конюшни, вожжа под хвост попала, за семь вёрст киселя хлебать, каша во рту, коломенская верста, ни кола ни двора, пятое колесо в телеге, седьмая вода на киселе, тришкин кафтан, тёртый калач.

Критерии оценки:

хороший уровень – правильно переведено 5 фразеологизмов и больше;

средний уровень – правильно переведено меньше 5 фразеологизмов;

недостаточный уровень – не переведено ни одного фразеологизма.

15. Найдите среди предложенных словосочетаний фразеологизмы, а затем укажите те из них, которые содержат НПЯТРБ.

белоснежная улыбка, как курица лапой, как амбар весной, море по колено, по пьяной лавочке, полная чаша, скатертью дорога, сковородкой по лбу, трястись на телеге, шоссейная дорога.

Предполагаемый ответ:

фразеологизмы: *как курица лапой, море по колено, по пьяной лавочке, полная чаша, скатертью дорога;*

фразеологизмы с НПЯТРБ: *по пьяной лавочке, полная чаша, скатертью дорога.*

Критерии оценки:

хороший уровень – обнаружены все фразеологизмы и те, которые содержат НПЯТРБ;

средний уровень – обнаружены не все фразеологизмы, обнаружены не все фразеологизмы, содержащие НПЯТРБ;

недостаточный уровень – не обнаружено ни одного фразеологизма.

16. Объясните смысл пословиц и поговорок, содержащих НПЯТРБ. По возможности подберите аналоги в китайском языке:

и нашим и вашим за копейку спляшем (предполагаемый ответ: говорится о беспринципных людях, которые за деньги готовы служить кому угодно);

любишь кататься – люби и саночки возить (предполагаемый ответ: если человек хочет достичь чего-либо в жизни, он должен быть готов долго и упорно трудиться);

мал золотник, да дорог (предполагаемый ответ: так говорится о чем-либо незначительном, но очень ценном);

назвался груздем – полезай в кузов (предполагаемый ответ: если взялся за какое-нибудь дело, доведи его до конца, выполни его, даже если это трудно сделать);

не в свои сани не садись (предполагаемый ответ: не стоит браться за дело, с которым не можешь справиться; не следует пытаться занять неподобающее тебе место);

не красна изба углами, а красна пирогами (предполагаемый ответ: хозяин дома ценится не богатством, а гостеприимством);

с миру по нитке – нищему рубаха (предполагаемый ответ: если множество людей окажут небольшую помощь, то нуждающийся человек получит то, что ему необходимо);

хлеб за брюхом не ходит (предполагаемый ответ: тот, кому что-то нужно от другого, должен сам проявлять инициативу, чтобы получить это, а не ждать, когда ему это принесут);

шила в мешке не утаишь (предполагаемый ответ: правду невозможно скрыть, она обязательно обнаружит себя);

щи да каша – пища наша (предполагаемый ответ: так говорят люди, которые питаются просто).

Критерии оценки:

хороший уровень – правильно переведено 5 выражений и больше;

средний уровень – правильно переведено меньше 5 выражений;

недостаточный уровень – не переведено ни одного выражения.

17. Напишите эссе на одну из тем (100–150 слов):

Почему не нужно ехать в Тулу со своим самоваром;

Что прячет в себе русская матрёшка?

Что я знаю о праздновании Масленицы;

Новый год vs Рождество;

Китайский дракон vs Змей Горыныч;

Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович в современных российских мультфильмах: богатыри или супермены?;

Мои впечатления о посещении выставки Б. Кустодиева;

Экспозиция А. Венецианова в Третьяковской галерее;

Я послушал песню «Валенки» и, кажется, понял секрет ее популярности;

Пейзажи человеческой души в фильме В.М. Шукшина «Печки-лавочки».

Критерии оценки:

хороший уровень – тема раскрыта; обучающийся продемонстрировал умения излагать свои мысли, приводить аргументы, описывать предметы и события; эссе написано без грубых орфографических, пунктуационных, грамматических и стилистических ошибок;

средний уровень – тема раскрыта поверхностно; обучающийся непоследовательно изложил свои мысли, привел неубедительные аргументы, слабо описал предметы и события; были допущены грубые орфографические, пунктуационные, грамматические и стилистические ошибки;

недостаточный уровень – тема не раскрыта; обучающийся продемонстрировал отсутствие умения излагать свои мысли, приводить аргументы, описывать предметы и события; эссе написано с большим количеством грубых орфографических, пунктуационных, грамматических и стилистических ошибок.

Выводы по главе 3

На основе проведенного анализа лингвометодических принципов организации национально ориентированного подхода к изучению культурной

специфики НПЯТРБ в практике преподавания РКИ китайским обучающимся можно сделать следующие выводы.

1. Формирование языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций в ходе преподавания РКИ, национально ориентированный подход к обучению обуславливают создание лингвокультурологической модели в обучении, которая выдвигает на первый план принципы научности, активности, наглядности, систематичности и последовательности, а также коммуникативности и учета родного языка.

2. Уровень сформированности коммуникативных навыков у обучающихся будет зависеть от того, насколько они владеют не только иностранным языком, но и культурой народа – носителя языка; насколько собственная культура инофонов сопрягается с культурой страны изучаемого языка.

3. Национально ориентированная лингвострановедческая разработка способна обеспечить высокую лингвистическую и культурологическую эффективность преподавания НПЯТРБ в ходе изучения РКИ. Набор разделов словарных статей словника, организация их заполнения и комплекс упражнений позволяют создать коммуникативно направленное решение, в котором энциклопедическая информация способствует формированию амбивалентного образа русской реалии в сознании китайского обучающегося.

4. Обучающий эксперимент подтвердил гипотезу исследования: понимание неадаптированных текстов с помощью национально ориентированной лингвострановедческой разработки значительно возрастает. Сопоставление русской и китайской реалий выявляет зоны несовпадения в семантике лексических единиц и позволяет повысить эффективность преподавания НПЯТРБ и в целом русской лексики в китайской аудитории.

5. Оптимальная модель лингводидактического комплекса, направленного на овладение НПЯТРБ, должен включать упражнения, формирующие навыки семантизации новых лексических единиц, облегчающие их запоминание, постепенное включение в речь, а также обеспечивающий контроль усвоения НПЯТРБ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Качество обучения русскому языку как иностранному является одной из актуальных проблем современной методической науки, на решение которой направлены усилия многих российских и зарубежных ученых и практических специалистов. Русский язык – это один из основных языков международного общения, что подтверждается количеством говорящих на нем как на родном языке, а также использующих его в качестве второго языка. Богатство и многообразие языковых средств, гибкость и открытость для изменений, свойственные русскому языку, обуславливают его огромный внутренний потенциал для дальнейшего развития.

Процессы глобализации, интернационализации образования, охватившие весь мир, усиление роли Российской Федерации на политической арене, с одной стороны, и давние всесторонние связи России и Китая, укрепление их дружбы и взаимопомощи на фоне вызовов времени, с другой стороны, усиливают интерес к русскому языку и российскому образованию в целом в Китайской Народной Республике и поднимают на новый, более высокий уровень проблему преподавания РКИ именно в китайской аудитории.

В последние десятилетия укрепилась ориентация на европейскую систему обучения иностранным языкам, подразумевающую определение уровня знаний обучающихся (от А1 до С2) на основе четких критериев и компетентностный подход. Основная цель освоения иностранного языка в современных условиях – это не столько накопление лексико-грамматических знаний, сколько формирование навыка общения с людьми иной культуры, т. е. развитие наряду с языковой коммуникативной и социокультурной компетенций.

Указанные тенденции объясняют обращение методистов к проблемам этнолингвистических связей в преподавании РКИ. Очевидно, что строить процесс обучения в зависимости от национальности студентов – более эффективная педагогическая стратегия в сравнении с методикой, не учитывающей этот момент. Сближение русского языка и русской культуры с

языком и культурой моноэтнической учебной группы реально способствует более действенному взаимодействию в образовательных целях.

Всякий язык выступает средством фиксации, хранения и выражения информации, в том числе культурной. Любой человек вместе с усвоением родного языка перенимает то, что называется менталитетом, – мироощущение, поведение, ценности и т. д. Это объясняет, почему иностранный язык нельзя изучать в отрыве от культуры народа – носителя языка. Социокультурная компетенция китайских обучающихся – это важнейшая составляющая вторичной языковой личности, формирующейся в ходе освоения РКИ. Соответственно, высокий уровень социокультурной компетенции – неременное условие подготовки высококвалифицированного специалиста в области русского языка, способного к межкультурному общению, т. е. не только освоившего русскую языковую систему, но и разбирающегося в реалиях страны, ее традициях, особенностях социальных отношений.

Однако между русской и китайской цивилизацией существует больше различий, нежели сходств. Культурные несовпадения порождают проблему интерференции в процессе межкультурной коммуникации. Такое положение требует особого подхода к преподаванию РКИ, который учитывал бы особенности культуры как народа – носителя изучаемого языка, так и инофонов.

В связи с этим большое значение в обучении РКИ приобретает лексика с культурным компонентом семантики. Именно такие лексические единицы наиболее ярко отражают языковую картину мира русского народа, русское культурное пространство, русский менталитет и т. д. Лингвокультурологическое знание, открывающееся при изучении РКИ, становится для инофонов проводником в русскую – чужую – социокультурную среду. Вопреки этому, на сегодняшний день уровень привлечения в сферу методики преподавания РКИ лингвокультурных исследований лексического материала недостаточный, тогда как объединение лингвокультурных и сугубо лексико-семантических знаний способно значительно продвинуть обучающегося в освоении русского языка.

Выбранный в качестве предмета настоящего исследования раздел русской

лексики с культурным компонентом семантики – наименования предметов и явлений традиционного русского быта – в свете его освоения в китайской аудитории в ходе изучения РКИ представляет собой опыт построения модели национально ориентированного обучения, подразумевающего создание лингводидактических материалов, обращенных именно к китайской аудитории (связанных с китайской культурой и историей). НПЯТРБ – это зафиксированный в слове яркий и многообразный вещный мир русского народа – «мир дольный», отражающий его представление о практичности и целесообразности, вкусе, красоте и гармонии. Знание НПЯТРБ поможет китайским обучающимся понять русский быт в самом широком смысле, постичь через язык концептуальную картину мира русского человека.

Таким образом, НПЯТРБ, выступающие носителями лингвистической и экстралингвистической информации, – это одновременно языковой и культурный феномен, и в нашем исследовании мы сделали попытку объяснить их через сопоставление с китайскими аналогами. Поиск соответствий в русской и китайской культурах при попытке объяснить суть русской реалии, выраженной НПЯТРБ как безэквивалентной лексемой, приводит к актуализации ментального опыта обучающихся.

Сопоставление явлений русской и китайской культуры при семантизации русской безэквивалентной лексики способствует достижению лучшего понимания китайцами русской лингвокультуры. Одновременно это позволяет глубже постичь собственную культуру, что, несомненно, полезно для усвоения учебного материала, а также представляет большую ценность в плане межкультурного взаимодействия.

Наше исследование подтверждает правомерность утверждений, что учет этнокультурной составляющей, выражающийся в адаптации русской лингвокультурологической парадигмы к китайской среде, значительно повышает эффективность процесса овладения русским языком и культурой. Успешность учебно-познавательной деятельности китайских обучающихся при освоении РКИ во многом зависит от того, насколько точным будет обращение к

их знаниям китайской культуры при выстраивании связей между русскими реалиями и их китайскими аналогами.

Введение в систему обучения РКИ специализированных материалов, построенных по типу представленной в нашем исследовании национально ориентированной лингвострановедческой разработки, включающей словник и комплекс упражнений, повышает эффективность освоения русского языка, поскольку они переключают процесс изучения иностранного языка из состояния количественного накопления информации в состояние качественного ее осмысления. Русская лексика перестает быть только средством обозначения предметов, она становится выразителем смыслов.

Очевидно, что будущее в методике преподавания РКИ за развитием социокультурной компетенции, подразумевающим погружение обучающихся в лингвокультуру страны изучаемого языка. Культурно маркированному материалу в целом и НПЯТРБ в частности целесообразно отвести ключевое место в процессе обучения РКИ будущих китайских русистов. В связи с этим национально ориентированные лексикографические учебные материалы для китайцев, изучающих РКИ, построенные на сопоставлении русских и китайских реалий, должны разрабатываться на системной основе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и учебная литература

1. Агапова Н.А. О принципах создания электронного словаря лингвокультурологического типа: к постановке проблемы / Н.А. Агапова, Н.Ф. Картофелева // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2014. – № 382. – С. 6–10.
2. Азитова Г.Ш. Комментарий как важный метод изучения лексических единиц с национально-культурной спецификой в практике обучения РКИ / Г.Ш. Азитова, Г.Ш. Азитова // Глобал. науч. потенциал. – 2018. – № 3 (84). – С. 45–48.
3. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме : коллектив. моногр. / Е.Л. Бархударова, Д.Б. Гудков, Л.П. Клобукова [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2018. – 165 с.
4. Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация / В.М. Алексеев. – Л. : АН СССР, 1932. – 178 с.
5. Андрейчина К.Г. Вопрос учета национальной культуры учащихся при составлении лингвострановедческого учебного словаря : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Андрейчина Кира Георгиевна. – М., 1977. – 157 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М. : Вост. лит., 1975. – 442 с.
7. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии : [в 2 т.] Т. 1 / Ю.Д. Апресян. – М. : Яз. славян. культур, 2009. – 567 с.
8. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам / В.А. Артемов. – М. : Просвещение, 1969. – 279 с.
9. Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев / А.Р. Арутюнов. – М. : Рус. яз., 1990. – 167 с.
10. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. – Ростов-н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 316 с.
11. Асмоловская М.В. Использование фольклора при формировании лексической компетенции студентов вуза / М.В. Асмоловская, А.А. Валеев // Казан. лингв. журн. – 2018. – Т. 1, № 1 (1). С. 21–26.
12. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – М. : УРСС, 2005. – 294 с.
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка : [пер. с фр.] / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
14. Балыхина Т.М. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления / Т.М. Балыхина, Чжао Юйцзян ; РУДН. – 2-е изд. – М., 2010. – 344 с.
15. Барсегян К.М. Методика формирования социокультурной компетенции на занятиях по аудированию с использованием медиатекстов (курсовая индивидуальная форма обучения, начальный этап) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Барсегян Ксения Мартуновна. – М., 2019. – 241 с.

16. Барсук Р.Ю. Основы обучения иностранному языку в условиях двуязычия / Р.Ю. Барсук. – М. : Высш. шк., 1970. – 176 с.
17. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов / Л.С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 239 с.
18. Белотелова С.И. Отбор словообразовательного минимума немецкого языка для языковых вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Белотелова Светлана Ивановна. – М., 1973. – 32 с.
19. Берков В.П. Словарь и культура народа / В.П. Берков // Мастерство перевода. – М., 1975. – С. 402–420.
20. Берман И.М. Очерки методики обучения чтению на иностранных языках / И.М. Берман, В.А. Бухбиндер. – Киев : Вища шк., 1977. – 176 с.
21. Бим И.Л. Немецкий язык. 5 класс: учеб. для общеобраз. орг. / И.Л. Бим, Л.И. Рыжова. – 12-е изд. – М. : Просвещение, 2021. – 240 с.
22. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты / О.И. Блинова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007. – 394 с.
23. Бобрышева И.Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая) / И.Е. Бобрышева. – М. : Спутник, 2001. – 112 с.
24. Богатов А.А. Совершенствование обучения студентов лексической стороне устной речи в процессе обсуждения произведений немецкой художественной литературы : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Богатов Александр Александрович. – Владимир, 1989. – 251 с.
25. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1986. – 151 с.
26. Брагина А.А. Художественный образ в иноязычной среде / А.А. Брагина // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. – М., 1982. – С. 51–56.
27. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи : [для иностранцев, изуч. рус. яз.] / Е.А. Брызгунова. – 5-е изд. – М. : Рус. яз., 1983. – 239 с.
28. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге / Л.А. Булаховский. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Киев : Изд-во Киев. гос. ун-та, 1957. – 491 с.
29. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
30. Быкова О.П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (на примере южнокорейских университетов) / О.П. Быкова ; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 2010. – 224 с.
31. Вагнер В.Н. Лексика русского языка как иностранного и ее преподавание : учеб. пособие / В.Н. Вагнер. – 2-е изд. – М. : Флинта, 2009. – 102 с.
32. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа. Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи : учеб. пособие / В.Н. Вагнер. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 384 с.

33. Ван Хайянь. Полисемия и омонимия в китайском языке / Ван Хайянь // Весці БДПУ. – Серыя 1. – 2017. – № 2. – С. 84–87.
34. Вандриес Ж. Язык : [пер. с фр.] / Ж.Вандриес. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
35. Вань Ланьсяосюань. Номинативные единицы русского языка с культурным компонентом в учебных текстах: с позиции носителя китайского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вань Ланьсяосюань. – М., 2010. – 163 с.
36. Васильев В.П. Графическая система китайских иероглифов / В.П. Васильев. – [СПб., 1856]. – 26 с.
37. Вахтин Н.Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитар. акад. : Европ. ун-т в СПб., 2004. – 336 с.
38. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] / Анна Вежбицкая. – М. : Рус. слов., 1996. – 411 с.
39. Верещагин Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения : Концепция рече-поведенческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров ; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 1999. – 84 с.
40. Верещагин Е.М. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Рус. язык, 1971. – 84 с.
41. Верещагин Е.М. Лингвострановедение и принцип коммуникативности в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. – М., 1982. – С. 56–64.
42. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Рус. яз, 1980. – 320 с.
43. Верещагин Е.М. Мирознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого)эпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2002. – 168 с.
44. Верещагин Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : учеб. пособие / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров ; Науч.-метод. центр рус. яз. при Моск. гос. ун-те им. М.В. Ломоносова. Группа страноведения. М., 1973. 232 с.
45. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
46. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография : избр. тр. / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
47. Виноградов В.В. О теории художественной речи : учеб. пособие / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е, испр. – М. : Высш. шк., 2005. – 286 с.
48. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 654 с.

49. Виноградов В.В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М. ; Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 783 с.
50. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – Изд. 5-е. – М. : URSS, 2016. – 172 с.
51. Воркачев С.Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта / С.Г. Воркачев. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2015. – 168 с.
52. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В.В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1996. – 170 с.
53. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
54. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М. : РУДН, 2008. – 336 с.
55. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ : докл. и сообщения (Братислава, 1999). – М., 1999. – С. 96–117.
56. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Воробьев Владимир Васильевич. – М., 1996. – 395 с.
57. Воробьев Г.А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) / Г.А. Воробьев // Иностр. яз. в шк. – 2003. – № 2. – С. 30–35.
58. Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений : Для иностранцев / М.В. Всеволодова, З.Г. Паршукова ; под общ. ред. М.В. Всеволодовой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 172 с.
59. Всеволодова М.В. Учебник русского языка для поляков : (1-й год обучения) / М.В. Всеволодова, Л.П. Юдина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 400 с.
60. Всеволодова М.В. Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях преподавания его иностранцам : информ.-аналит. обзор / М.В. Всеволодова, Ф.И. Панков ; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 1999. – 128 с.
61. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного: метод. основы / М.Н. Вятютнев. – М. : Рус. яз., 1984. – 144 с.
62. Гайдукова О.В. Методические приемы оптимизации обучения лексике русского языка учащихся подготовительного факультета в языковой среде : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Гайдукова Ольга Владимировна. – М., 2020. – 200 с.
63. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
64. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков : учеб. для пед. ин-тов / В.Г. Гак. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1983. – 287 с.
65. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М. : Академия, 2004. – 363 с.

66. Гачев Г.Д. Европейские образы пространства и времени / Г.Д. Гачев // *Культура. Человек и картина мира*. – М., 1987. – С. 198–227.
67. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия: космос кочевника, земледельца и горца / Г.Д. Гачев. – М. : Ин-т Ди-Дик, 1999. – 366 с.
68. Глухов Б.А. Термины методики преподавания русского языка как иностранного / Б.А. Глухов, А.Н. Щукин. – М. : Рус. яз., 1993. – 371 с.
69. Гордеева В.И. Русская народная одежда : альбом / В рисунках [и с текстом] В. Гордеевой. – М. : Изобраз. искусство, 1974. – 54 с.
70. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка : [учеб. пособие] / В.И. Горелов. – М. : Просвещение, 1979. – 192 с.
71. Городецкий Б.Ю. Методы семантического исследования ограниченного подъязыка / Б.Ю. Городецкий, В.В. Раскин ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1971. – 414 с.
72. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин ; под ред. А.П. Садохина. – М. : Юнити, 2003. – 352 с.
73. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры : пер. с нем. яз. / Вильгельм фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
74. Гынин В.И. Лингвокультурологическая методология обучения русскому языку как иностранному с учетом системных принципов / В.И. Гынин // *Вестн. РУДН*. – Серия «Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания». – 2013. – № 2. – С. 17–26.
75. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк ; сост. В.В. Петрова ; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
76. Дмитрусенко И.Н. Обучение иноязычной рецептивной лексике студентов психологических факультетов в процессе самостоятельного чтения : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Дмитрусенко Инна Николаевна. – Челябинск, 2017. – 229 с.
77. Драгунов А.А. Исследования в области дунганской грамматики. [Ч.]. 1. Категория вида и времени в дунганском языке : (Диалект Ганьсу) / А.А. Драгунов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940 (Ленинград). – 86 с.
78. Евсюкова Т.В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Евсюкова Татьяна Всеволодовна. – Нальчик, 2002. – 304 с.
79. Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // *Лингвистика текста : материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза*. Ч. I. – М., 1974. – С. 103–109.
80. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб. : КАРО, 2005. – 352 с.
81. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи / А.И. Ефимов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 448 с.
82. Журавлева Л.С. Страноведческая и лингвострановедческая

аспектизация обучения русскому языку на начальном этапе / Л.С. Журавлева, М.Д. Зиновьева // Рус. яз. за рубежом. – 1985. – № 4. – С. 69–73.

83. Захаров И.И. Грамматика маньчжурского языка, составленная э. о. профессором Императорского С.-Петербургского университета действ. стат. советн. Иваном Захаровым : [Ч. 1] / И.И. Захаров. – СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1879. – 24 с.

84. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: кн. для учителя / И.А. Зимняя. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1985. – 160 с.

85. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб. : МИРС, 2009. – 291 с.

86. Иакинф (Бичурин Н.Я.). Хань-вынь ци-мын = 漢文啓蒙 : кит. грамматика, соч. монахом Иакинфом. – СПб. : Лит. Гемильяна, 1838. – 244 с.

87. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры / О.Н. Иванищева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 136 с.

88. Иванова Т.В. Технологии и методики обучения иностранным языкам : учеб. пособие. Ч. I / Т.В. Иванова, З.Р. Киреева, И.А. Сухова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. – 196 с.

89. Из опыта создания лингвострановедческих пособий : сб. ст. / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и Ю.Е. Прохорова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 208 с.

90. Изаренков Д.И. Обучение диалогической речи / Д.И. Изаренков. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 152 с.

91. Калинин А.В. Лексика русского языка : [учеб. пособие] / А.В. Калинин. – 3-е изд. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 232 с.

92. Каплун О.А. Сравнительная характеристика понятий «лингвистическая компетенция» и «языковая компетенция» и их структурных компонентов в методике преподавания русского и иностранного языков / О.А. Каплун // Учен. зап. Орл. гос. ун-та. – Серия: Гуманит. и социальн. науки. – 2014. – № 4 (60). – С. 277–279.

93. Карапетьянц А.М. Древнекитайская системология: уровень протосхем и символов – гуа / А.М. Карапетьянц. – М. : [Б. и.], 1989. – 78 с.

94. Карасик В.И. Язык социального статуса. Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.

95. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : УРСС, 2004. – 263 с.

96. Кленин И.Д. Учебник военного перевода. Китайский язык / И.Д. Кленин. – М. : ВИИЯ, 1956. – 197 с.

97. Ковалева А.В. Этапы работы с лексикой при обучении РКИ / А.В. Ковалева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 2. – С. 231–233.

98. Колесов В.В. Языковые основы русской ментальности : учеб. пособие / В.В. Колесов. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 134 с.

99. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – 3-е изд. – М. : URSS, 2007. – 175 с.
100. Колшанский Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – 4-е изд. – М. : URSS : КомКнига, 2010. – 94 с.
101. Коротков Н.Н. Учебник китайского языка : в 5 т. / Н.Н. Коротков, Б.С. Исаенко, И.И. Советов-Чен ; под ред. Н.Н. Короткова ; Моск. ин-т востоковедения. – М., 1950–1951.
102. Костомаров В.Г. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. – 4-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1988. – 156 с.
103. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
104. Кочнева Е.М. Учебная лексикография и методика: характер взаимодействия / Е.М. Кочнева, В.В. Морковкин // Рус. яз. за рубежом. – 2003. – № 2. – С. 64–69.
105. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : лекц. курс / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
106. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию / Н.В. Крушевский. – М. : Наследие, 1998. – 293 с.
107. Кулибина Н.В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом / Н.В. Кулибина. – М. : Рус. яз., 1987. – 142 с.
108. Культура, человек и картина мира / отв. ред. А.И. Арнольдов. – М. : Наука, 1987. – 352 с.
109. Лapidус Б.А. Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе / Б.А. Лapidус. – М. : Высш. шк., 1986. – 145 с.
110. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы) / Б.А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. 224 с.
111. Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение, интонация : учеб. пособие / Ю.Г. Лебедева. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 270 с.
112. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / М-во образования и науки РФ ; Рос. гос. система тестирования граждан зарубежных стран по рус. яз. – 7-е изд. – СПб. : Златоуст, 2014. – Режим доступа: <https://portal.tpu.ru>.
113. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному / А.А. Леонтьев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 224 с.
114. Леонтьев А.А. Проблема опоры на родной язык и типология речевых актов / А.А. Леонтьев // Вопросы психоллингвистики и преподавание русского языка как иностранного. – М., 1971. – С. 17–28.
115. Ли Цзюньин. Национально-культурные единицы русского языка: словарно-корпусный подход : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ли Цзюньин. – Казань, 2020. – 169 с.
116. Литвинова Т.В. Управление самостоятельной работой студентов неязыковых факультетов по овладению лексикой по специальности (немецкий

язык, химический факультет) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Литвинова Татьяна Валерьевна. – СПб., 2001. – 36 с.

117. Ломоносов М.В. Российская грамматика Михаила Ломоносова / М.В. Ломоносов. – М. : Худож. лит., 1982. – 213 с.

118. Люй Шу-сян. Очерки грамматики китайского языка : в 3 т. Т. 1. Слово и предложение : [пер. с кит.]. – М. : Изд-во вост. лит., 1961. 266 с.

119. Ма Жуньюй. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции у русских студентов-лингвистов на начальном этапе обучения китайскому языку как иностранному : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Ма Жуньюй. – Екатеринбург, 2019. – 23 с.

120. Мамонтов А.С. Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации : учеб. пособие / А.С. Мамонтов. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 160 с.

121. Мамонтов А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации / А.С. Мамонтов // Русистика. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 143–156.

122. Мамонтов А.С. Лингвострановедческий учебный словарь для монгольских граждан: специфика представления материала / А.С. Мамонтов, Э. Цэдэндоржийн, В.В. Богуславская // Вестн. ВолГУ. – Сер. 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 74–85.

123. Мамонтов А.С. О некоторых проблемах адекватности перевода как одной из форм межкультурной коммуникации / А.С. Мамонтов // Вестн. РУДН. – Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Vol. 8, № 4. – С. 854–863.

124. Мамонтов А.С. Отражение особенностей национальной культуры в семантике номинативных единиц / А.С. Мамонтов // Текст и культура: общие и частные проблемы. – М., 1985. – С. 47–59.

125. Мамонтов А.С. Русская и испанская лингвокультуры в аспекте обучения языку как средству межкультурной коммуникации / А.С. Мамонтов // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т. Т. 9. – СПб., 2015. – С. 144–147.

126. Мамонтов А.С. Сопоставительное лингвострановедение и обучение иностранным языкам / А.С. Мамонтов // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания : сб. науч. тр. – М., 2006. – С. 155–163.

127. Мамонтов А.С. Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Мамонтов Александр Степанович. – М., 2000. – 326 с.

128. Мамонтов А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения / А.С. Мамонтов ; ИЯ РАН. – М., 2000. – 187 с.

129. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 147 с.

130. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие / В.А. Маслова. – М. : Наследие, [1997]. – 206 с.

131. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-е изд. – М. : Академия, 2010. – 208 с.
132. Мерзлякова Е.В. Трудности семантизации лексики на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному / Е.В. Мерзлякова // Вестн. пед. наук. – 2022. – № 1. – С. 164–167.
133. Методика обучения русскому языку как иностранному : курс лекций. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – 219 с.
134. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М. : Рус. яз., 1990. – 267 с.
135. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – [М.] : Аспект-пресс, 1994. – 207 с.
136. Миксюк Р.В. Лексический аспект при изучении русского языка как иностранного / Р.В. Миксюк // Тр. БГТУ. – Сер. 6: История, философия, филология. – 2014. – № 5. – С. 159–161.
137. Мильруд Р.П. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра / Р.П. Мильруд, И.Р. Максимова // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 185–204.
138. Митрофанова К.А. Обучение иноязычной лексике медицинской сферы студентов-медиков : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Митрофанова Ксения Александровна. – Екатеринбург, 2010. – 168 с.
139. Морковкин В.В. Идеографические словари / В.В. Морковкин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 71 с.
140. Морковкин В.В. О страноведческом потенциале лексического ядра современного русского языка / В.В. Морковкин, И.М. Курочкина // Словари и лингвострановедение. – М. : Рус. яз., 1982. – С. 62–72.
141. Мухаммад Л.П. Обучение иностранных учащихся творческому восприятию художественного текста на основе опорных единиц / Л.П. Мухаммад, В. Лися // Современ. пед. образование. – 2019. – № 8. – С. 149–153.
142. Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : докл. сов. делегации / Шестой Междунар. конгр. преподавателей рус. яз. и лит. МАПРЯЛ ; [редкол.: В.Г. Костомаров (отв. ред.) и др.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 276 с.
143. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.
144. Новикова Т. Формирование основ русской культурной компетенции у иностранцев, изучающих русский язык / Т. Новикова // Рус. яз. за рубежом. – 2000. – № 3/4. – С. 62–71.
145. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие / С.И. Ожегов. – М. : Высш. шк., 1974. – 350 с.
146. Ошанин И.М. Учебник китайского языка. Ч. 1. / И.М. Ошанин. – М. : Воен. изд-во, 1946. – 252 с.
147. Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ощепкова Виктория Владимировна. – М., 1995. – 345 с.
148. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция

развития индивидуальности в диалоге культур / Е.И. Пассов. – Липецк : ЛГПИ – РЦИО, 2000. – 265 с.

149. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. 10–11 кл. : [учебник] / Е.И. Пассов. – М. : Просвещение, 2000. – 172 с.

150. Петрова Н.Э. Морфолого-семантические особенности антонимов в русском и китайском языках // Балт. гуманит. журн. – 2019. – Т. 8, № 1 (26). – С. 127–129.

151. Петрушевская Н.Н. Формирование рецептивного и потенциального словаря в процессе обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе (на материале английского подязыка сварочного производства) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Петрушевская Наталия Николаевна. – М., 1981. – 211 с.

152. Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика : избр. тр. / А.М. Пешковский. – М. : Высш. шк., 2007. – 800 с.

153. Плешакова В.В. Роль антонимичных морфем в словообразовании современного китайского языка / В.В. Плешакова, С.А. Симатова // Вестн. Рос. нового ун-та. Серия: Человек в совр. мире. – 2020. – № 3. – С. 91–99.

154. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание / Е.Д. Поливанов. – Изд. 3-е, стер. – М. : URSS, 2005. – 224 с.

155. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком / Е.Д. Поливанов. – Ташкент : Госиздат УзССР, 1934. – 182 с.

156. Попова Е.А. Применение классификации коммуникативных трудностей при обучении лексике латиноамериканских национальных вариантов испанского языка / Е.А. Попова, З.Н. Игнашина // Вестн. ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 3. – С. 181–190.

157. Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 622 с.

158. Похлебкин В.В. Большая энциклопедия кулинарного искусства. Все рецепты В.В. Похлебкина / В.В. Похлебкин. – М. : Центрполиграф, 2009. – 975 с.

159. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному : учеб. пособие / под ред. А.Н. Щукина. – М. : Рус. яз., 2003. – 301 с.

160. Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению В. Прохоровым : [в 4 т.]. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1881.

161. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение в обеспечении межкультурного общения на русском языке / Ю.Е. Прохоров // Рус. яз. за рубежом. – 1995. – № 2. – С. 94–101.

162. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение: Теория и практика обучения русскому языку как иностранному : метод. пособие / Ю.Е. Прохоров ; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 1995. – 93 с.

163. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М. : Педагогика-пресс, 1996. – 216 с.

164. Пугачев И.А. Формирование межкультурной коммуникации:

- невербальные средства коммуникации / И.А. Пугачев. – М. : РУДН, 2013. – 91 с.
165. Пугачев И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка иностранцам / И.А. Пугачев. – М. : РУДН, 2011. – 284 с.
166. Рахимбекова Л.Ш. Некоторые проблемы перевода лексики культурологической тематики в языковой паре «русский – китайский» / Л.Ш. Рахимбекова // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманит. науки. – 2020. – № 8 (837). – С. 94–102.
167. Рахманов И.В. Грамматический минимум по немецкому языку для вузов / И. Рахманов. – М. ; Л. : Гос. техн.-теоретич. изд-во, 1933. – 127 с.
168. Реформатский А.А. Введение в языковедение : учебник / А.А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 536 с.
169. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию / Ю.В. Рождественский. – М. : Высш. шк., 1979. – 224 с.
170. Розанова С.П. Лексические трудности при изучении русского языка : учеб. пособие / С.П. Розанова, Т.В. Шустикова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 178 с.
171. Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы / Е.Г. Ростова // Рус. яз. за рубежом. – 1993. – № 1. – С. 7–29.
172. Рубец М.В. Многозначность как способ создания нелинейного текста в китайской языковой культуре // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 11–24.
173. Румянцев М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка / М.К. Румянцев. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 303 с.
174. Русская духовная культура: сб. ст. / под ред. А.Я. Эсалнек, М.Д. Зиновьевой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 352 с.
175. Русский язык. Введение в науку о языке. Лексикология. Этимология. Фразеология. Лексикография : учебник / Г.Г. Инфантова, Л.Г. Барлас, М.Г. Сейфулин [и др.] ; под ред. Г.Г. Инфантовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академ. проект, 2020. – 226 с.
176. Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания : докл. сов. делегации / VII Междунар. конгр. преподавателей рус. яз. и лит. МАПРЯЛ ; [редкол.: Костомаров В.Г. и др.]. – М. : Рус. яз, 1990. – 254 с.
177. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку / под ред. И.П. Лысаковой. – М. : Владос, 2004. – 270 с.
178. Салистра И.Д. Вопросы программирования в учебном процессе по иностранному языку : [учеб. пособие] / И.Д. Салистра. – М. : Высш. шк., 1977. – 166 с.
179. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В.В. Сафонова. – Воронеж : Истоки, 1996. – 237 с.
180. Селезнева Н.В. Сопоставительный анализ структуры синонимов в

- китайском и русском языках (на примере наименований жилищ) / Н.В. Селезнева // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2016. – № 12 (66), ч. 4. – С. 164–167.
181. Семенас А.Л. Лексикология современного китайского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.22 / Семенас Алла Леоновна. – М., 1993. – 38 с.
182. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : [пер. с англ.] / Э. Сепир. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 654 с.
183. Синология.Ру : [сайт]. – [Б. м. : б. и.], 2009–2022. – Режим доступа: <https://www.synologia.ru>.
184. Складаревская Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Складаревская Галина Николаевна. – Л., 1989. – 37 с.
185. Слобин Д. Психоллингвистика : [пер. с англ.] / Д. Слобин, Дж. Грин. – М. : Прогресс, 1976. – 350 с.
186. Словари и лингвострановедение : сб. ст. / под ред. Е.М. Верещагина. – М. : Рус. яз., 1982. – 182 с.
187. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
188. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове / А.И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. – М. : АН СССР, 1955. – С. 11–53.
189. Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы : докл. сов. делегации на V Конгрессе МАПРЯЛ. – М. : Рус. яз, 1982. – 287 с.
190. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология, фразеология / под ред. П.П. Шубы. – Минск : Плопресс, 1998. – 463 с.
191. Солнцев В.М. Очерки по современному китайскому языку. (Введение в изучение китайского языка) / В.М. Солнцев. – М. : Изд-во ИМО, 1957. – 207 с.
192. Солнцева Н.В. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии) : курс лекций / Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев ; РАН ; Ин-т востоковедения ; М-во обороны РФ ; Воен. ун-т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2017. – 163 с.
193. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90 годов XIX века / Ю.С. Сорокин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 565 с.
194. Соссюр Ф де. Курс общей лингвистики : [пер. с фр.]. – М. : Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
195. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность : курс лекций / М.В. Софронов. – М. : АСТ, 2007. – 638 с.
196. Статистика речи и автоматический анализ текста / под ред. Р.Г. Пиотровского. – Л. : Наука, 1974. – 404 с.
197. Степанов Ю.С. Константы: слов. рус. культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2001. – 989 с.
198. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 282 с.

199. Стоянова Т.Я. Учет национально-культурных особенностей русской фразеологии в болгарской аудитории на продвинутом этапе обучения : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Стоянова Таня Янкова. – М., 2005. – 195 с.
200. Сунь Юй. Дискуссии о лингвострановедении, лингвокультурологии и лингвистике культуры в Китае / Сунь Юй // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 5. – С. 108–114.
201. Сычева Л.В. Особенности работы с лексикой при изучении РКИ / Л.В. Сычева // Актуальн. вопр. соврем. филологии и журналистики. – 2017. – № 25. – С. 16–21.
202. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (виды наименований). – Москва, 1977. – С. 129–221.
203. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
204. Тер-Минасова С.Г. Проблемы перевода: Mission impossible? // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 9–18.
205. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 352 с.
206. То Тхи Нган Ань. Национально-культурная специфика номинативных единиц русского языка с позиции носителя вьетнамского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / То Тхи Нган Ань. – М., 2006. – 190 с.
207. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
208. Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения / Г.Д. Томахин // Вопр. языкознания. – 1986. – № 6. – С. 113–118.
209. Томахин Г.Д. От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании / Г.Д. Томахин // Рус. яз. за рубежом. – 1995. – № 1. – С. 54–58.
210. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Томахин Геннадий Дмитриевич. – М., 1984. – 487 с.
211. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М. : Прогресс : Универс, 1995. – 800 с.
212. У Гохуа. Национально-культурные аспекты семантики русских номинативных единиц: С позиций носителя китайского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / У Гохуа. – М., 1995. – 348 с.
213. Фарисенкова Л.В. Художественный текст на занятиях по русскому языку в нефилологической аудитории / Л.В. Фарисенкова. – М. : [Б. и.], 1995. – 78 с.
214. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка / Ф.П. Филин. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2008. – 173 с.
215. Философия культуры: становление и развитие : учеб. пособие / М.С. Каган [и др.]. – СПб. : Лань, 1998. – 446 с.
216. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды : в 2 т. Т. 1 / Ф.Ф. Фортунатов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 450 с.

217. Хайруллина Р.Х. Лингвокультурное пространство русской поэзии и особенности ее перевода на китайский язык / Р.Х. Хайруллина, В.В. Воробьев, Со Цян // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – С. 386–389.
218. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка / А.А. Хаматова. – М. : Муравей, 2003. – 223 с.
219. Хомский Н. Язык и мышление : [пер. с англ.] / Н. Хомский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 123 с.
220. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение / А.Т. Хроленко. – Курск : Крона, 2000. – 168 с.
221. Цыкин В.А. Именное словопроизводство в современном китайском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Цыкин Владимир Алексеевич. – М., 1979. – 169 с.
222. Чеснокова М.П. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие / М.П. Чеснокова ; МАДИ. – 2-е изд., перераб. – М., 2015. – 132 с.
223. Чжань Дэхуа. Лексическая безэквивалентность русского языка по отношению к китайскому языку (на материале переводов в русско-китайском словаре) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Чжань Дэхуа. – М., 1994. – 27 с.
224. Чжао Юйцзян. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования: на примере китайских учащихся : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Чжао Юйцзян. – М., 2007. – 311 с.
225. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация: структура и вопросы исторической реконструкции : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шаклеин Виктор Михайлович. – М., 1997. – 467 с.
226. Шан Цзиньюй. Методика формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов (на культурно маркированном языковом материале) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Шан Цзиньюй. – Уфа, 2021. – 198 с.
227. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка : учеб. пособие / Н.М. Шанский. – Изд. 2-е, испр. – М. : Просвещение, 1972. – 328 с.
228. Шатилов С.Ф. Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся : учеб. пособие / С.Ф. Шатилов. – Л. : ЛГУ, 1985. – 56 с.
229. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 224 с.
230. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие / Д.Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
231. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – С. 54–91.
232. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения / Л.В. Щерба // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1945. – Т. 4, вып. 5. – С. 173–186.
233. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность : сб. работ / Л.В. Щерба. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.

234. Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода : учеб. пособие / В.Ф. Щичко. – М. : Восток-Запад : АСТ, 2004. – 223 с.
235. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 512 с.
236. Этерлей Е.Н. Неизвестное в известном : (Рассказы о словах). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 150 с.
237. Этнознаковые функции культуры : сб. ст. / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М. : Наука, 1991. – 223 с.
238. Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю.А. Сорокин. – М. : Наука, 1988. – 190 с.
239. Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность / А.В. Юдин. – М. : Интерпракс, 1994. – 395 с.
240. Язык, культура и образование: статус русского языка в странах мира : [сб. ст.] / ред.: Д.Е. Дэвидсон, О.Д. Митрофанова. – М. ; Вашингтон : МАПРЯЛ, 1997. – 160 с.
241. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.
242. Янкивер С.Б. Гуанчжоуский (кантонский) диалект китайского языка / С.Б. Янкивер. – М. : Наука, 1987. – 106 с.
243. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык / С.Е. Яхонтов. – М. : Наука, 1965. – 116 с.
244. Bachman L.F. Fundamental Considerations in Language Testing / L.F. Bachman. – Oxford : Oxford University Press, 1990. – 408 p.
245. Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment // Council of Europe : [site]. – Strasbourg, 2021. – Mode access: <https://rm.coe.int/1680459f97>.
246. Hymes D. On Communicative Competence / D. Hymes // Sociolinguistics. – Harmondsworth : Penguin, 1972. – P. 269–293.
247. Mukhammad L.P. Modeling a methodology for teaching a foreign language on the principles of anthropological linguodidactics (initial stage of learning) / L.P. Mukhammad, N.V. Tatarinova, O.N. Khaleeva // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. – 2019. – No 1. – P. 115–121.
248. Polylogue of cultures and epochs in the course of reading a literary text in a foreign audience / O.E. Chubarova, E.K. Stoletova, O.Yu. Starodubova, L.P. Muhammad // Revista Gênero e Direito. – 2020. – Vol. 9. – No 1, S1. – P. 505–522.
249. Van Ek J.A. Objectives for foreign language learning / J.A. Van Ek. – Strasbourg : Council of Europe Press, 1986. – 89 p.
250. 语篇语言学概论 = Очерки по лингвистике текста / 史铁强, 安利. – 外语教学与研究出版社, 2012. – 248.
251. 新时代俄语通论 (下) = Современный русский язык – обновленный теоретический курс / 张家骅. – 商务印书馆, 2006. – 382.

252. 新时代俄语通论（上）= Современный русский язык – обновленный теоретический курс / 张家骅. – 商务印书馆, 2006. – 388.

253. 张会森, 修辞学通论 = Общий курс стилистики. / 张会森. – 上海: 上海外语教育出版社, 2002. – 296.

254. 俄语语言国情学教程 = Лингвострановедение. Россия / 贾长龙. – 北京: 北京语言大学出版社, 2009. – 326.

255. 刘叔新. 略谈现代汉语同义词的特点// 汉语学习. 1984年. 第三期. 26-35页 (Люй Шусинь. Кратко об особенностях синонимов в современном китайском языке // Изучение кит. яз. – 1984. – № 3. – С. 26–35).

256. 徐时仪. 同义词研究疏略// 大同高专学报. 1998年. 第12卷第2期. 31-42页 (Сюй Ши. Обзор исследований синонимии // Вестн. Ин-та Датун. – 1998. – № 2. – Ч. 12. – С. 31–42).

257. 俄罗斯文学选读. 上册/郑体武编. – 上海: 上海外语教育出版社, 2006 = Русская литература : хрестоматия. Т. 1 / под ред. Чжэн Тиву. – Шанхай : Шанх. образоват. изд-во по обучению иностр. яз., 2006. – 491 с.

258. 俄罗斯文学选读. 下册/郑体武编. – 上海: 上海外语教育出版社, 2006 = Русская литература : хрестоматия. [Т. 2 / под ред. Чжэн Тиву. – Шанхай : Шанх. образоват. изд-во по обучению иностр. яз., 2006. – 479 с.].

259. 俄罗斯文学选读. 上册/郑体武编著. – 2版. – 上海: 上海外语教育出版社, 2018 = Русская литература. XIX в. : хрестоматия. [Т. 1 / под ред. Чжэн Тиву. – 2-е изд. – Шанхай : Шанх. образоват. изд-во по обучению иностр. яз., 2018. – 480 с.]

260. 俄罗斯文学选读. 下册/郑体武编著. – 2版. – 上海: 上海外语教育出版社, 2018 = Русская литература. XIX в. : хрестоматия. [Т. 2 / под ред. Чжэн Тиву. – 2-е изд. – Шанхай : Шанх. образоват. изд-во по обучению иностр. яз., 2018. – 422 с.]

261. 俄罗斯文学史/任光宣, 张建华, 余一中编著. – 北京: 北京大学出版社, 2003 = История русской литературы / под ред. Жэнь Гуаньсюаня. – [Пекин : Пекин. ун-т, 2003. – 401 с.].

262. 大学俄语东方（新版）学生用书. 1 / 史铁强主编; 史铁强, 张金兰分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2008 = Русский язык. [Восток-1 / под ред. Ши Тицян, Ши Тецянь, Чжан Цзиньлань ; Пекин. ун-т иностр. яз. – Пекин : Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2008. – 252 с.].

263. 大学俄语东方（新版）学生用书. 2 / 史铁强主编; 史铁强, 刘素梅分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2010 = Русский язык. [Восток-2 / под ред. Ши Тицян, Лю Сумэй ; Пекин. ун-т иностр. яз. – Пекин : Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2010. – 292 с.].

264. 大学俄语东方（新版）学生用书. 3 / 史铁强主编; 黄玫分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2009 = Русский язык. [Восток-3 / под ред. Ши Тицян, Хуан Мэй ; Пекин. ун-т иностр. яз. – Пекин : Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2009. – 298 с.].

265. 大学俄语东方 (新版) 学生用书. 4 / 史铁强主编; 张朝意分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2011 = Русский язык. [Восток-4 / под ред. Ши Тицян, Чжан Чаои; Пекин. ун-т иностр. яз. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2011. — 280 с.].

266. 大学俄语东方 (新版) 学生用书. 5 / 史铁强主编; 王凤英分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2011 = Русский язык. [Восток-5 / под ред. Ши Тицян, Ван Фэнин; Пекин. ун-т иностр. яз. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2011. — 226 с.].

267. 大学俄语东方 (新版) 学生用书. 6 / 史铁强主编; 丁树杞分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 1998 = Русский язык. [Восток-6 / под ред. Ши Тицян, Дин Шуци; Пекин. ун-т иностр. яз. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 1998. — 218 с.].

268. 大学俄语东方 (新版) 学生用书. 7 / 史铁强主编; 郑永旺分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2011 = Русский язык. [Восток-7 / под ред. Ши Тицян, Чжэн Юнван; Пекин. ун-т иностр. яз. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2011. — 160 с.].

269. 大学俄语东方 (新版) 学生用书. 6 / 史铁强主编; 邓军分册主编; 北京外国语大学俄语学院编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2011 = Русский язык. [Восток-8 / под ред. Ши Тицян, Дэнь Цзюнь; Пекин. ун-т иностр. яз. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2011. — 107 с.].

270. 俄罗斯国情多媒体教程. 1, 俄罗斯地理/李英男主编, 戴桂菊编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2005 = Россия — мультимедийный курс. 1. География России / под ред. Ли Иннань, Дай Гуйцзюи. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2005. — 187 с.

271. 俄罗斯历史/戴桂菊, 李英男主编. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2005 = История России / под ред. Дай Гуйцзюи, Ли Иннань. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2005. — 312 с.

272. 当代俄罗斯/戴桂菊主编. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2008 = Современная Россия / под ред. Дай Гуйцзюи. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2008. — 674 с.

273. 俄罗斯文化/戴桂菊主编. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2010 = Русская культура / под ред. Дай Гуйцзюи. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2010. — 383 с.

274. 新编俄语语法/黄颖主编. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2017 = Практическая грамматика русского языка. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2017. — 467 с.

275. 俄语词汇学教程/杨杰, 卜云燕, 顾鸿飞主编. — 上海: 上海外语教育出版社, 2009 = Лексикология современного русского языка / под ред. Ян Цзе, Пу Юньянь, Гу Хунфэй. — Шанхай: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2009. — 316 с.

276. 俄语语言国情学教程. / 贾长龙等编著. — 北京: 北京语言大学出版社, 2009 = Лингвострановедение. Россия / под ред. Цзя Чанлун [и др.]. — Пекин: Изд-во

Пекин. ун-та яз. и культуры, 2009. – 329 с.

277. 俄语语言国情学测试题. / 贾长龙等编著. – 北京: 北京语言大学出版社, 2009 = Контрольные тексты по русскому языку и страноведению России / под ред. Цзя Чанлун [и др.]. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та яз. и культуры, 2009. – 218 с.

278. 语言国情学/吴国华, 杨仕章编著. – 上海: 上海外语教育出版社, 2004 = Лингвострановедение / под ред. Ву Гоухуа, Ян Шичжан. – Шанхай: Изд-во Пекин. ун-та яз. и культуры, 2004. – 390 с.

279. 俄语语言国情学 / 谭林编著. – 长春: 吉林大学出版社, 1997 = Курс лингвострановедения / под ред. Тан Линь. – Чан Чунь: Изд-во Цзилиньск. ун-та, 1997. – 187 с.

280. 俄语语言文学与跨文化交际/刘宏编著. – 北京: 外语与教学研究出版社, 2018 = Русский язык: лингвокультурология и межкультурная коммуникация / под ред. Лю Хун. – Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2018. – 408 с.

281. 俄罗斯国情与文化/马福珍编著. – 哈尔滨: 哈尔滨工业大学出版社, 2008 = Страноведение и культура России / под ред. Ма Фучжэнь. – Харбин: Изд-во Харбин. политехн. ун-та, 2008. – 250 с.

282. 俄罗斯文学名著选读 (下). 张建华, 任光宣编. – 上海: 上海外语教育出版社, 2006 = Русская литература. (Для магистрантов): хрестоматия [/ под ред. Чжан Цзяньхуа, Жэнь Гуансюань. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2005. – 702 с.].

283. 俄罗斯文学精品解析. 刘洪波编著. – 北京: 北京大学出版社, 2012 = Анализ художественного текста русской литературы [/ под ред. Лю Хунбо. – Пекин: Изд-во Пекин. унта, 2012. – 239 с.].

284. 十七世纪俄国文学作品选读. 左少兴编译注 – 北京: 北京大学出版社, 2013 = [Хрестоматия по русской литературе XVII в. / под ред. Цзо Шаосин. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2013. – 274 с.].

285. 19世纪俄罗斯经典文学作品选读/张变革主编 – 北京: 北京大学出版社, 2015 = [Хрестоматия по классической русской литературе XIX века / под ред. Чжан Бйангэ. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2015. – 402 с.].

286. 俄罗斯文学作品选读. 上/孙超主编. – 哈尔滨: 黑龙江大学出版社; 北京: 北京大学出版社, 2012 = Хрестоматия по русской литературе. [Т. 1 / под ред. Сунь Чао. – Харбин: Изд-во Хэйлунцзян. ун-та; Пекин: Изд-во Пекин. унта], 2012. – 669 с.].

287. 俄罗斯文学名著赏析. 小说篇 / 王立业主编 – 北京: 外语教学与研究出版社, 2015 = Интерпретация и художественный анализ шедевров русской литературы. Проза [/ под ред. Ван Ли Е. – Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2012. – 371 с.].

288. 俄罗斯苏联文学名著选读. 上册 (俄罗斯部分) / 余绍裔, 徐稚芳 – 北京: 商务印书馆, 2003 = Хрестоматия по русской и советской литературе. [Т. 1: Рус. лит. / под ред. Юй Шао И, Сюй Чжифан. – Пекин: Шаньу иньшугуань, 2003. – 641 с.].

289. 俄罗斯苏联文学名著选读. 下册 (苏联部分) / 余绍裔, 徐稚芳 – 北京: 商务印书馆, 2003 = Хрестоматия по русской и советской литературе. [Т. 2: Сов. лит. / под ред. Юй Шао И, Сюй Чжифан. – Пекин: Шаньу иньшугуань, 2003. – 421 с.].

290. 俄罗斯文学作品选读/谢春燕, 李志强主编. — 哈尔滨: 哈尔滨工业大学出版社, 2012 = Хрестоматия по современной русской литературе [/ под ред. Се Чуньянь, Ли Чжицян. — Харбин : Изд-во Харбин. политехн. ун-та, 2012. — 360 с.]
291. 罗常培. 语言与文化 [M]. 北京出版社, 2004: 221. (Луо Чанпей. Язык и культура / Луо Чанпей. — Пекин : Пекин. изд-во, 2004. — 221 с.)
292. 邢福义. 文化语言学 [M]. 湖北教育出版社, 1990: 465. (Син Фуэй. Лингвистика культуры / Син Фуэй. — Хубэй : Изд-во образования провинции Хубэй, 1990. — 465 с.)
293. 申小龙. 中国文化语言学 [M]. 吉林教育出版社, 1990: 458. (Шэнь Сяолун. Китайская лингвистика культуры / Шэнь Сяолун. — Цзилинь : Изд-во образования провинции Цзилинь, 1990. — 458 с.)
294. 毕继万. 第二语言教学的主要任务是培养学生的跨文化交际能力 [J]. 中国外语, 2005(01): 66-70. (Би Цзивань. Основная задача обучения второму языку — развитие межкультурной коммуникативной компетенции студентов / Би Цзивань // Кит. яз. как иностр. — 2005. — № 1. — С. 66–70.)
295. 王仰正. 从语言国情学到语言文化学 [J]. 解放军外国语学院学报, 2011(02): 27-31. (Ван Янчжэн. От изучения лингвострановедения к изучению лингвокультурологии / Ван Янчжэн // Журн. иностр. яз. Нар.-освобод. армии. — 2011. — № 2. — С. 27–31.)
296. 李向东. 关于俄罗斯语言国情学的反思及其发展趋势 [J]. 中国俄语教学, 2003(4): 46-50. (Ли Сяндун. Размышления о лингвострановедении русского языка и тенденциях его развития / Ли Сяндун // Преподавание кит. и рус. яз. — 2003. — № 4. — С. 46–50.)
297. 林宝煊. 创建有中国特色的俄语语言国情学 [J]. 中国俄语教学, 1994 (04): 38-41. (Линь Баосюань. Создать лингвострановедение русского языка с китайской спецификой / Линь Баосюань // Преподавание рус. яз. в Китае. — 1994. — № 4. — С. 38–41.)
298. 刘宏. 跨文化交际中的语言世界图景 [J]. 东北亚外语研究, 2016(3): 3-7. (Лю Хун. Картина языкового мира в межкультурной коммуникации / Лю Хун // Изучение иностр. яз. в Сев.-Вост. Азии. — 2016. — № 3. — С. 3–7.)
299. 刘宏. 俄语语言国情学发展新趋势略说 [J]. 中国俄语教学, 2005(04): 47-51. (Лю Хун. Краткое обсуждение тенденций развития лингвострановедения русского языка / Лю Хун // Преподавание кит. и рус. яз. — 2005. — № 4. — С. 47–51.)
300. 刘娟. 俄语语言国情学的多视角探究 — 读《语言与文化》心得 [J]. 文学教育, 2014(04): 6-7. (Лю Цзюань. Многопрофильное исследование лингвострановедения русского языка / Лю Цзюань // Лит. образование. — 2014. — № 4. — С. 6–7.)
301. 胡永康. 从俄罗斯语言国情学看语言文化学 [J]. 唐山文学, 2017(8): 111. (Ху Юнкан. О лингвистике культуры на основе изучения русского языка и лингвострановедения / Ху Юнкан // Таншаньск. лит. — 2017. — № 8. — С. 111.)
302. 季元龙. 一门新兴的语言学科—俄语语言国情学 [J]. 外语界, 1985 (03): 48-49. (Цзи Юаньлун. Новая лингвистическая дисциплина — лингвострановедение

русского языка / Цзи Юаньлун // Иностр. яз. – 1985. – № 3. – С. 48–49.)

303. 赵爱国. 从语言国情学到语言文化学 [J]. 中国俄语教学, 2007(03): 28-32.
(Чжао Айго. От лингвострановедения к лингвокультурологии / Чжао Айго // Преподавание русского языка в Китае. – 2007. – № 3. – С. 28–32.)

304. 赵月瑶. 先例现象的语言国情学价值研究 [J]. 青年文学家, 2016(11): 136-137.
(Чжао Юеяо. Исследование значения прецедентных феноменов в лингвострановедении / Чжао Юеяо, Гу Цянь // Молодой исследователь. – 2016. – № 11. – С. 136–137.)

Лексикографические источники

305. Азимов Э.Г. Современный словарь методических терминов и понятий : теория и практика обучения языкам / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М. : Рус. яз. Курсы (РЯ) : Фонд Рус. мир, 2018. – 493 с.

306. Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи : лингвострановед. слов. / А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина. – М. : Рус. яз., 1991. – 144 с.

307. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : УРСС, 2004. – 571 с.

308. Балакай А.Г. Доброе слово: слов.-справ. рус. речевого этикета и простонар. доброжелат. обхождения XIX–XX вв. : в 2 т. / А.Г. Балакай. – Кемерово : Кемеров. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1999. – Т. 1. – 310 с.; Т. 2. – 316 с.

309. Белянин В.П. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий / В.П. Белянин, И.А. Бутенко ; Рос. ин-т культурологии. – М., 1993. – 72 с.

310. Давлетбаева Р.Г. Коннотативный словарь-минимум русского языка / Р.Г. Давлетбаева, З.Д. Батгалова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2016. – 108 с.

311. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / [репринт. воспр. изд. 1903–1909 гг. под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ]. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.

312. Денисова М.А. Народное образование в СССР : лингвострановед. слов. / М.А. Денисова. – 2-е изд., доп. – М. : Рус. яз., 1978. – 251 с.

313. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 573 с.

314. Замятина Н.А. Терминология русской иконописи / Н.А. Замятина. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 270 с.

315. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы : справочник / Ф.С. Капица. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 215 с.

316. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX в. (Опыт энциклопедии) / Р.М. Кирсанова. – М. : Большая рос. энцикл., 1995. – 381 с.

317. Краткий китайско-русский словарь / под ред. О.П. Фроловой ;

Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1987. – 583 с.

318. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР] ; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

319. Лингвострановедческий словарь РОССИЯ / науч. рук. Е.Г. Ростова // Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина : [сайт]. – М., 2014–2022. – Режим доступа: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Тематический_указатель:Перечень_тематик.

320. Малый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона : в 4 т. / репр. воспр. изд. Брокгауза – Эфрона. – М. : ТЕРРА, 1997.

321. Манликова М.Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / М.Х. Манликова. – Фрунзе : Мектеп, 1989. – 117 с.

322. Манликова М.Х. Русский язык и русская культура : этнокультуровед. слов. / М.Х. Манликова ; М-во образования и науки РК. – Бишкек, 2005. – 369 с.

323. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Рос. энцикл. ; Минск : Дилер; Смоленск : Русич, 1994. – Т. 1. – 671 с.; Т. 2. – 719 с.

324. Российский историко-бытовой словарь / авт.-сост. Л.В. Беловинский. – М. : Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова : Рос. арх., 1999. – 526 с.

325. Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2 000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / [В.И. Борисенко и др.] ; под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М. : АСТ-Пресс, 2009. – 725 с.

326. Славянская мифология : энцикл. слов. / [науч. ред. В.Я. Петрухин и др.]. – М. : Эллис Лак, 1995. – 413 с.

327. Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012.

328. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб., 2021. – 550 с.

329. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2003. – Т. 1. – 680 с.; Т. 2. – 856 с.

330. Степанов Ю.С. Константы : слов. рус. культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 1997. – 989 с.

331. Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановед. слов. / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1988. – 272 с.

332. Фелицына В.П. Русские фразеологизмы : лингвострановед. слов. / В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.

333. Харченкова Л.И. По одежке встречают... Секреты русского костюма : лингвострановед. слов. / Л.И. Харченкова. – СПб. : Астра-Люкс, 1994. – 105 с.

334. Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР : лингвострановед. слов. / Т.Н. Чернявская. – М. : Рус. яз., 1984. – 355 с.

335. 大俄汉词典 = Большой русско-китайский словарь / 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编; [南致善, 黄长霈责任编辑]. – 8-е изд., пересмотр. и доп. – 北京 : 商务印书馆, 2003. – VI, 2857 с.

336. 汉俄成语词典 = Большой русско-китайский словарь новой эпохи / 西安

外国语学院《汉俄成语词典》编写组编。—北京：商务印书馆，2019。—2725 с.

337. 汉俄成语词典 = Китайско-русский словарь идиоматических выражений / 西安外国语学院《汉俄成语词典》编写组编。—西安：陕西人民出版社，1998。—1021 с.

338. 俄汉建筑工程词典 = Русско-китайский строительный словарь / 哈尔滨建筑大学编；[赵明瑜，田宜耕，陶骏兴主编]。—北京：中国建筑工业出版社，2008。—II, 1207 с.

339. 现代俄汉双解词典本词典编写组编。外语教学与研究出版社出版发行，1992 = Новый русско-китайский словарь。—[Пекин: Иностр. яз., 1992. —1304 с.]

340. 外研社精编俄汉汉俄词典/王维国主编。—北京：外语教学与研究出版社，2011 = Тщательно-редактированный словарь русско-китайского и китайско-русского языков [/ под ред. Ван Вэйго. — Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2011. —1036 с.]

341. 汉俄大词典/顾伯林主编。—上海：上海外语教育出版社，2009 = Большой китайско-русский словарь [/ под ред. Гу Болин. — Шанхай: Изд-во преподавания и исслед. иностр. яз., 2009. —2877 с.]

342. 俄汉谚语俗语词典（修订版）/叶芳来编著。—北京：商务印书馆，2016 = Русско-китайский словарь пословиц и поговорок [/ под ред. Е Фанлай. — Изд. пересмотр. и доп. — Пекин: Шаньу иньшугань, 2016. —533 с.]

343. 新时代大俄汉词 / 黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心编著。—北京：商务印书馆，2016 = Большой русско-китайский словарь новой эпохи [/ Центр изучения рус. яз., лит. и культуры Хэйлунцзян. ун-та. — Пекин: Шаньу иньшугань, 2016. —2725 с.]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Названия еды и напитков

1. Хлеб, хлебобулочные и мучные кондитерские изделия.

1) Хлеб и хлебобулочные изделия: *баранка* (булочка в форме кольца), *басман* (дворцовый хлеб), *ботанец* (хлебная лепешка), *бублик* (большая баранка), *булка* (белый пшеничный хлеб, обычно круглой или овальной формы), *ваглюдка* (булочки в виде фигурок животных), *валенец* (хлебец, обваленный мукой), *витушка* (витая булка), *жаворонки* (булочки в виде птички), *гороховики* (лепешки из гороховой муки), *гречневики* (лепешки из гречневой муки), *жбень* (ржаная лепешка), *житник* (ржаной хлеб), *збожсие/збожсье* (зерновой хлеб), *калабуха/колобуха/калабушка/колеб/колобок* (лепешка в виде хлебного кома), *калач* (пшеничный хлеб в виде замка с дужкой), *каравай* и *коврига* (большой круглый хлеб), *кокурок/кокрок* (долго не черствеющий пшеничный хлебец), *папушник* (домашний пшеничный хлеб, булка, калач), *перепеча* (небольшой ржаной каравай), *реска/решка* (ячменная лепешка с добавлением соснового подкорья), *рогалик* (булка в виде рога), *сайка* (булка из пшеничной муки), *ситник/ситный* (хлеб из просеянной муки), *сухарь* (высушенный кусок хлеба), *сушка* (маленькая тонкая баранка);

2) мучные кондитерские изделия: *баба* (высокий кекс из дрожжевого теста), *бабка* (маленький кекс из пресного теста), *житник* (ячная кокурка), *кокура/кокурка* (сдобная лепешка, витушка), *крендель* (булка в форме буквы В или цифры 8), *кулич* (баба, выпекаемая на Пасху), *плюшка* (сдобная булочка), *пышка* (сдобная круглая булочка);

3) пироги, пирожки – разнообразные фаршированные открытые и закрытые мучные изделия: *алялюшка* (жареный пирог), *балахонка* (пирожок с рыбой), *блинник* (пирог с начинкой из гречневых блинов), *бличник* и *губник* (пирог с грибами), *борканник* и *морковник* (пирог с начинкой из моркови), *ватрушка* (открытый пирог с начинкой из творога, варенья или повидла), *векошник* (открытый пирог с начинкой из остатков еды), *векошник-сгибень*

(закрытый векошник), *грушеник* (грушевый пирог), *дежень* (ржаной пирог), *жареница* (открытый пирог с рыбой), *жданики* (пироги для званых гостей), *казюлька/козуля* (большая творожная ватрушка), *калинник* (пирог с сушеной калиной, вмешанной в тесто), *калитка* (открытый пирожок из пресного теста), *капустник* (пирог с капустой), *кокура/кокурка* (сдобный пирог), *курник* (пирог с курицей или индюшатиной), *кулебяка* (пирог с мясом, рыбой или грибами), *левашник/наливашник* (жареный пирожок треугольной формы) *луковик/луковник* (пирог с луком), *накрёпок* (пирог с кашей и соленой красной рыбой), *наливашник/наливушка* (открытый пирог), *посикунчики/посекунчики* (мясные пирожки маленького размера), *пряженцы* (жареные пирожки), *расстегай* (пирог с мясом, рыбой или грибами), *рыжечник* (пирог с начинкой из рыжиков), *сгибень* (пирог из теста, сложенного вдвое), *сметанник* (открытый пирог с начинкой из сметанного крема), *сочник/сочень* (слоенный пирожок с полуоткрытой или закрытой начинкой), *шаньга* (открытый или закрытый пирожок);

4) печенье, пряники – кондитерские изделия из недрожжевого теста, имеющие определенную форму, рельеф: *жемки* и *тетёры* (вид пряников), *коврижка* и *медовик/медовник* (медовый пряник), *козули* (пряники с рожками), *коржик* (сладкая лепешка), *хвост* (сухое рассыпчатое печенье из тонких полосок теста, сваренных в масле), *щулеп* (большой пряник);

5) блины – кушанье в виде лепешки из жидкого теста, испеченной на сковороде: *антилосы* (блины), *гречневики* (блины из гречневой муки), *налитки* (блинчики из пресного теста), *налитыш* (небольшой блин), *оладьи* (толстые мягкие лепешки, испеченные на сковороде), *табани* (толстые блины).

2. Первые блюда, супы.

1) Горячие заправочные супы: *борщ* (суп на основе мясного бульона с капустой и свеклой), *борщок* (постный борщ на грибном бульоне), *бундечка* (постный суп), *груздянка* (суп, основной ингредиент которого грибы-грузди), *калья* и *уха* (рыбный суп), *кач* (похлебка из подкорья осины), *кулеш* (похлебка с крупой и салом), *пареница* и *репница* (похлебка из пареной репы), *похлёбка* (легкий суп на основе овощного отвара), *рассольник* (суп на основе мясного

бульона с добавлением огуречного рассола, перловой или рисовой крупы), *солянка/селянка* (супы из разных сортов мяса и мясных продуктов, рыбы и грибов), *таранчуг* (суп с бараниной), *ушиное* (суп из баранины с лапшой), *щи* (суп с капустой), *юрма* (суп на основе смеси рыбного и куриного бульонов), *юшник* (суп из гусиной или свиной крови со свекольным рассолом и солеными огурцами);

2) холодные супы: *баланда* и *ботвинья* (суп на основе кваса с добавлением зелени, огурцов, соленой рыбы), *луковница* (окрошка, тюрка с луком), *окрошка* (суп на основе кваса), *намокиш* (хлебная тюрка для детей), *свекольник* (суп на основе отвара свеклы или свекольной ботвы), *тюрка* (суп из кваса и хлеба).

3. Вторые блюда, закуски.

1) Блюда из молока, молочных продуктов и яиц: *бодряшка*, *дерёбка*, *космоножка* и *потепуха* (простокваша, смешанная с гречневой мукой), *бутеня* (творог, смешанный с горячим или холодным топленым молоком), *вкусня* (яичница с кусочками белого хлеба), *дежень* (смесь творога, молока, сливок и овсяного толокна), *пасха* (пасхальное блюдо из творога), *сырники* и *творожники* (лепешки из творога и муки, испеченные в масле);

2) блюда из муки, круп и бобовых: *быки* (овсяное толокно, смешанное с растительным маслом), *вараховица* (каша из зеленой, незрелой ржи), *вареники* (маленькие отварные пирожки из пресного теста с творожной, фруктовой, овощной, грибной начинкой), *житня* (ржаная каша), *завариха* (жидкая каша или мучной кисель с постным маслом), *загуста* (густая каша из ржаной муки с молоком и маслом), *заспица-глазунья* (жидкая каша с добавлением гороха), *каша* (сваренное на воде или молоке кушанье из крупы), *кисель* (пюре- или желеобразная смесь на основе зерновых и молочных продуктов), *крупеник* (запеканка из крупы), *кулеш* (каша с салом), *кутья* (поминальная каша с медом и изюмом), *лапшевник* (запеканка из лапши и других продуктов), *мыльцы* (гороховый кисель), *саламата* (жидкая каша или мучной кисель с салом), *тукмачи* (лапша из пшеничной и гороховой муки);

3) блюда из овощей: *дрочёна* (картофельная запеканка), *жаренина*

(запеканка из картошки, гречневой каши и молока), *запеканка* (кушанье, приготовленное запеканием), *капустник* (капустная запеканка), *парёнка/пареница* (паренные в печи корнеплоды), *редьковник* (гарнир из редьки), *репники* (пареная репа);

4) блюда из мяса и субпродуктов: *авсень* (свиная голова, запеченная в тесте), *битки/биточки* (отбивные или рубленые котлеты), *буженина* (запеченный окорок), *голубцы* (завернутый в капустные листья мясной фарш), *жаренина* и *жаркое* (жареное мясо), *застыль* и *студень* (охлажденный и сгустившийся до желеобразной массы мясной бульон с кусочками мяса; также изготавливается из рыбы), *нарожное* (мясо птицы, приготовленное на рожне – вилоподобном шампуре), *насохлино* (мясо, вяленое или сушенное на ветру), *няня* (фаршированный бараний желудок), *пельмени* (маленькие отварные пирожки из пресного теста с мясной начинкой), *перепеча* (блюдо из бараньего ливера), *скоблянка* (блюдо из мяса, наструганного от замороженного куска, грибов и картофеля), *солонина* (засоленная впрок говядина), *холодец* (мясной студень);

5) блюда из рыбы: *заливное* (рыба, залитая студенистым наваром), *заспица* (жидкая каша с мелкой сушеной рыбой), *качemas* (вяленая жирная рыба), *ксень* (блюдо из рыбной печени), *тавранчук* (томленная в печи рыба), *тельное* (лепешка, рулет из рыбного фарша);

6) блюда из грибов: *жирник* (каша с грибами), *кундюмы* (пельмени с грибами, также изготавливаются с другой постной начинкой).

4. Десертные блюда: *варенье* (сваренные в сиропе цельные ягоды или нарезанные кусочками фрукты), *калинница* (уваренная с медом и сахаром калина), *кисель* (сладкий молочный или фруктовый студень), *кулага* (кисло-сладкое блюдо из ржаного солода, ржаной муки и калины), *левашня* (тонкая сухая пастила), *леденец* (прозрачная конфета из смеси сахара с фруктовым соком), *мазюня* (измельченная сушеная редька, заваренная в патоке), *нардек* (уваренный арбузный сок), *пастила* (кондитерское изделие на основе фруктово-ягодного пюре).

5. Напитки.

1) Алкогольные напитки: *брага* (домашнее пиво), *водка* (спирт, полученный на основе ржи или пшеницы и затем разведенный водой до 40 градусов), *воронок* (медовая брага), *двоёнка* (водка двойной перегонки), *душепарка* (горячий напиток типа глинтвейна – водка, сваренная с медом и пряностями), *ерофеич* (настойка на травах и пряностях), *жжёнка* (горячий напиток типа пунша – смесь алкоголя, фруктов и жженого сахара), *запеканка* (фруктово-ягодная настойка, выдержанная в керамической герметической посуде в печи в умеренном тепле), *малинник* (малиновый мед), *мёд/медовина* (крепкий алкогольный напиток на основе меда); *пиво* (продукт спиртового брожения солодового суслу с помощью специальных дрожжей и хмеля), *наливка* (сладкая спиртовая настойка на фруктах или ягодах), *настойки* (напиток, изготавливаемый настаиванием спирта на различных плодах, косточках, пряностях, душистых и целебных травах), настойки и наливки на основе соответствующих ягод и фруктов: *абрикосовка*, *брусниковка*, *вишнёвка*, *ежевиковка*, *земляниковка*, *калиновка*, *крыжовниковка*, *малиновка*, *моршевка*, *рябиновка*, *сливняк/сливянка/сливяновка*, *смородиновка/смородовка*, *черниковка*;

2) безалкогольные: *березовица* (перебродивший березовый сок), *варенец* (заквашенное топленое молоко), *взвар/взварец/узвар* (компот из фруктов, ягод, изюма), *водичка/водица* (ягодный сок, разведенный водой, с добавлением сахара или меда), *квас* (кисловатый напиток, приготовляемый на воде из ржаного хлеба и суслу или из ржаной муки с солодом), *медва/медовица* и *сыта* (вода с добавлением меда), *морс* (ягодный настой, отвар), *мсто* и *сбитень* (горячий напиток с медом и пряностями), *простокваша* (загустевшее кислое молоко), *репница* (репный квас), *яблонька* (яблонева водичка).

б. Вспомогательные продукты: *брага* (перебродившая смесь из воды, муки, сахара с дрожжами, используемая для получения спирта), *взвар* (подлива к блюдам из мяса, дичи, птицы из растительного сырья), *виволога* (начинка из смеси всех видов мяса для пирогов, предлагаемых для угощения во время какого-либо стовора), *визига/вязига* (высушенная хорда осетровых рыб), *горчица* (острая

приправа из порошка горчицы), *забелка* (молочные продукты, служащие заправкой к горячим и холодным супам), *закваска* (продукт, служащий возбудителем брожения), *затор* (хлебные или мучные продукты, разведенные водой и оставленные для брожения), *кисленица*, *крошево* и *щаница/щеница/щиница* (квашеные верхние листья капусты, заготовка для щей), *накисель*, *сулой* и *цеж* (жидкость, используемая для забраживания или варки мучного киселя), *налива* (жидкая или полужидкая начинка из творога с сырым яйцом либо вареньем для пирогов и ватрушек), *опара* (жидкое квасное тесто), *сусло* (сладковатый навар на муке и солоде, полуфабрикат для приготовления пива).

Приложение 2

Названия предметов одежды и обуви

1. Мужской костюм.

1) Мужская нижняя и верхняя одежда (включая детали одежды): *арамузы* (голенища из кожи, надеваемые поверх брюк), *армяк* (долгополый кафтан из грубой шерстяной ткани), *балахон* (летняя крестьянская одежда свободного покроя из холста), *бекеша* (кафтан на меху), *варежки* (теплые вязаные рукавицы; используются также женщинами), *вотола/ватула* (накидка), *гати/гачи* (нижние штаны), *голицы* (кожаные рукавицы), *епанча* (безрукавный плащ), *зепь* (карман-сумка), *зипун* (суконный кафтан без воротника), *кафтан* (верхняя долгополая одежда типа пальто), *кожух* (зимний кафтан), *кондырь* (отворот рукава; воротник рубашки), *корзно/корзень* (безрукавный плащ; зипун), *косоворотка* (рубашка с косым воротом), *кушак* (пояс), *кушаницы* (рукавицы), *лабашак* (крестьянский кафтан), *однорядка* (длинный однобортный кафтан без воротника; встречается и в женском костюме), *опашень* (летний кафтан типа ферязи с короткими широкими рукавами; встречается и в женском костюме), *охабень* (широкий кафтан с большим откидным воротом и прорезями в длинных рукавах), *подоплека* (подкладка рубахи на спине и груди), *порты* (нижние или верхние штаны), *рубаха/рубашка* (нижняя или верхняя блуза, у мужчин короткая, у женщин длинная), *рукавицы* (род перчаток с одним пальцем для большого пальца руки; используются также женщинами), *сермяга* (кафтан из сермяги – грубого некрашеного сукна), *сорочка* (нижняя или верхняя блуза, у мужчин короткая, у женщин длинная), *терлик* (торжественная придворная одежда типа ферязи), *тулуп* (шуба из овчины), *ферязь/ферезя* (долгополая распашная парадная одежда, надеваемая поверх кафтана; встречается и в женском костюме), *штаны* (одежда типа брюк, могут быть нижними и верхними), *шуба* (верхняя меховая одежда; встречается и в женском костюме);

2) мужские головные уборы: *арогда/орогда* (шапка зверовщиков из меха косули), *аська/асечка* (теплая шапка без ушей с круглым верхом), *барлова* (круглая меховая шапка с невысоким околышем без ушей), *башлык* (суконный

остроконечный капюшон), *боровая* (праздничная круглая шапка из сукна с широким околышем из бобра), *бурк* (круглая меховая шапка с небольшим околышем, плотно облегающая голову, без ушей), *валенка* (шапка из валяной овечьей шерсти в форме усеченного конуса), *гречишник/грешневик/гречневик/гречник/гречушник* (шапка из коричневой вяленой овечьей шерсти в форме высокого цилиндра), *зырянка* (суконная шапка с четырехугольным дном), *кабардинка* (суконная шапка с узкой меховой опушкой), *картуз* (неформенная фуражка), *катанушка* (шапка из валяной шерсти), *краган* (капюшон из сукна), *скуфья/скуфейка* (комнатная шапочка), *кубашка* (шапка из овчины, плотно облегающая голову), *латушка* (шапка из сукна с высоким околышем), *мурmolка* (меховая шапка с плоской тульей), *нахутарница* (шапка, валянная из овечьей шерсти), *тафья/туфейка* (маленькая круглая шапочка), *треух* (теплая шапка с опускающимися наушниками и задком), *ушанка* (теплая шапка с ушами), *шапка* (головной убор; встречается и в женском костюме);

2. Женский костюм.

1) Женская нижняя и верхняя одежда: *андарак/андрак*, *лахта* и *понёва* (юбка), *бугай* (шугай без рукавов), *душегрея* (верхняя одежда наподобие кофты или нагрудная верхняя одежда на лямках), *завес/занавеска/завесушка*, *запон/запона* и *передник* (фартук), *кацавейка* (утепленная короткая кофта), *кортель* (подбитый мехом летник), *летник* (длинная, сильно расширяющаяся к низу верхняя одежда с длинными широкими рукавами), *муфта* (открытый с обеих сторон меховой мешок для сохранения тепла рук), *ожерелье* (пристегнутый к летнику ворот), *передник* (фартук; встречается и в мужском костюме), *распашиница* (распашной летник), *сарафан* (платье без рукавов), *телогрея/телогрейка* (теплая кофта, обычно без рукавов), *холодник* (длинный шугай), *шугай* (верхняя одежда на меху или подкладке с длинными суживающимися рукавами, застегивающаяся спереди), *шушпан* (холщовый кафтан, с красной оторочкой);

2) женские головные уборы:

а) головные уборы незамужних девушек в виде обруча и лент, нитей:

банты, бочка, венец, венок, венчик, головодец, золотнуха, кардонка, клеёнка, конура, коруна, косицы, косник, красот/красота/красотина, ленда, ленка, лента/лентка, махры, наборошник, накосник, налобень, обруч, перевязка, увясло, чело/чёлка;

б) головные уборы в виде отреза материи для повязывания, обертывания или покрывания головы; иногда сочетались с шапкой, кикой или кокошником: *безумент, галстинка, дымка/дынка, комок, косынка/косыня, косырь, кось/косяк, малоголовка, мартушка, намётка, обвязка, платок/плат, плахта, полотенце, убрус, фата, ширинка, шлык;*

в) головные уборы типа шапки, закрывающей волосы: *вайник, волосник, каптур, колпак, маковочки, наколка, очепок/очипок, повойник/повой, подбрусник, столбунец;*

г) праздничные головные уборы с нарядно разукрашенной и высоко поднятой надо лбом передней частью – *кокошники: бархатка/бархатник, борушка, голова, головной, здоровканье, златоглав, морхатка, моршень, очапок, сборник, чуплюк;*

д) праздничные головные уборы замужних женщин в виде шапочки причудливой формы – *кики/кички: верхуша, золотоломка, каблучок, кищонка, колотовка, махрénка, моховик, обуза, оправа, рога, сорока, увязка, шамшура, шеломок;*

е) головные уборы типа капора: *мезенка.*

3. Обувь: *бахоры* (лапти без обор), *башмаки* (невысокая закрытая обувь для ношения на улице), *валенки* (высокая зимняя обувь, сваленная из овечьей шерсти), *коты/котики* (женские полусапожки с суконной оторочкой; мужская верхняя обувь; нижняя теплая обувь типа унт), *лабаки/лабуты* (лапти, обувь грубой работы), *лапти* (низкая обувь, сплетенная из древесного лыка), *оборы* (шнурки для лаптей из лыка), *онучи* (длинная и широкая полоса ткани для обматывания ног до колена при ношении лаптей), *поршни/постолы* (сандалии из цельного куска кожи), *сапоги* (обувь с высокими голенищами), *чёботы* (сапоги с каблуками и загнутыми носами), *чупаки* (валенки, обшитые кожей).

Приложение 3

Названия, связанные со строительством и архитектурой

1. Жилые помещения и постройки: *божница* (место для икон), *голбец* (клеть, чулан за русской печью), *горница* (чистая половина избы), *закут* (место за печкой), *изба* (крестьянский дом), *коник* (мужской угол, у входа в избу), *кут* (женский угол, место рядом с печкой), *ложница* и *одрина* (спальня), *палата* (большое каменное строение), (*повалуха/повалуша* (неотапливаемая спальня), *повалуша/повалыша* (помещение для пиров), *полати* (настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и стеной), *светёлка/светлица* (светлая комната в верхней части дома), *сруб* (деревянное сооружение из бревен, скрепленных в форме четырехугольника), *терем* (жилой верхний ярус хором или палат), *хоромы* (просторный деревянный дом), *шесток* (площадка между устьем и топкой русской печи).

2. Хозяйственные помещения и постройки: *амбар/анбар* (постройка для хранения зерна, муки), *асеть* (сушило в овине), *баня* (постройка, где моются и парятся), *гридница* (большая клеть), *гумно/гуменник* (крытый ток, где обмолачивают зерно), *девичья* (помещение для женской прислуги), *доспешня* (мастерская), *житница/житня* (постройка для хранения обмолоченного хлеба), *закром* и *сусек* (отгороженное место в амбаре для зерна), *заплот* (забор вокруг двора), *калитка* (дверь в заборе), *клеть* (холодная часть избы), *конюшня/конюшник* (загон для лошадей и домашнего скота), *людская* (помещение для дворни), *молодёжня* (солодовня), *мишаник/амшаник/омшаник* (строение для хранения припасов, зимовки скота, пчел), *мыльня* (баня), *напогребица* (кладовая над погребом или ледником), *овин* (строение для сушки снопов перед молотьюбой), *поварня* (кухня), *подклет/подклеть* (погреб под клетью), *подпол/подполье* (пространство под полом), *портмойня* (прачечная), *сарай* (хозяйственная постройка), *солодильня/солодовня* (помещение для производства солода), *парильня/парная* (часть бани, где парятся), *плетень* (изгородь, плетенная из прутьев), *предбанник* (прихожая в бане), *прясло* (часть изгороди от столба до столба; изгородь из длинных жердей), *хлебня*

(хлебопекарня), *хлев* (крытый загон для домашнего скота), *чулан* (кладовая).

3. Внешнее и внутреннее устройство и убранство помещений: *баляса/балясина* (столбик под перила), *бочка* (вид высокой кровли), *бык* (наклонное бревно – стропильная нога), *воронец* (балка под потолком для удержания крыши), *восьмерик* (восьмигранный сруб), *втулка* (щит размером с окно, внутренний ставень), *гульбище* (терраса вокруг терема), *двойня* (изба из двух соединенных срубов), *дымарь/дымник/дымница* (труба), *завалина/завалинка* (земляная насыпь с внешней стороны стен), *зимник* (низкая пристройка для холодов), *каменка* (некирпичная печь), *князёк* и *конёк* (верхнее горизонтальное ребро крыши), *колокол* (изделие из медного сплава в виде полого усеченного конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем), *колпак* (верхушка кровли), *крестовик* (изба, разделенная стенами на четыре помещения), *крыльцо* (лестница и площадка перед входом в помещение), *курица* (бревно, поддерживающее бревна-самцы), *лемех* (деревянная пластина для кровли), *матица/матица/матка* (опорная балка), *наличник* (украшенная рама вокруг дверей, окон; ставень), *обрубы* и *реж/ряж* (примитивный фундамент), *охлупень* (выдолбленное бревно, закрывающее конек), *очена* (жердь, на которую подвешивали колыбель), *печь* (сооружение для отопления помещения и приготовления пищи), *повал* (криволинейный карниз), *подзор* (карниз), *подклет* (нижний ярус избы), *подскальник* (нижний слой кровли), *полотенце* (деревянное резное украшение по краю крыши), *прапорица* (флюгер), *прикрой* (дощатый навес), *пятистенка* (изба с пятью капитальными стенами), *самец* (бревно фронтовой части кровли), *свес* (водосток), *сволок* (балка, поддерживающая потолок), *сени* (тамбур), *слега* (длинный брус, к которому крепятся бревна или тес), *сорока* и *стамик* (штифт с резным завершением), *ставень* (дверка для прикрытия окна), *стропила* (опора для кровли), *тетива* (наклонный брус лестницы), *фортка/форточка* (стеклянная дверца в окне), *чело* (фронтон), *чердак* (помещение от потолка до кровли), *четверик* (четырёхгранный сруб), *четырёхстенка* (изба с четырьмя капитальными стенами), *шатёр* (вид высокой кровли), *шестистенок* (комбинация из двух срубов), *шпелец* (бревно-самец).

Приложение 4

Названия утвари

1. Мебель: *воронец* (полка под потолком вокруг всего дома), *доскан/дощан* (ларь), *зыбка, коломель, колыбель* и *люлька* (качающаяся кроватка для младенца), *кровать/коровать* (рама на ножках под постель), *лавка, скамья* (доска для сидения или лежания, прикрепленная к стойкам или к стене), *ларь/ларец* (сундук), *рукомойник* (ящик с тазом, над которым подвешен сосуд с водой для умывания), *светец* (приспособление в виде металлической вилки для укрепления лучины), *стол* (широкая деревянная пластина, укрепленная на ножках), *столец* (стул, табурет), *ходики* (настенные часы).

2. Посуда.

1) Сосуды для накладывания еды: *блюдо/блюдце* (большая, почти плоская чаша), *миса/миска* (чаша для размешивания), *овощник* (чаша под овощи), *оловянник* (глубокая чаша из олова), *плошка* (небольшое блюдо), *рассольник* (глубокая чаша), *солило* (чаша для солений), *солило/солонка/солоница* (чашка под соль), *чаша/чашка* (невысокая посуда округлой формы, широкая сверху, узкая снизу);

2) большие сосуды для наливания напитков: *баклага/баклажка* (деревянный долбленный сосуд), *балакирь* (кувшин), *братина* (большая чаша для пива), *горшок* (округлый керамический сосуд без ручки для приготовления пищи, хранения жидких и сыпучих продуктов), *дойник* (горшок для отстаивания молока), *ендова* (широкая чаша с носиком для вина), *жбан* (кувшин с крышкой), *кандюшка* (маленький кувшин-кружка), *квасник* (кувшин для кваса), *кисельница* (низкий горшок с широким горлом для киселя), *ковиш* (чаша с рукояткой), *кринка/крынка* (высокий глиняный сосуд с широким горлом), *кубан* (большая крынка), *кубыня/кубышка* (кувшин с узким горлом), *кувшин* (высокий, суживающийся кверху сосуд с ручкой и носиком), *кумочка* (маленькая крынка с ручкой), *кухля/кухоль* (сосуд в виде горизонтально установленного бочонка), *пивняк* (кувшин под пиво), *полевик* (кувшин с ручкой в верхней части);

3) сосуды для питья: *кружка* (сосуд для питья с ручкой), *кубок* (большая

рюмка), *лафитник* (рюмка округлой формы для вина), *оловянка/оловянник* (кружка из олова), *рюмка* (сосуд для питья спиртных напитков на ножке), *стакан* (сосуд для питья цилиндрической формы, без ручки), *столбуха* (большой кубок, чарка), *стопка* (маленький стаканчик для крепких напитков), *тушка* (кружка шарообразной формы), *чара/чарка* (чаша для вина);

4) сосуды и приспособления для приготовления пищи на огне: *бляшка* (железный лист, противень), *братина* (горшок с ручками), *гусятница* (продолговатая посуда с толстыми стенками для жаренья и тушения), *жаровня* (посуда для обжаривания), *кашник* (горшок с одной ручкой), *котёл/котелок* (металлический сосуд округлой формы), *латка/ладка*, *сковорода* (круглая плоская посуда для жарки), *чапела* и *черепушка* (глиняная сковорода, плошка), *чугун/чугунок* (горшок из чугуна);

5) прочая кухонная утварь: *веко/вёко* (лукошко для хлеба), *воронка* (приспособление в виде трубки с раструбом для переливания жидкостей в узкогорлые сосуды), *дежа* (кадка под хлебное тесто), *иготь* (ступка), *корчага* (большой глиняный горшок в основном для хранения продуктов), *косарь* (нож с большим лезвием), *кочерга* (железный прут с загнутым концом для перемешивания топлива в печи), *крупник* (большой сосуд для хранения крупы), *ложка* (прибор для зачерпывания пищи), *маслобойка* (приспособление для взбивания сливок в сливочное масло), *молостов* (горшок для взбивания масла), *мутовка* (венчик), *накашник* (глиняная крышка на горшок в форме блюда), *наквашенник* (деревянный круг с ручкой для покрытия квашни с тестом), *нож* (орудие для резания, состоящее из ручки и лезвия), *опарница* (горшок для замешивания опары), *пест* (стержень с утолщенным концом), *подойник* (ведро, куда доят молоко), *решето* и *сито* (обод с натянутой сеткой для просеивания), *рожон/рожун* (вилоподобный шампур), *самовар* (металлический сосуд для кипячения воды с краном и внутренней топкой), *сечка* (топор для рубки капусты), *ступа* (большой сосуд, в котором толкут что-либо пестом), *ухват* (орудие, состоящее из длинной рукоятки с рогаткой на конце, которой захватывают и ставят в печь горшки и чугуны), *чапель* (косарь), *чапельник*

(сковородник).

3. Банные принадлежности, приспособления для хранения и транспортировки: *бадья* (широкое ведро), *бочка* (большой деревянный сосуд с двумя плоскими днищами и выпуклыми, стянутыми обручами стенками), *ведро* (большой сосуд с двумя ушками и дугообразной ручкой для ношения и хранения жидкостей, сыпучих веществ), *дегтярница* и *лагушка* (сосуд для дегтя), *кадка/кадь* (бочка с прямыми боками и одним днищем), *корзина* (плетенное из прутьев изделие, служащее для хранения и транспортировки чего-либо), *короб* (изделие из луба или бересты, служащее для хранения и транспортировки чего-либо), *коромысло* (деревянная плоская дуга с выемками или крючками на концах для ношения ведер на плечах), *корыто* (большая продолговатая открытый емкость для стирки белья и др.), *кошель* (сумка из бересты, лыка и т. п.), *лохань* (деревянный таз для стирки и пр.), *лукошко* (корзинка из луба или прутьев), *пудовик* (большой сосуд, вмещающий пуд сыпучих продуктов), *рукомой/рукомойка/рукомойник* (сосуд с водой для умывания), *туес/туесок* (берестяной короб для ягод, грибов и др.), *ушат* (кадка с двумя ушами сверху), *чан* (большая кадка), *шайка* (деревянный таз для мытья в бане).

4. Хозяйственный текстиль: *завеса* (занавеска), *наволочка* (чехол, надеваемый на подушку), *наквасник* (холст или мешковина для покрытия кадки с квасом), *настольник* и *натрапезник* (скатерть из дешевого материала, используемая ежедневно), *одеяло* (постельная принадлежность для укрывания тела), *перина* (тюфяк, набитый пухом или пером), *пододеяльник* (чехол для одеяла), *подзор* (кружевная кайма, оборка, обрамляющая нижний край покрывала), *подушка* (небольшой мешок, набитый каким-либо мягким материалом, для подкладывания под голову), *полотенце* (отрез ткани для вытирания головы и тела), *простынь* (отрез ткани, настилаемый на тюфяк), *скатерть* (изделие из ткани для накрывания стола), *торба* (заплечный мешок, сума), *тюфяк* (большой мешок, набитый каким-либо мягким материалом, служащий матрасом), *утирка/утиральник* и *ширинка* (полотенце).

Приложение 5

Названия предметов труда

1. Сельскохозяйственные орудия, предметы и результаты труда: *абжа* (оглобля у сохи), *борона* (конные грабли), *вилы* (орудие в виде длинной рукоятки с зубьями), *грабли* (орудие в виде насаженной на длинную рукоятку колодки с зубьями), *коса* (орудие в виде насаженного на длинную рукоятку длинного изогнутого ножа), *лемех* и *сошник* (режущая часть плуга), *лопата* (орудие в виде длинной рукоятки с широким плоским концом), *плуг* (орудие с широким металлическим лемехом или диском для вспашки земли), *пугало* (чучело для отпугивания птиц), *серп* (изогнутый в форме дуги нож для срезания колосьев), *сноп* (связанная охапка стеблей вместе с колосьями), *соха* (примитивное орудия для вспахивания земли), *стог* (большая копна сена, соломы или необмолоченного хлеба), *цеп* (орудие для молотбы, состоящее из рукоятки и прикрепленного к ней ремнем дощечки).

2. Наименования, связанные с обработкой дерева: *андрон* (шест, жердь), *багай* (гвоздодер), *баклуша* (деревянная заготовка), *балда* (большой топор; ручная трамбовка), *бурав/буравчик* (инструмент для высверливания отверстий), *весок* (отвес), *ворот* (лебедка), *долото* (инструмент для выдалбливания отверстий), *донец* (приспособление для резки углов), *ерунок/ярунок* (столярный инструмент – углорез), *зауторник/уторник* (инструмент бондаря), *киянка* (деревянный молоток), *клёпка* (дощечка для боковых стенок бочки), *коловорот* (бур), *колун* (клиновидный топор), *линейка* (планка для вычерчивания прямых линий), *малка* (столярный инструмент для построения углов), *медведка* (большой двуручный рубанок), *ножовка* и *пила* (инструмент для разрезания в виде стальной пластины с заостренными зубцами), *обух* (тупая часть острого орудия), *резец* (инструмент с лезвием для резки), *рубанок* (инструмент для строгания), *секач* (нож с топовидным лезвием), *скобель* (нож с ручками на концах для сдирания коры с бревен), *струг* (инструмент для грубой обработки дерева строганием), *тесло* (топор с лезвием, расположенным перпендикулярно топорису), *тиски* (зажим), *топор* (инструмент для рубки и тесания в виде

насаженной на деревянную рукоять железной лопасти с острым лезвием), *топорище* (рукоятка топора), *угольник* (инструмент в виде треугольника), *утор* (вырезка по краю бочки для вставки дна), *черта* (инструмент для разметки параллельных линий), *шило* (игла с рукояткой).

3. Наименования, связанные с обработкой металла: *баба* (механизм для вбивания свай), *гвоздь* (заостренный металлический стержень со шляпкой на тупом конце), *горн* (устройство для нагрева заготовок), *зубило* (металлорежущий и отбойный инструмент), *клещи* (щипцы с загнутыми внутрь концами для захватывания и зажима), *кувалда* (большой ручной молот), *молот/молоток* (ударное орудие в виде насаженного на рукоятку металлического бруска), *наковальня* (железная подставка для ковки металла), *обжимка* (инструмент, применяемый при ковке для вытяжки металлической заготовки в стержень), *пробойник* (инструмент для пробивания небольших отверстий), *прошивень* (инструмент для проделывания отверстий или углублений при ковке металла).

4. Наименования, связанные с обработкой тканей, кожи, изготовлением одежды, обуви и т. п.: *аут* (скребок для очистки мездры), *бакса* (чан для вымачивания кож), *бёрдо* (приспособление для ткачества в виде гребня), *веретено* (деревянная палочка с заостренными концами и утолщением посередине для наматывания пряжи), *гребень* (зубчатая деревянная пластина для чесания волокна), *игла/иголка* (заостренный стержень с ушком для нити), *канва* (редкая сетчатая ткань для вышивания), *канитель* (тонкая металлическая нить для вышивания), *катушка* (стержень для наматывания ниток), *коклюшка* (палочка для плетения кружев), *колодка* (деревянная болванка для натягивания кожи), *кочедык* (плоское изогнутое шило для плетения лаптей), *крючок* (металлический стержень для вязания, загнутый с одной стороны), *кудель* (волокно льна, пеньки, обработанное для приготовления пряжи), *ножницы/ноженцы* (инструмент для резки ткани, ниток и т. п.), *прялка* (приспособление для прядения), *пряслице/прясло/пряслень* (дисковидный грузик, насаживаемый на веретено), *пальцы* (рамка для натягивания ткани под вышивку), *стицы* (металлические стержни для вязания), *трепало/трепалка* (деревянный

косарь для трепания волокна).

5. Наименования, связанные с ловлей рыбы и охотой: *ахан/охан* и *невод* (рыболовная сеть), *балбера* (поплавок на сетях), *донка* (удочка для донного лова), *ёрша* (мешок из гибких прутьев для ловли рыбы), *западня* (ловушка для животных), *кулёма/кулёмка* (ловушка для мелких зверей), *лук* (оружие для метания стрел), *обмёт* и *тенёта* (сети для ловли животных), *острога* (рыболовные вилы), *праца* (ремень с петлей для камня), *рогатина* (охотничье орудие – большой обоюдоострый нож на длинном древке), *силок* (ловушка для мелких зверей и птиц), *стрела* (стержень с заостренным наконечником), *удочка* (рыболовная снасть, состоящая из удилица и прикрепленной к нему лесы с крючком).

Приложение 6

Названия, связанные с транспортными средствами

1. Наименования, связанные с гужевым транспортом: *андрец/одр/одрец* (одноколка с волоками для перевозки снопов, сена), *арапленик/арапельник/арапник* (плеть), *вожжи* (ремень, прикрепляемый к удилам для управления лошады), *гуж* (кожаная или веревочная петля у хомута), *дуга* (согнутый тонкий ствол дерева, служащий для прикрепления оглобель к хомуту), *колокольчик* (маленький колокол, прикрепляемый к дуге), *оглобля* (жердь, соединяющая повозку и дугу), *пахви* (ремень с кольцом, через которое продевается хвост лошади), *подвода* и *телега* (грузовая повозка), *попона* (покрывало для лошади), *розвальни* (низкие и широкие сани без сиденья), *салазки* и *сани* (зимняя повозка на полозьях), *сбруя* (конская упряжь), *седло* (сиденье всадника), *тройка* (три лошади в одной упряжке), *удила* (железный стержень, вкладываемый в пасть лошади), *узда/узdechка* (удила с поводьями), *хомут* (нашейная часть упряжи), *чересседельник* (ремень, соединяющий оглобли), *шоры* (щитки, не дающие лошади смотреть по сторонам).

2. Наименования, связанные с речным и морским транспортом: *бабайка* и *весло* (шест с лопастью на конце для гребли), *багор* (длинный шест с крюком на конце), *базьяновка* (лодка, поднимающая до 100 пудов груза), *байдак/байдара*, *ладья/лодья* (небольшое парусное судно), *ветрило* (парус), *лодка* (небольшое гребное судно), *плот* (судно в виде платформы из бревен), *руль* (устройство для управления), *уклучина* (приспособление для укрепления весла на борту лодки), *ушкуй* и *чёлн* (ладья, лодка).

Приложение 7

Названия, связанные с играми и развлечениями

1. Наименования, относящиеся к песням и пляскам: *баланжа* (пляска), *барыня* (задорная плясовая песня), *величальная* (торжественная песня в честь кого-либо), *закличка* (обрядовая песня – обращение к высшим силам), *каравай* (детская хороводная песня – поздравление именинника), *колыбельная* (песня, которой убаюкивают ребенка), *косарики* (песни косарей), *трепак* (быстрая пляска и песня к ней), *плач* и *причитания/причет* (обрядовая жалобная песня), *хоровод* (коллективный танец, участники которого с пением ходят по кругу), *чапушка* (короткая лирическая или комическая песенка).

2. Наименования, относящиеся к играм и игрушкам: *альчик* (игральная кость), *баба* (игра), *бабка* (игральная кость и игра на выбивание таких костей), *базук* (детская игра в солдаты), *бирюльки* (мелкие деревянные предметы и игра с ними), *ванька-встанька* и *неваляшка* (кукла, которую нельзя уложить), *горелки* и *столбушки* (игра, в которой один догоняет убегающую пару), *городки* (игра по сбиванию битой чурок), *догонялки*, *кошки-мышки*, *пятнашки*, *салки* (игра, в которой нужно догнать убегающего и дотронуться до него), *жмурки* (игра, в которой один, с завязанными глазами, ловит остальных), *качалка* (качели), *лапта* (командная игра с мячом и битами), *матрёшка* (деревянная кукла, состоящая из нескольких входящих друг в друга полых фигур), *молчанка* (игра, в которой проигрывает заговоривший первым), *пестушка* и *потешка* (игра взрослого с ребенком – произнесение стихов и сопровождение их определенными действиями), *поп* (вертикально стоящая рюха при игре в городки), *прятки* (игра, в которой водящий ищет спрятавшихся игроков), *рюха* и *чушка* (чурка для игры в городки), *свайка* (игра, состоящая в метании гвоздя в железное кольцо), *снеговик* (сложенное из больших комьев снега подобие человеческой фигуры), *снежки* (игра, в которой участники закидывают друг друга снежными комками), *считалка* (стихи в детских играх, читая которые определяют водящего), *чучело* (подобие человека, сделанное из соломы, тряпья и т. п.), *шашки* (настольная игра с двумя участниками на доске 8 на 8 или 10 на 10).

3. Музыкальные инструменты: *балалайка* (струнный щипковый инструмент), *баян* (большая гармонь), *гармонь/гармошка/гармоника* (инструмент с подвижными мехами и клавиатурой с двух сторон), *гусли* (многострунный щипковый инструмент), *дуда/дудка* (духовой инструмент в виде трубки с отверстиями), *рожок* (духовой инструмент в виде рога), *свирель* (дудка из дерева или тростника), *трещотка* (ударный инструмент – нанизанные на шнур деревянные пластинки).

4. Привычки: *папироса* (бумажная трубочка с мундштуком, набитая табаком), *самокрутка* (папироса, изготавливаемая самим курильщиком).

Приложение 8

Традиционные русские меры, деньги

1. Меры веса: *ансыр* ($1\frac{1}{2}$ фунта), *берковец* (10 пудов), *гран* (0,062 г), *доля* (0,044 4 г) *золотник* ($\frac{1}{96}$ фунта или 4,26 г), *лот* (12,797 г), *осьмушка/восьмушка* ($\frac{1}{8}$ фунта), *пирог* (доля), *почка* (0,17 г), *пуд* (40 фунтов или 16,58 кг), *фунт* (409,5 г).

2. Линейные меры: *аршин* (71,12 см), *верста* (500 саженой или 1,06 км), *вершок* ($\frac{1}{16}$ аршина или 4,4 см), *ладонь* ($\frac{1}{6}$ локтя или 7,5 см), *локоть* (0,45 м), *пядь* (17,78 см – расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев), *сажень* (2,134 м), *фут* (30,48 см), *шаг* (0,71 м).

3. Меры площади: *десятина* (2 400 квадратных саженой), *осьминник* ($\frac{1}{8}$ десятины), *четверть/четь* (в разное время $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ десятины).

4. Меры объема сыпучих веществ: *гарнец* (3,28 л), *кадка/кадь* (839,69 л), *мера* (26,24 л), *осьмина* (половина четверти или 104,95 л), *полокова* (419,84 л), *полосьмина* (половина осьмины или 52,48 л), *получетверик* (13,12 л), *стакан* (0,273 л), *цебр* (26–30 четвертей), *четверик* (26,239 л), *четвёрка* (6,56 л), *четверть/четь* (8 четвериков или 210 л).

5. Меры объема жидких веществ: *бочка* (40 ведер или 492 л), *бутылка* ($\frac{1}{16}$ или $\frac{1}{20}$ ведра), *ведро* ($\frac{1}{40}$ бочки или 12 л), *корчага* (2 ведра), *косушка* ($\frac{1}{40}$ ведра), *стакан* (0,273 л), *чарка* ($\frac{1}{100}$ ведра), *четверть* ($\frac{1}{4}$ ведра или 3 л), *четушка* ($\frac{1}{50}$ ведра), *шкалик* ($\frac{1}{200}$ ведра или 0,06 л), *штоф* ($\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{10}$ ведра).

6. Монеты и банкноты: *алтын* (3 копейки), *гривна* (серебряный слиток весом около полфунта), *грош* (2 копейки, полкопейки), *деньга* (полкопейки), *екатеринка/екатериновка* (банкнота 100 рублей с изображением Екатерины II), *копейка* ($\frac{1}{100}$ рубля), *полушка* ($\frac{1}{4}$ копейки), *рубель* (100 копеек), *червонец* (5- или 10-рублевая монета; 10-рублевая банкнота).